КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія „Корчакъ-Новицкаго", Михайловская ул., домъ № 4.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	П. А. КУЛИШЪ.	I
II.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Окончаніе слѣдуетъ).*	351—374
III.	СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. К.**	375—395
IV.	ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).*	396—451
V.	ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый** *(Окончаніе).*	452—475
VI.	НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.	476—501
VII.	ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА **В. Г—ка.**	502—508
VIII.	КЪ ИСТОРІИ МѢСТЕЧКА БОРИСПОЛЯ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Стороженка.**	509—518
IX.	КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ВИШНЕВЕЦКІЙ, ПО НАРОДНОМУ ПРОЗВИЩУ БАЙДА. (Къ портрету). **А. Стороженка.**	519—524

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Какъ основалась «Кіевская Старина». **А. Л.** б) Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. Сообщ. **Н. М.** в) Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго. **Б. Гринченка.** г) Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. **В. Гавриша.** д) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	63—78
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Новости польской исторической литературы. **А. С.** б) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ **К.** Мельникъ. (Подъ редакціею В. Антоновича). **Н. М.** в) Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества Д. И. Эварницкаго. **А. Л.** г) В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. **Н. М.** д) Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. е) Обзоръ журналовъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г.	79—92
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго.	
	2) Малороссійская свадьба (1—16).	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—6

При мартовской книгѣ прилагается Заглавный листъ и предисловіе къ 3 тому Дневника Марковича.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1897

Дозволено цензурою Кіевъ, 4 марта 1897 года.

Dymitr Korybuth Xiąże Wisnio
wiecki, Rządca Wysp Zaporozkich
Pan obrany Hospodar Wołoski Znie
siony od Turkow na Háku w Stambu
le a zniego trzech Baszów zabiw
szy umarł od Drugich rozs
trzelany. Roku 1563.

П. А. КУЛИШЪ

(† 2 февр. 1897 г.).

Какъ уже извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ, 2 го февраля скончался *Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ*, имя котораго слишкомъ громко въ нашей южно-русской культурной жизни послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Редакція нашего журнала считаетъ себя обязанной удѣлить достаточно мѣста для всесторонней оцѣнки дѣятельности такого имени, но не надъ свѣжей еще могилой. Вотъ почему, когда получено было нами лирическое письмо по поводу смерти П. А. Кулиша одного изъ современниковъ его, мы сочли самымъ удобнымъ напечатать теперь это письмо, какъ выраженіе чувства, долженствующаго носить примиряющій характеръ при подведеніи въ такой моментъ итоговъ жизни, исполненной многихъ бурь и треволненій; но, дѣлая это, мы сознаемъ свой долгъ и передъ читателями, и передъ именемъ почившаго—и въ ближайшемъ будущемъ обратимся къ ровной и безпристрастной оцѣнкѣ всѣхъ научныхъ и литературныхъ сторонъ дѣятельности его.—*Ред.*

И такъ отошелъ въ вѣчность и послѣдній изъ знаменитой украинской тріады писателей середины текущаго столѣтія, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ... Миръ праху твоему, многоиспытанная и многонатерпѣвшаяся душа! Наше ли несчастіе, или твоя недоля,—ты, въ послѣдніе годы своей жизни, отвернулся было отъ насъ, понесъ скарбы твоихъ талантовъ не въ родную скарбню, даже относился иногда къ намъ съ жесткимъ и несправедливымъ словомъ; конечно, мы при этомъ не молча слушали тебя... Но мы, та и другая стороны, были тогда современниками, и чего не бываетъ иногда между со-

временниками! Имъ позволительно иногда, а иногда они даже обязаны считаться между собою тычками и щипками, ставить другъ другу много ненужныхъ лыкъ въ строку, приходить въ раздраженіе, что, молъ, иные позволяютъ себѣ смѣть свое мнѣніе имѣть—всего, говорю, бываетъ между современниками! Но теперь ты намъ уже не современникъ и мы тебѣ уже не современники: теперь мы для тебя уже потомство, а потомство мѣряетъ дѣянія отошедшихъ въ вѣчность особыми аршинами, часто не имѣющими ничего общаго съ аршинами современниковъ. По этимъ аршинамъ—потомства аршинамъ—осмѣливаюсь думать, въ концѣ концовъ выйдетъ такъ, что ты усопшій,—нашъ, всецѣло нашъ, не смотря на добровольство твоихъ послѣднихъ лѣтъ въ иныхъ рядахъ... Ты родился и выросценъ на украинской землѣ и отъ украинскихъ родителей; почти всю жизнь ты прожилъ и прахъ твой почіетъ теперь на украинской же землѣ; годы молодости и возмужалости ты радовался и печаловался нашими радостями и печалями, а не какими либо иными; а главное—въ годы разцвѣта нашей литературы, въ пятидесятые, шестидесятые годы—не забвенная эпоха! незабвенные годы!—при твоей находчивости на средства, при твоей головокружительной дѣятельности, и необычайной быстротѣ въ писаніи и, вообще, въ работѣ, ты былъ тѣмъ рогомъ изобилія, изъ котораго сыпались десятки томовъ изданныхъ тобою украинскихъ писателей, твои собственныя беллетристическія статьи, разнаго рода разсказы, письма, сообщенія и т. д. и т. д.; ты былъ тѣмъ центромъ, куда стекались пріѣзжающіе изъ провинціи, пишущіе и непишущіе, за порадою, за родными литературными новостями, куда являлись стоящіе у родной литературы на совѣщанія, обсужденія... Короче сказать, не будь тебя тогда, дорогой покойникъ, на свѣтѣ, въ эпоху разсвѣта нашей литературы, далеко бы въ ней не то было—о, очень и очень далеко!.. Да что! иныя имена вовсе не появились бы въ нашей литературѣ, не будь они вызваны къ бытію тобою... Да, дорогой покойникъ, ты нашъ, нашъ и трижды нашъ! Миръ же праху твоему, еще разъ, да будетъ надъ тобою наша украинская земля пером!

М. Номисъ.

7 февраля 1897 г.

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА III[1]).

Дворяне изъ податныхъ сословій и отношеніе къ нимъ мѣстнаго и центральнаго правительствъ въ 80-хъ г. г. прошлаго столѣтія.—Кречетниковъ и малороссійскіе непорядки.—Имѣнія духовенства.—Рапортъ Кречетникова Сенату о дворянахъ, внесенныхъ въ ревизію 1782 г. и указъ 18 декабря 1791 г.—Мѣры противъ претендентовъ на дворянское званіе и вторичный разборъ доказательствъ окладныхъ дворянъ.—Ревизіи 1795 г.—Послѣдующая судьба дворянъ, внесенныхъ въ окладъ.

Дворянская грамота предоставила самому дворянскому обществу каждой губерніи разрѣшать вопросъ о принадлежности того или другого рода къ дворянскому сословію. Разборъ дворянства производился депутатскими собраніями, контролируемыми всѣмъ собраніемъ дворянства. Тѣ фамиліи, доказательства коихъ признавались неопровергаемыми, вносились въ родословную книгу и получали грамоты, свидѣтельствовавшія о ихъ принадлежности къ благородному сословію. Вмѣшательство центральнаго правительства въ дѣятельность собраній по разбору дворянскихъ родовъ проявлялось только въ случаѣ жалобъ на неправильныя дѣйствія депутатовъ или и всего дворянскаго собранія.

Такъ было и въ Малороссіи въ первые годы по введеніи общерусскихъ учрежденій. Однако такой порядокъ держался не долго. Въ 1791 г. Сенатъ рѣшительно вмѣшивается въ безкон-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 2.

трольную до тѣхъ поръ дѣятельность малороссійскихъ депутатовъ, и результатомъ этого вмѣшательства явилось исключеніе изъ дворянскаго сословія нѣсколькихъ тысячъ лицъ, ранѣе признанныхъ дворянами. Перуны Сената обрушились главнымъ образомъ на головы тѣхъ злополучныхъ претендентовъ на дворянство, которые при ревизіи 1782 г. попали въ подушный окладъ или „пидъ панивъ“.

Мы уже видѣли, что результатомъ неправильныхъ дѣйствій ревизоровъ явилась цѣлая масса просьбъ со стороны лицъ податныхъ сословій и крѣпостныхъ о признаніи за ними дворянскихъ правъ. Просьбы эти поступали въ депутатскія собранія и здѣсь, судя по всему, разрѣшались очень снисходительно. Снисходительно смотрѣло на такихъ претендентовъ и само мѣстное правительство, а въ первые годы—даже и центральное. Какъ только претенденты доказывали свои права и получали грамоты или замѣняющія ихъ свидѣтельства предводителей, мѣстное начальство дѣлало распоряженіе объ исключеніи ихъ изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе“. Въ 1786 г., напримѣръ, Новгородъ-Сѣверская казенная палата выключила изъ оклада нѣкоего Давида Сазонова, какъ представившаго абшидъ на званіе войковаго товарища и свидѣтельство предводителя о внесеніи въ родословную книгу [1]). По дѣлу сотеннаго атамана Мицкевича, о коемъ черниговская казенная палата доносила, что онъ дворянской породы и въ окладъ внесенъ неправильно, самъ Сенатъ распорядился взыскивать съ Мицкевича подати только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ внесенъ въ родословную книгу, а послѣ этого поступать о выключкѣ его изъ оклада по силѣ дворянской грамоты и взысканныя съ него подати возвратить ему обратно [2]).

Въ 1788 г. Сенатъ приказалъ исключить изъ ревизіи сотеннаго асаула Василія да неслужащихъ Власа и Семена Бѣлановичей, какъ доказавшихъ свое дворянство [3]). Когда до свѣ-

---

[1]) Собр. рѣд., стр. 565—566.

[2]) Собр. рѣдк., стр. 189—190.

[3]) Ibid, стр. 589—590.

дѣнія Сената дошло, что лицъ, неправильно занесенныхъ въ ревизскія книги, въ Малороссіи очень много и что, стало быть, придется исключить изъ государственнаго тягла цѣлую массу ревизскихъ душъ „за выбытіемъ въ дворянское званіе", мѣстному начальству былъ присланъ указъ о томъ, что обо всѣхъ неправильно внесенныхъ въ ревизію 1782 года надлежитъ сдѣлать генеральное положеніе, что же касается исключенія ихъ изъ подушнаго оклада, то, въ виду указа 22 мая 1783 г., учинить этого своею властью Сенатъ не можетъ, а долженъ повергнуть дѣло на благоусмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Генеральнаго положенія, однако, сдѣлано не было, но въ частныхъ случаяхъ дѣла объ исключеніи изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе" тѣхъ или другихъ лицъ повергались на Высочайшее благоусмотрѣніе и рѣшались благопріятно для просителей. Въ 1790 году поручикъ Савва Павловскій просилъ исключить его фамилію изъ подушнаго оклада, ссылаясь на то, что его предки со времени присоединенія Малой Россіи къ Россійской державѣ были шляхтичами, а дѣдъ и отецъ служили значковыми товарищами. Представилъ онъ, конечно, и грамоту отъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянскаго собранія, въ коей значилось, что фамилія Павловскихъ записана въ родословную книгу. Сенатъ поднесъ дѣло на резолюцію государыни; 23 ноября 1790 года докладъ сената былъ утвержденъ императрицей, и фамилія Павловскихъ была такимъ образомъ исключена изъ „подлости" [1]).

И депутаты, и сами дворянскія собранія относились къ просьбамъ лицъ, внесенныхъ въ окладъ, какъ мы сказали, очень снисходительно. Въ декабрѣ 1790 года Новгородъ-Сѣверскимъ губернскимъ предводителемъ была представлена генералъ-губернатору вѣдомость о лицахъ „вновь поступившихъ въ дворянство". Изъ нея видно, что къ этому времени въ родословную книгу Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества было внесено:

Изъ прежнихъ дворянскихъ фамилій, попавшихъ въ окладъ	38 душъ.
Изъ духовенства	9 „

[1]) Собр. рѣдк., стр. 194—196.

Изъ разночинцевъ	1095 душъ.
Изъ козаковъ	4414 „
Изъ куицовъ	47 „
Изъ мѣщанъ	241 „
Изъ записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ	83 „
Изъ казенныхъ крестьянъ	87 „
Изъ свободныхъ, не записанныхъ въ ревизію	4, „
а всего	5948 душъ [1]).

Какъ видно, и въ другихъ намѣстничествахъ депутаты не предъявляли большихъ требованій къ лицамъ, ищущимъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Изъ рапорта генералъ-губернатора Кречетникова Сенату узнаемъ, что по всѣмъ тремъ малороссійскимъ изданіямъ къ концу 1790 г. было внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій—изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, владѣльческихъ и казенныхъ крестьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ вѣдомостяхъ губернскихъ предводителей, поданныхъ Кречетникову; но насколько эта цифра правильна,—судить трудно. Что къ претендентамъ на дворянство большихъ требованій со стороны депутатовъ не предъявлялось,—это видно и изъ разъясненій Кречетникова депутатскимъ собраніямъ по поводу свидѣтельства двѣнадцати. Оказывается, что депутаты считали одно свидѣтельство 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ дворянскаго происхожденія и по такимъ свидѣтельствамъ вносили просителей въ родословныя книги [2]). Снисходительное отношеніе депутатовъ къ доказательствамъ лицъ, ищущихъ дворянства „изъ подлаго состоянія“, неминуемо должно было вызвать вмѣшательство правительства. Уже одно исключеніе изъ оклада 22 тысячъ ревизскихъ душъ рано или поздно должно было возбудить недовѣріе къ правильности дѣйствій депутатовъ, а тутъ еще присоединились и жалобы. Дѣло въ томъ, что на ряду съ козаками и казенными крестьянами претензію

[1]) Ibid. стр. 285.
[2]) Ibid. стр. 381.

на дворянство заявили и многіе изъ папскихъ подданныхъ, ставшихъ съ 1783 года крѣпостными. Доказательства нѣкоторыхъ изъ нихъ были признаны достаточными для внесенія претендентовъ въ родословныя книги. Это, конечно, не могло нравиться владѣльцамъ претендентовъ, ибо вліяли на нихъ имущественные интересы. Inde iга. На депутатовъ и предводителей приносятся жалобы не только мѣстному, но и центральному правительству. Такъ, на новгородъ-сѣверскаго предводителя. Полетику жаловались, что въ 1787 году, будучи губернскимъ предводителемъ, онъ принималъ документы и вообще разныя доказательства о дворянствѣ отъ крѣпостныхъ людей, не требуя отпускныхъ свидѣтельствъ; что при разсмотрѣніи въ дворянскомъ собраніи родословной книги онъ допускалъ въ собраніе такихъ лицъ, о дворянствѣ коихъ было сомнѣніе; что онъ не читалъ по требованію дворянства протоколовъ депутатскихъ собраній, и т. п. Изъ взведенныхъ на Полетику обвиненій генералъ-губернаторъ Румянцовъ призналъ правильнымъ только второе и разъяснилъ по этому случаю предводителямъ, что въ собраніи могутъ быть допускаемы только лица, уже доказавшія свое дворянство, а не тѣ, кои только доказываютъ оное. Другая жалоба на того же Полетику доходила даже до Сената. Въ 1788 г. нѣкоторые владѣльцы жаловались, что Полетика многихъ изъ ихъ крѣпостныхъ внесъ въ родословную книгу, а во время собранія не согласился по ихъ требованію прочесть родословную книгу передъ дворянствомъ. Сенатъ приказалъ на будущее время читать передъ дворянскимъ собраніемъ не только родословную книгу, но и протоколы депутатскихъ коммиссій, ибо только такимъ образомъ и могутъ открыться неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ [1]).

Ближайшимъ слѣдствіемъ подобныхъ жалобъ было наконецъ то, что Сенатъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать „генеральное положеніе“ касательно лицъ, внесеніе которыхъ въ ревизію 1782 г. возбуждало споры, и въ 1789 г. (указъ 14 іюня) приказалъ малороссійскому начальству представить ему свѣдѣнія

[1]) Соб. рѣдк., 591—592.

обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ окладовъ. Исполненіемъ этого указа особенно усердно занялся Тульскій и Калужскій генералъ губернаторъ Кречетниковъ, вступившій въ 1790 году въ исполненіе обязанностей правителя трехъ малороссійсклхъ губерній.

Новая метла обыкновенно чисто мететъ. Замѣститель Задунайскаго сразу замѣтилъ непорядки и упущенія въ управляемомъ имъ краѣ. Тотчасъ же по вступленіи въ должность онъ обратилъ вниманіе на множество жалобъ, особенно на нижніе земскіе суды и на исправниковъ, которымъ грозилъ поступленіемъ по силѣ законовъ [1]). Въ томъ же 1790 г. Кречетниковъ предложилъ намѣстникамъ не допускать къ дворянскимъ выборамъ лицъ, не внесенныхъ въ родословныя книги, а дворянскимъ собраніямъ доказывалъ, что предъидущіе выборы въ разныя должности не оправдали довѣрія правительства къ дворянству; въ тоже время намѣстникамъ было поручено напоминать дворянству, чтобы на будущее время выбираемыя дворянствомъ лица болѣе соотвѣтствовали своему назначенію [2]). Отъ предводителей Кречетниковъ требовалъ, чтобы они, въ случаѣ жалобъ, входили въ земскіе суды съ напоминаніями, убѣжденіями и указаніями на строгость законовъ [3]).

При Кречетниковѣ и второстепенныя губернскія власти подтянулись и стали строже слѣдить за исполненіемъ указовъ. Это обнаружилось, между прочимъ, въ усердіи, съ какимъ мѣстныя казенныя палаты стали настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовенства. При Румянцовѣ извѣстный уже намъ указъ 17 января 1784 года, повелѣвающій отобрать крестьянъ у всѣхъ тѣхъ, кто ими, по закону, владѣть не можетъ, исполнялся не особенно энергично, да при тогдашнихъ обстоятельствахъ иначе и нельзя было. Разборъ дворянства еще не былъ оконченъ, а при такомъ условіи не возможно было опредѣлить, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными. Въ 1785 году

[1]) Ibid. стр. 279—282.
[2]) Ibid. 283—284.
[3]) Ibid. стр. 286—287.

казенныя палаты малороссійскихъ губерній потребовали было отъ предводителей свѣдѣній о лицахъ, признанныхъ дворянами. Черниговскій предводитель Горленко представилъ списокъ своихъ дворянъ, но при этомъ заявилъ, что въ его спискѣ есть такіе роды, кои по спискамъ уѣздныхъ предводителей хотя и написаны, но до сего времени доказательствъ еще не подали, а другіе сомнительны, ибо ихъ доказательства еще не полны. Горленко, однако, не объяснилъ, кто именно изъ подданныхъ въ его спискѣ находится подъ сомнѣніемъ, а самой казенной палатѣ рѣшать вопросъ, кто изъ черниговскихъ пановъ имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было мудрено. Въ той же черниговской губерніи значились по ревизскимъ книгамъ крестьяне за дѣтьми бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей и полковой старшины, а между тѣмъ въ предводительскомъ спискѣ владѣльцы этихъ крестьянъ не были упомянуты въ числѣ мѣстнаго дворянства. Затѣмъ оказалось, что нѣкоторыя лица въ ревизіальныхъ книгахъ были записаны значковыми товарищами и сотенными старшинами, а по дворянскимъ спискамъ значились войсковыми товарищами и полковыми старшинами. Оказались наконецъ, крестьяне за непоказанными въ дворянскихъ спискахъ лѣкарями, камердинерами Высочайшаго двора, цольнерами и камерирами банковыхъ конторъ. Что касается другихъ лицъ, не пользовавшихся шляхетскимъ правомъ, то и отъ нихъ отобрать крестьянъ было не такъ-то легко. За нѣжинскаго, напр., грека Венеціанова, владѣвшаго хуторомъ, записаннымъ на имя титулярнаго совѣтника Клобукова, заступался самъ Румянцовъ. Онъ рекомендовалъ намѣстническому правленію, дѣлая исполненіе указовъ правительствующаго сената, наблюдать точное ихъ содержаніе и до кого оно тѣмъ относится, ибо между греками есть и знатнаго рода, такъ, какъ и самъ проситель, и доказательство свое въ надлежащемъ мѣстѣ представить желаетъ [1]).

Точно такъ же трудно было отобрать крестьянъ и отъ духовенства, тѣмъ болѣе, что многіе изъ бѣлаго священства заявили претензію на дворянское званіе. По дѣлу намѣстника

[1]) Собр. рѣдк., стр. 549—550.

Ичанской протопопіи Романа Яжевскаго самъ Румянцовъ высказался, что „тутъ духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдовательно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство. При такихъ условіяхъ духовныхъ владѣльцевъ не безпокоили въ ожиданіи окончанія разбора дворянства. Къ тому же и крестьянъ числилось за ними не такъ уже много. По ревизскимъ, напр., книгамъ 1782 г. за церковно и священно-служителями черниговской губерніи значилось всего 8942 крѣпостныхъ душъ мужскаго и женскаго пола (4451+4491)[1]).

При Кречетниковѣ казенныя палаты малороссійскихъ губерній стали энергично настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовныхъ владѣльцевъ. Онѣ потребовали, чтобы духовенство продало свои имѣнія въ полугодичный срокъ лицамъ, пользующимся дворянскими правами, а въ случаѣ неисполненія этого требованія грозили конфисковать священническія имѣнія въ казну. Противъ владѣльческихъ правъ духовенства казенныя палаты выставляли цѣлый рядъ указовъ: синодскій отъ 22 октября 1722 года, запрещающій лицамъ духовнаго званія имѣть собственные дома; сенатскій отъ 1758 года, по которому лица, не имѣющія правъ на владѣніе, должны продать свои имѣнія въ полугодичный срокъ; наконецъ, указъ Сената 1789 года, согласно которому духовенство не имѣетъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ и людьми. Палатскія распоряженія касались всѣхъ безъ исключенія священно-и церковно-служителей, даже и тѣхъ, кои успѣли себѣ выхлопотать дворянскія грамоты. Въ духовной средѣ начался ропотъ и смятеніе. Черниговскій протопопъ Лѣвицкій съ 23 другими лицами бѣлаго священства принесъ генералъ-губернатору жалобу на дѣйствія черниговской казенной палаты [2]). Не смотря на то, что самъ Кречетниковъ находилъ огульный отборъ духовныхъ имѣній въ казну не совсѣмъ резоннымъ, дѣло перешло въ Сенатъ. Въ 1792 г., вслѣдствіе жалобы депутатовъ отъ малороссійскаго бѣлаго священства Лохвицкаго прото-

[1]) Ibid. стр. 505.

[2]) Ibid. стр. 409.

іерея В. Высоцкаго и священника Андрея Левченко, Сенатъ приказалъ отсрочить исполненіе указовъ объ имѣніяхъ духовенства до окончанія разбора малороссійскаго дворянства [1]). До Кречетникова лица изъ податныхъ сословій, признанныя депутатскими собраніями въ дворянствѣ, пользовались дворянскими преимуществами, хотя и продолжали платить подати въ ожиданіи исключенія изъ оклада. Въ случаѣ преступленій они судились и наказывались, какъ дворяне. Кречетниковъ находилъ это незаконнымъ и требовалъ, чтобы лица податныхъ состояній, признанныя дворянами, впредь, до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи ихъ изъ оклада, пользовались правами того состоянія, въ какомъ они записаны по ревизіи [2]). Точно такъ же находилъ Кречетниковъ неправильной выдачу такимъ лицамъ грамотъ на дворянство или замѣняющихъ ихъ свидѣтельствъ губернскаго предводителя; онъ настаивалъ, что разночинцамъ нужнѣе грамоты, чѣмъ свидѣтельства, а грамоты могутъ быть выданы только тогда, когда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе объ исключеніи ихъ изъ оклада [3]). Свидѣтельства за подписью губернскаго предводителя и дворянскаго секретаря нужны были дворянамъ, не исключеннымъ изъ оклада, при поступленіи въ военную службу. По такимъ свидѣтельствамъ они обыкновенно принимались на службу и въ теченіе службы пользовались всѣми преимуществами дворянскаго званія. Кречетниковъ предостерегалъ предводителей, чтобы они во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій не выдавали свидѣтельствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ командировъ стоявшихъ въ Малороссіи полковъ, что при поступленіи молодыхъ людей въ военную службу дворянскими правами могутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, кои представятъ грамоты о своемъ дворянствѣ [4]).

Кречетниковъ скоро замѣтилъ и послабленія въ дѣйствіяхъ депутатскихъ собраній: онъ обратилъ вниманіе на то, что депутаты не рѣдко признавали дворянами такихъ лицъ, доказа-

---

[1]) Ibid. стр. 593, книга о дворянахъ, л. 152.

[2]) Ibid. стр. 387 388.

[3]) Ibid., стр. 381, 386.

[4]) Ibid. стр. 296—302.

тельства коихъ ограничивались только свидѣтельствами 12 несомнѣнныхъ дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя; что при внесеніи въ родословныя книги лицъ изъ податныхъ сословій не дѣлалось отмѣтокъ о ихъ записи въ ревизію и окладъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень серьезныя послѣдствія.

Въ 1791 г. Кречетниковъ нанесъ малорусскому дворянству чувствительный ударъ, результатомъ коего явилась потеря дворянскихъ правъ для многихъ тысячъ фамилій, до тѣхъ поръ признаваемыхъ за благородныя. Дѣло возникло изъ-за извѣстнаго уже читателямъ указа 14 іюня 1789 г., которымъ было повелѣно представить въ Сенатъ свѣдѣнія обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ оклада. Кречетниковъ потребовалъ доставленія такихъ свѣдѣній отъ губернскихъ предводителей. Оказалось, однако, что изъ дѣлъ депутатскихъ коммиссій требуемыхъ свѣдѣній извлечь было нельзя: при разборѣ доказательствъ просителей о состояніи ихъ въ окладѣ не заботились и справокъ объ этомъ не наводили. Оставалось обратиться въ уѣзды, гдѣ конечно, всѣмъ было извѣстно, кто и какъ попалъ въ дворяне и чѣмъ былъ раньше. Такъ и сдѣлали. „Губернскіе предводители,—разсказываетъ А. Марковичъ,—разослали уѣзднымъ списки лицъ, признанныхъ дворянами безъ неоспоримыхъ доказательствъ на дворянство, и требовали изыскать, кто изъ нихъ состоитъ въ окладѣ. Уѣздные предводители прислали списки сіи, ожидая, что лица, недоставившія требуемыхъ свѣдѣній, не будутъ исключены изъ оклада. Между показанными въ вѣдомостяхъ несравненно большая часть состояла въ козачьемъ окладѣ, немногіе въ купцахъ, мѣщанахъ, крестьянахъ казенныхъ и владѣльческихъ посполитыхъ (какъ еще и въ то время помѣщичьи крестьяне по привычкѣ назывались). Нѣкоторые изъ числа послѣднихъ написаны были по ревизіи за самыми ближними родственниками, напр.: одинъ за сестрою своею, женою значковаго товарища. Генералъ губернаторъ Кречетниковъ, соображая, что доказывающіе дворянство и состоящіе въ окладѣ до Высочайшаго повелѣнія исключены изъ окладовъ быть не могутъ, пред-

писалъ прежде не выдавать имъ грамотъ. Губернскіе предводители представили ему: 1) что многіе изъ окладныхъ доказали свое дворянское происхожденіе документами, которые отвергнуть невозможно; 2) что есть между внесенными въ ревизію такія лица, которыя, очевидно, не выходили изъ дворянскаго состоянія, потому что предки и родъ ихъ и сами они всегда владѣли дворянскими имѣніями, а попали въ окладъ случайно или по ошибкѣ нижнихъ земскихъ судовъ, отобравшихъ въ 1782 году ревизскія сказки не только отъ крестьянъ и козаковъ, но и ото всѣхъ разночинцевъ (какъ-то значковыхъ товарищей, сотенныхъ старшинъ, войсковыхъ и полковыхъ канцеляристовъ), которые, не зная, къ чему приведутъ сіи сказки, давали ихъ безъ противорѣчія, и по нимъ внесены въ ревизію на ряду съ крестьянами своими, съ тѣмъ только различіемъ, что крестьяне значатся въ семигривенномъ, а они въ 40 алтынномъ окладѣ; 3) что коммиссія выдала уже грамоты нѣкоторымъ изъ доказавшихъ дворянство свое лицамъ, для многихъ же другихъ между ними грамоты только лишь изготовлены, и симъ то послѣднимъ обидно будетъ не пользоваться правами, которыя предоставлены первымъ. Кречетниковъ подтвердилъ не выдавать грамотъ, находя опромечтивость дворянскихъ коммиссій крайне предосудительной, но какъ все сіе случилось до прибытія его въ Малороссію, то представилъ обо всемъ Сенату [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Марковичемъ о составленіи списковъ дворянъ изъ податныхъ сословій и о взглядахъ Кречетникова на выдачу такимъ дворянамъ грамотъ, подтверждаются и матеріаломъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Но изъ разсказа Марковича можно сдѣлать тотъ выводъ, будто бы переносъ дѣла въ Сенатъ и всѣ дальнѣйшія послѣдствія зависѣли отъ разногласія Кречетникова съ губернскими предводителями касательно выдачи грамотъ дворянамъ, состоявшимъ въ окладѣ. Въ дѣйствительности, было не совсѣмъ такъ. Изъ рапорта Кречетникова Сенату мы узнаемъ, что по полученіи указа Сената отъ 14 іюня 1789 г. съ приказаніемъ представить свѣдѣнія о

[1]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, С.-Петерб. 1841, отд. IV, стран. 8—9.

дворянахъ, состоящихъ въ окладѣ, намѣстническія правленія настоятельно требовали отъ губернскихъ предводителей свѣдѣній по этому предмету, но всѣ ихъ просьбы и предложенія остались безъ исполненія. Предводители ссылались на то, что дворянскія родословныя книги еще не приведены къ окончанію, а безъ этого доставить требуемыя свѣдѣнія было невозможно. Когда же, наконецъ, родословныя книги были составлены [1]), намѣстническія правленія вновь возобновили свои требованія. На этотъ разъ изъ Чернигова было получено извѣщеніе, что тамошній губернскій предводитель отказался доставлять требуемыя свѣдѣнія, ссылаясь на то, что „по дворянской коммиссіи никакихъ потребныхъ къ тому даже видовъ нѣтъ“. Свѣдѣнія, какія именно фамиліи и въ какомъ числѣ душъ изъ состоящихъ въ подушномъ или иномъ окладѣ поступили въ дворяне, были затребованы отъ уѣздныхъ предводителей, а для удобства при наведеніи справокъ посланы къ нимъ выписки изъ родословной книги. Нѣкоторыми изъ уѣздныхъ предводителей свѣдѣнія точно были доставлены, но по сличеніи ихъ съ дворянскою родословною книгою „открылись разныя сомнѣнія и невѣрности“: въ иныхъ уѣздахъ въ предводительскія вѣдомости попало много такихъ безчиновныхъ лицъ разнаго званія, коихъ ни въ родословной книгѣ, ни по дѣламъ депутатскаго собранія не значилось, а въ другихъ—многіе безчиновные роды, значившіеся по родословной книгѣ, совсѣмъ не показаны въ предводительскихъ вѣдомостяхъ или же показаны другими фамиліями, чѣмъ тѣ, подъ коими они значатся въ родословной книгѣ. Что касается кіевской родословной книги, то хотя копія съ нея представлена въ губернское правленіе и даже въ Сенатъ, но изъ нея совсѣмъ не видно, кто записанъ въ дворяне изъ податныхъ состояній, а по объясненіямъ губернскаго предводителя, „открыть сіе и зтруднительно, и неудобно“. Изъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества требуемыя свѣдѣнія были доставлены въ намѣстническое правленіе, а затѣмъ и въ Сенатъ, но провѣрить ихъ

[1]) Въ кіевской губерніи родословная книга была составлена въ 1789 г., въ черниговской—въ 1790, а по новгородъ-сѣверской только вчернѣ (Матеріалы для стат. и др. стр. 10).

по родословной книгѣ намѣстническое правленіе не имѣло возможности, такъ какъ копія съ родословной книги въ правленіе не представлена, а потому и посланная Сенату вѣдомость врядъ ли, по мнѣнію Кречетникова, находится „въ надлежащей аккуратности". Изъ всего этого генералъ губернаторъ выводилъ заключеніе, что въ дѣятельности малороссійскихъ дворянскихъ коммиссій существуетъ большой безпорядокъ, ибо „если бы съ должнымъ наблюденіемъ правилъ, въ дворянской грамотѣ изображенныхъ, разсматриваемы были доказательства о дворянствѣ таковыхъ состоящихъ въ окладѣ, а притомъ съ надлежащею вѣрностью и аккуратностью продолжаема была по всѣмъ тремъ губерніямъ родословная книга, то не могло бы въ сочиненіи объ оной вѣдомостей встрѣтиться ни затрудненія, ни медленности". Сомнѣніе въ законномъ и порядочномъ производствѣ дѣлъ въ дворянскихъ коммиссіяхъ возбуждала и слишкомъ крупная цифра лицъ податныхъ состояній, признаннымъ дворянами: губернскіе предводители предъидущаго трехлѣтія, передъ увольненіемъ ихъ отъ должности, показали въ перечневыхъ вѣдомостяхъ генералъ-губернатору, что всего по тремъ малороссійскимъ губерніямъ внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій: купцовъ, козаковъ, мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ. Но, если даже устранить сомнѣніе по поводу такого безпримѣрно большого числа благородныхъ фамилій, попавшихъ въ податное состояніе, то и тогда нельзя не остаться при убѣжденіи о безпорядкахъ въ дѣлопроизводствѣ коммиссій: и въ самомъ дѣлѣ, если цифра, показанная губерскими предводителями вѣрна, а дѣлопроизводство въ коммиссіяхъ велось, какъ слѣдуетъ, то и по дѣламъ коммиссій это должно быть ясно и вѣрно, а между тѣмъ губерскіе предводители текущаго трехлѣтія, за исключеніемъ Новгородъ-Сѣверскаго, отозвались, что въ открытіи положительнаго числа лицъ податныхъ сословій по родословнымъ книгамъ предстоитъ и затрудненіе, и неудобность.

Таковъ былъ рапортъ Кречетникова. Результатомъ его былъ сенатскій указъ отъ 16 декабря 1791 года, коимъ было велѣно: присланныя изъ Малороссіи свѣдѣнія о тамошнихъ дворянахъ возвратить въ намѣстническія правленія, а губернскимъ предво-

дителямъ малороссійскихъ губерній—вновь разсмотрѣть вмѣстѣ съ депутатами всѣ представленныя состоящими въ окладѣ лицами доказательства о благородствѣ по изображеннымъ во всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамотѣ правиламъ, не упуская ничего въ нихъ предписаннаго, такъ, чтобы ни единый уже человѣкъ, не имѣвъ достаточнаго доказательства, не вошелъ въ число благороднаго дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстническимъ правленіямъ и генералъ-губернатору поручалось наблюсти, чтобы затребованныя Сенатомъ въ 1789 г. свѣдѣнія о дворянахъ изъ податныхъ состояній были представлены въ Сенатъ какъ наискорѣе возможно, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканія по законамъ безъ всякаго упущенія [1]).

Кречетниковъ имѣлъ полное право торжествовать: онъ не только добился всего, но и подгадилъ задунайскому герою, котораго онъ тотчасъ же по полученіи указа и извѣстилъ какъ объ открытыхъ имъ, Кречетниковымъ, безпорядкахъ, такъ и о состоявшемся по его же рапорту сенатскомъ распоряженіи [2]). Депутатовъ и предводителей онъ теперь повернулъ по своему. Сперва онъ потребовалъ къ себѣ предводителей для совѣщанія, а затѣмъ велѣлъ имъ вмѣстѣ съ депутатами тотчасъ же съѣхаться въ губернскіе города для пересмотра доказательствъ окладныхъ дворянъ, согласно сенатскому указу [3]). Дѣло это онъ предложилъ окончить въ два года. Начался вторичный разборъ правъ злополучныхъ искателей дворянства изъ податей и окладовъ. На этотъ разъ депутатамъ пришлось сбросить съ себя обычную халатность, да иначе было и нельзя, потому что губернскія начальства ихъ энергично подгоняли. Новгородъ-Сѣверское, напр., намѣстническое правленіе потребовало, чтобы они безвыѣздно жили въ губернскомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока не окончатъ порученнаго имъ дѣла [4]). Кречетниковъ, впрочемъ,

---

[1]) Чтен. Общества исторіи и древн. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 128—131 и „Собр. рѣдк.“.

[2]) Собр. рѣдк., стр. 181—182.

[3]) Ibid., стр. 432.

[4]) Собр. рѣдк., стр. 435.

не одобрялъ такого чрезмѣрнаго усердія и находилъ, что депутаты могутъ иногда и отдыхать, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, когда это разрѣшено по регламенту. Такъ, въ концѣ января 1792 года онъ извѣстилъ предводителей, что въ праздничное время они имѣютъ право разъѣзжаться по деревнямъ, какъ и прочіе коронные чиновники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетниковъ принялъ свои мѣры для того, чтобы, сколько возможно, сократить число претендентовъ на дворянское достоинство изъ среды лицъ податныхъ сословій. По полученіи сенатскаго указа онъ тотчасъ же (9 января 1792 г.) распорядился объявить сельскимъ начальникамъ: „если кто изъ поселянъ, не происходя изъ предковъ благородныхъ, по одному только обольщенію неблагомысленныхъ людей, отыскивающихъ себѣ корысти, сдѣлаетъ домогательство къ полученію дворянскаго названія, а доказательства, таковымъ представленныя, предъ настоящимъ разсматриваніемъ губернскаго господина предводителя съ дворянскими депутатами окажутся недостаточными, и слѣдовательно вовлеченъ въ заблужденіе, а тѣмъ вмѣстѣ въ напрасную волокиту и разореніе по легкомыслію своему, то, по дошедшему о томъ къ губернскому начальству свѣдѣнію, не только тѣ, кои причиною наклоненія оныхъ къ таковому заблужденію, безъ наказанія и сужденія къ возвращенію всего ими полученнаго не останутся, но и начальники селеній за слабое смотрѣніе и поощреніе къ разоренію подчиненныхъ имъ поселянъ не избѣгнутъ отъ надлежащаго взысканія по законамъ...“ Угрожая ходатаямъ и сельскому начальству „взысканіемъ по законамъ“, Кречетниковъ не забылъ и самихъ претендентовъ: имъ онъ грозилъ полнымъ разореніемъ въ случаѣ „полученія дворянскаго названія“. „Буде кто изъ козаковъ и крестьянъ казенныхъ, находясь въ числѣ обложенныхъ податьми, по неопровержимымъ доказательствамъ, признанъ будетъ достойнымъ ко внесенію въ дворянскую родословную книгу... и получитъ грамоту, тогда долженъ будетъ участки земли, по козачьему или крестьянскому названію владѣемой, какъ и самую усадьбу, подъ строеніемъ дома находящуюся, очистя, оставить въ пользу прочихъ поселянъ, а для того благовременно и приготовили бы таковые себя

къ собранію рода жизни и службы, свойственной благородному названію. Начальники селеній не оставили бъ внушить онымъ предварительно, дабы по невѣдѣнію ихъ не удовлетворились въ томъ, что и получа дворянское названіе, могутъ пользоваться принадлежащими козачьему или крестьянскому состоянію выгодами, которыя оставить непремѣнно должны будутъ въ пользу прочихъ поселянъ“ [1]).

Само собою понятно, что распоряженіе генералъ-губернатора не могло не возбудить толковъ и даже ропота. Какъ ни велико было невѣдѣніе податныхъ классовъ въ законахъ, но и они, а особенно, конечно, козаки, не могли не понимать, что иное дѣло—земля казенная, громадская, а иное—крѣпостная, а потому и угроза отобранія земель и даже усадьбъ у лицъ, доказавшихъ свое дворянство, должна была вызвать рядъ недоумѣній и сомнѣній. Можно ли дѣйствительно отобрать землю, набытую власнымъ коштомъ еще дѣда и прадѣда, претендента на дворянство, или и самимъ претендентомъ? Законно ли такое отобраніе? Генералъ-губернатору скоро пришлось убѣдиться, что онъ нѣсколько неловко редактировалъ свое распоряженіе 21 января: двадцать дней спустя послѣ нерваго грознаго ордера, онъ выпустилъ новый приказъ съ разъясненіемъ, что распорженіе объ отобраніи земель и усадебъ касается только земель казенныхъ и общественныхъ [2]).

Распоряженіемъ 9 января 1792 г. Кречетниковъ скрутилъ по рукамъ и ногамъ ревизскія души, претендующія на дворянскія права. Пробраться въ дворянскія коммиссіи съ доказательствами своихъ правъ рѣшался теперь только рѣдкій смѣльчакъ, не боявшійся строгихъ заказовъ своего ближайшаго начальства, да и коммиссіи, къ тому же, стали слишкомъ недоступны. Но такъ можно было закрытьротъ только новымъ претендентамъ, что же касается до старыхъ, тѣхъ, что еще до 1791 года были признаны дворянами и даже получили грамоты, то къ нимъ примѣнялся другой способъ. Разборъ доказательствъ рѣшено было, по настоянію Кре-

[1]) Собр. рѣдк., стр. 431—435.

[2]) Собр. рѣдк., стр. 438.

четникова, производить по округамъ. При разборѣ обязано было присутствовать полное собраніе коммиссіи изъ предводителя и депутатовъ. Отъ просителей отбирались свѣдѣнія, кто въ какомъ состояніи записанъ по ревизіи—въ козакахъ, купцахъ, мѣщанахъ или крестьянахъ,—по какому городу или селу и въ какомъ числѣ душъ, и если проситель точно происходитъ отъ дворянъ, то кто послѣдній изъ предковъ пользовался принадлежащими благородному званію правами и почему попалъ въ подлость. Если доказательства просителя всѣмъ собраніемъ или $^2/_3$ его признавались недостаточными, ихъ возвращали просителю, а если достаточными,—то отмѣчали въ вѣдомости, требуемой Сенатомъ. Старыя грамоты, выданныя до 1791 года, приказано было отобрать, а новыя не выдавались никому изъ податныхъ впредь до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада. Собраніе обязано было разсматривать доказательства въ тѣ сроки, кои по учрежденію о губерніяхъ установлены для присутственныхъ мѣстъ [1]).

Обо всѣхъ этихъ строгостяхъ, конечно, знали тѣ, для кого онѣ были предназначены. И вотъ, когда въ губернскій городъ съѣзжались депутаты для пересмотра дворянскихъ родовъ, ревизскія души, неувѣренныя въ неопровергаемости своихъ доказательствъ, ни сами въ коммиссію не явились, ни грамотъ, у кого таковыя имѣлись, не присылали, не смотря на то, что объ явкѣ имъ дѣлались предварительныя оповѣщенія. Въ такихъ случаяхъ ихъ обыкновенно доставляли въ коммиссіи силой. По распоряженію Кречетникова, городничіе и исправники съ пристойной командой солдатъ, согласно списку, данному изъ коммиссіи, высылали податныхъ дворянъ въ депутатское собраніе, которое и производило разборъ ихъ доказательствъ. Высылка производилась по округамъ и, какъ не безъ удовольствія свидѣтельствовалъ Кречетниковъ, очень успѣшно. Если грамоты, выданныя до 1791 г., оказывались неправильными, то объ этомъ публиковалось по губерніи, дабы прекратить возможныя съ документами злоупотребленія, а самыя грамоты отбирались у забра-

[1]) Собр. рѣдк., стр. 517—522.

кованныхъ дворянъ и представлялись въ депутатскія собранія къ уничтоженію [1]). Дѣло велось такъ строго и энергично, что къ 1795 году „безсумнительными“ дворянами изъ податныхъ было признано только 12597 чел., т. е. немногимъ болѣе половины того числа, какое было внесено въ родословныя книги до 1791 г. [2]). Тѣмъ не менѣе, разбора все таки не удалось закончить, какъ предполагалъ Кречетниковъ. Точно также не удалось и отобрать грамоты у всѣхъ ревизскихъ дворянъ. Еще въ 1804 году остались лица податныхъ состояній, внесенныя въ ревизію 1783 г., у которыхъ были въ рукахъ грамоты прежнихъ дворянскихъ коммиссій. Злополучные окладные дворяне, несмотря на всѣ требованія начальства, ни за что не хотѣли разставаться съ этими драгоцѣнными документами. Въ 1804 году мглинскій городничій получилъ распоряженіе отобрать грамоты у тѣхъ мглинскихъ дворянъ, которые по бумагамъ казенной палаты значились простыми ревизскими душами. Не смотря на всѣ старанія, городничій оказался не въ состояніи исполнить волю начальства, о чемъ и рапортовалъ, куда слѣдуетъ. Мглинскіе обыватели грамотъ городничему не отдали; иные заявили, что сами будутъ хлопотать въ герольдіи о дворянствѣ; другіе отнѣкивались тѣмъ, что грамоты передали родичамъ, а иные увѣряли, что грамотъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ—утеряли. Тогдашній гене-

---

[1]) Собр. рѣдк., 439—443.

[2]) По указанію А. Марковича, послѣ вторичнаго пересмотра черниговская коммиссія признала несомнительными дворянами 2616 лицъ, платящихъ подати, а кіевская 1240 семействъ или 6254 лица (Матер., отд. IV, стр. 9 и прим.). Сколько душъ было признано дворянами послѣ вторичнаго разбора въ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ,—объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній, а стало быть не можемъ подвесть и общаго итога для всей Малороссіи. Мы воспользовались указаніями косвенными и свою цифру 12597 вывели такимъ образомъ. Извѣстно, что при ревизіи 1795 г. Черниговская казенная палата включила въ окладъ и тѣхъ дворянъ изъ записанныхъ въ ревизію 1782, кои были признаны въ дворянствѣ при вторичразборѣ, а такихъ дворянъ, какъ мы уже знаемъ по Марковичу, было 2616 чел. Новгородъ-Сѣверская и Кіевская палата, наоборотъ, такихъ дворянъ въ ревизію не записали. Изъ рапорта Куракина Сенату отъ 1805 г. мы узнаемъ, что такихъ незаписанныхъ въ ревизіи дворянъ было въ Малороссіи 9981. Если къ этой цифрѣ прибавимъ 2616 черниговскихъ дворянъ, попавшихъ въ окладъ, то и получимъ какъ разъ 12597.

ралъ-губернаторъ Малороссіи, князь Куракинъ, обратился въ Сенатъ съ запросомъ, какъ быть съ упорствующими. Сенатъ приказалъ: пропечатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ тѣ грамоты, кои, по заявленію мглинскихъ дворянъ, ими утеряны, а дабы на будущее время скорѣе покончить съ вопросомъ, кто дворянинъ и кто нѣтъ, и такимъ образомъ отнять всякій поводъ къ злоупотребленіямъ съ грамотами,—назначить черезъ пропечатаніе въ публичныхъ вѣдомостяхъ шестимѣсячный срокъ для представленія грамотъ въ губернскія правленія, если же кто не представитъ, тотъ теряетъ право искать дворянства и навсегда остается въ податномъ состояніи[1]).

Вторичный разборъ дворянства, произведенный по сенатскому указу 1791 г., не доставилъ еще, однако, дворянскихъ преимуществъ и выгодъ тѣмъ счастливцамъ, которые и послѣ новаго пересмотра ихъ доказательствъ, оказались достойными къ внесенію въ родословныя книги. Ихъ еще долго продолжали „неговать и турбовати“. Дѣло о нихъ было представлено Сенату, гдѣ и застряло на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А между тѣмъ, подошла новая ревизія (1795 г.), а вмѣстѣ съ нею возникъ и вопросъ: включать или не включать эти 12597 человѣкъ, значащихся по дѣламъ мѣстныхъ депутатскихъ собраній безсомнительными дворянами. Рѣшали этотъ вопросъ сами казенныя палаты и рѣшали различно. Черниговская казенная палата, руководствуясь извѣстными уже намъ указами Сената 1789 и 1791 г. г., согласно которымъ лица, признанныя въ дворянскомъ достоинствѣ депутатскими собраніями, но состоящія въ окладѣ, не могутъ быть избавлены отъ личныхъ повинностей до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада, записала въ ревизскія книги и тѣ 2616 душъ, которыя были признаны дворянами послѣ вторичнаго пересмотра ихъ доказательствъ, а Кіевская и Новгородъ-Сѣверская палаты, опираясь на 36 статью дворянской грамоты, гласящей, что „благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей“, не включила въ окладъ никого изъ внесенныхъ въ родословныя книги послѣ вторичнаго пересмотра. Такихъ счаст-

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, стр. 167—168.

ливцевъ по обоимъ намѣстничествамъ насчитывалось 9981 чел. У нѣкоторыхъ изъ нихъ при этомъ отобраны и казенно-общественныя земли, коими они раньше владѣли, на томъ основаніи, что лица, выбывшія въ дворянство, не имѣютъ права пользоваться выгодами поселянскаго званія [1]).

Свободой отъ личныхъ податей 9981 „безсумнительныхъ“ дворянъ пользовались, однако, не долго. Ихъ привилегированное положеніе по сравненію съ 2616 такихъ же „безсумнительныхъ“, попавшихъ въ окладъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Всѣ знали, что дѣло о нихъ производится въ Петербургѣ, и только оттуда можетъ получиться окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса. А изъ Петербурга никакого рѣшенія не получалось, но за то шли указъ за указомъ, изъ коихъ можно было вывести такое заключеніе, что постановленія мѣстныхъ дворянскихъ коммиссій о внесеніи того или другого лица въ родословную книгу далеко еще не рѣшаютъ вопроса о принадлежности этого лица къ дворянскому сословію, съ каковою только и соединяется свобода отъ личныхъ податей. Въ Высочайшемъ указѣ 1796 года предписывалось, чтобы „никакое въ государствѣ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало грамотъ на сіе достоинство“. По сенатскому указу отъ 19 марта 1797 г. было велѣно депутатскимъ собраніямъ разобрать представляемыя на дворянство доказательства, но самимъ не рѣшать вопроса о принадлежности того или другого лица дворянскому сословію, а представлять въ герольдію. Въ 1800 г., вслѣдствіе просьбы нѣсколькихъ бѣлорусскихъ дворянъ объ исключеніи ихъ изъ оклада, Сенатъ наводилъ справки, много ли числится въ могилевской губерніи дворянъ, состоящихъ въ окладѣ, и, узнавъ, что такихъ дворянъ тамъ 1096 чел., вновь подтвердилъ депутатскимъ собраніямъ, что они не имѣютъ права рѣшать вопросъ о дворянствѣ лицъ податныхъ состояній, а должны представлять о нихъ въ герольдію [2]). Въ 1801 г. опять подтверждается, что въ дворянство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ верховной власти, облекать не можетъ, и предписывается грамотъ на

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ мал. чинахъ, стр. 169—171.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 169.

дворянское достоинство безъ Высочайшаго повелѣнія не представлять.

При такихъ условіяхъ привилегированное положеніе 9981, не попавшихъ въ окладъ только по милости чиновниковъ Новгородъ-Сѣверской и Кіевской казенныхъ палатъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Въ 1802 г. Черниговская казенная палата представила генералъ-губернатору Куракину вѣдомость о дворянахъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 г., и просила разъясненій, какъ съ ними быть: положить ли ихъ вновь въ окладъ, или ходатайствовать предъ Сенатомъ о Высочайшемъ повелѣніи касательно окончательнаго исключенія ихъ изъ податного званія. Куракинъ рапортовалъ объ этомъ Сенату, а Сенатъ въ 1803 году постановилъ: всѣхъ исключенныхъ изъ ревизіи 1795 г. вновь обложить окладомъ, начиная съ 1803 г.; что же касается принадлежащихъ имъ казенно-общественыхъ земель, то таковыя оставить въ ихъ владѣніи впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мнѣніе Сената было аппробовано государемъ [1]).

Результатомъ этого распоряженія было возвращеніе въ поселянское званіе почти 10 тыс. человѣкъ, привыкшихъ за 8 лѣтъ къ свободѣ отъ податей и личныхъ повинностей. Марковичъ разсказываетъ, что послѣ сенатскаго указа нѣкоторые изъ нихъ были внесены въ окладъ, а другіе остались невнесенными [2]). Врядъ ли, однако, это такъ было. Изъ сенатскаго указа отъ 14 марта 1804 г., послѣдовавшаго по рапорту того же Куракина, мы узнаемъ, что мѣстныя казенныя палаты такъ усердно отнеслись къ указу 1803 г., что обложили окладомъ даже тѣхъ изъ непризнанныхъ дворянъ, которые успѣли получить офицерскіе чины. По представленію Куракина Сенатъ смиловался надъ злополучными поручиками и регистраторами и приказалъ ихъ окладомъ не облагать [3]). Изъ другого рапорта Куракина отъ того же 1804 г. явствуетъ, что казенныя палаты при взысканіи податей съ дворянъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 года, не дѣлали никакого различія между ними и простыми ревизскими

[1]) Романовичъ Славатинскій, стр. 53.

[2]) Матеріалы и пр., стр, 9.

[3]) Книга о дворяхъ, л. 165—166

душами, хотя по сенатскимъ указамъ слѣдовало поступающія съ такихъ дворянъ подати вносить въ особую графу и хранить отдѣльно для возвращенія тѣмъ изъ нихъ, кои будутъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ высшимъ правительствомъ [1]).

Къ счастію своему, злополучные 9981 нашли себѣ заступника въ лицѣ генералъ-губернатора. Мы уже видѣли, какъ хлопоталъ онъ за тѣхъ изъ нихъ, кои вышли въ офицерскіе чины. Въ 1804 г. онъ добился отъ Сената, чтобы подати съ окладныхъ дворянъ записывались отдѣльно, а въ томъ же 1804 году выхлопоталъ для нихъ и другую важную привилегію. При послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ казенныя палаты обратились къ нему съ запросомъ, привлекать ли къ отбытію рекрутской повинности и тѣхъ дворянъ, кои по ревизіи 1795 года показаны выбывшими въ дворянское достоинство. Куракинъ представилъ Сенату, что привлеченіе къ рекрутчинѣ лицъ, по закону избавленныхъ отъ личныхъ повинностей, во всякомъ случаѣ не законно. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Куракина и постановилъ освободить отъ рекрутчины тѣхъ 9981, кои упомянуты въ указѣ 1803 г., а всѣмъ остальнымъ, которые со времени 4-й ревизіи были въ окладѣ по старому, отбывать рекрутскую повинность на ряду съ прочими поселянами [2]).

Неопредѣленное положеніе окладныхъ дворянъ вызывало не мало и другихъ недоразумѣній, за разъясненіемъ которыхъ приходилось обращаться въ Петербургъ. Такимъ недоумѣннымъ вопросомъ былъ, между прочимъ, и вопросъ, какъ судить такихъ дворянъ по дѣламъ уголовнымъ и о личныхъ обидахъ. Къ 1803 году судился состоящій въ окладѣ дворянинъ Антонъ Ломака за поддѣлку паспорта. Въ виду того, что ни судъ, ни иное начальство не знало, судить-ли Ломаку за это преступленіе какъ дворянина или какъ простолюдина, Куракинъ вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, по докладу котораго Государь приказалъ судить Ломаку, какъ дворянина [3]). Судя по всему, примѣръ

---

[1]) Ibid, 163.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 163—164.

[3]) Книга о дворянахъ, л. 212—213.

этотъ не имѣлъ принципіальнаго значенія, какъ это явствуетъ изъ другого дѣла. Два окладныхъ дворянина, Казановскій и Бабенко, при требованіи съ нихъ казенныхъ или общественныхъ податей, коихъ они, въ качествѣ дворянъ, платить не хотѣли, были чѣмъ то обижены со стороны своихъ односельчанъ. Завелось дѣло „о гвалтовномъ нахожденіи мужиковъ на домы шляхетскіе“, которое наконецъ было разрѣшено генеральнымъ судомъ, и на крестьянъ наложено такое взысканіе, какое, по Статуту, слѣдуетъ за обиду человѣка породы шляхетской. Изъ генеральнаго суда дѣло перешло въ Сенатъ, который и разъяснилъ, что дворяне, записанные въ окладъ, до тѣхъ поръ не могутъ пользоваться дворянскими правами, пока ихъ доказательства не будутъ признаны герольдіей. Съ своей стороны герольдія предписала дворянскимъ собраніямъ доставить ей въ самоскорѣйшемъ времени доказательства окладныхъ дворянъ и при этомъ еще разъ подтвердила, чтобы дворянскія собранія не вносили окладныхъ дворянъ въ родословныя книги и не выдавали имъ грамотъ до разсмотрѣнія ихъ герольдіей [1]).

Вообще малороссійскимъ дворянамъ изъ окладныхъ, нужно сказать, очень не повезло. Включеніе ихъ въ ревизію 1782 г. служило для нихъ камнемъ преткновенія и источникомъ безчисленныхъ хлопотъ и огорченій. Герольдія, хотя и требовала отъ депутатскихъ собраній присылки доказательствъ такихъ дворянъ „въ самоскорѣйшемъ времени“, но сама разрѣшала дѣла о дворянствѣ крайне медленно. Дѣло, напр., козаковъ Богушей, признанныхъ въ дворянствѣ Черниговскимъ депутатскимъ собраніемъ еще въ 1792 г. (не послѣ вторичнаго ли пересмотра?), было рѣшено герольдіей только въ 1851 году [2]). Что это не единственный случай,—видно уже изъ того, что даже послѣ 1835 года, когда вопросъ о малороссійскихъ дворянахъ былъ окончательно разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, въ герольдіи лежало многое множество неразсмотрѣнныхъ документовъ претендентовъ на дворянское званіе, начавшихъ свои искательства еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Отношеніе герольдіи

[1]) Ibid., л. 172—174.

[2]) Зап. черниг. статист. ком., кн. 2, ст. 53.

къ этимъ документамъ далеко не напоминало снисходительности, съ какою смотрѣли на нихъ въ оны дни члены депутатскихъ собраній малороссійскихъ намѣстничествъ: и времена, и люди были другіе. Мнѣніе о вредѣ перепроизводства дворянскаго сословія стало руководящимъ принципомъ правящихъ сферъ, а политическое значеніе нобилитаціи потомковъ козацкой старшины утратило уже свой raison d' être: малороссіяне давно уже „скинули татарскія и польскія платья и начали говорить, пѣть и плясать по русски“ [1]).

Д. Миллеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 1, стр. 54.

Свадебныя пѣсни, записанныя въ подольской губерніи.

„Пѣснь для Малороссіи—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила".

Гоголь.

Замѣчаніе безсмертнаго Гоголя о малороссійскихъ пѣсняхъ, сдѣланное болѣе 60-ти лѣтъ тому назадъ, относится и къ свадебнымъ пѣснямъ, и даже въ особенности.

Свадебныя пѣсни въ высокой степени обладаютъ поэтическими и художественными достоинствами, вообще присущими малорусской народной пѣснѣ. Необыкновенная простота (въ лучшемъ смыслѣ слова), глубина и въ то же время реальность мысли и чувства (содержанія); сердечность, нѣжность, задушевность тона, то трогательная, то возвышающаяся до глубокаго религіознаго чувства; богатство и разнообразіе красокъ, взятыхъ изъ окружающей обстановки (здѣсь, такъ сказать, разсыпаны цвѣты сравненій, уподобленій, обращенія къ природѣ—къ вѣтру, мѣсяцу); изящная, музыкальная форма стиха, обиліе, звучность риѳмы и проч.—таковы достоинства, между пр., и свадебныхъ пѣсенъ.

Малорусскія свадебныя—пѣсни это исторія народа по преимуществу.

По замѣчанію изслѣдователей [1]), ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ народнаго творчества не уцѣлѣла въ такой старой чис-

[1]) Н. И. Костомаровъ, Семейный бытъ въ произвед. южно-русскаго народнаго творчества, стр. 364—410, въ изд. Литерат. наслѣдіе. Спб. 1890.

тотѣ, не отразилась такъ послѣдовательно—эпоха за эпохой, слой за слоемъ—вся прошедшая многовѣковая жизнь народа. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить и настоящее собраніе свадебныхъ пѣсенъ. Въ нихъ, можно сказать, еще живетъ старый родовой бытъ. Здѣсь и религіозное отношеніе къ водѣ, дереву („гильце", вѣтка дерева въ обрядахъ, т. е. часть вмѣсто цѣлаго), и слѣды охотничьяго быта (упавшее „перо" въ пѣснѣ). Здѣсь и слѣды древняго умыканія—похищенія—невѣсты (война) съ жалобами „на чужую сторону", естественными при разобщенности родовъ, и рядомъ—слѣды позднѣйшей сдѣлки, сговора („згода"), о чемъ свидѣтельствуютъ также „дары"—подарки, имѣющіе значеніе выкупа. Здѣсь и князь съ княгинею—такъ зовутъ жениха и невѣсту въ пѣсняхъ. По свадебнымъ пѣснямъ можно было бы нарисовать цѣлую картину дружинно-княжескаго быта: молодая княгиня въ вѣнкѣ сидитъ за столомъ; у нея обширные дворы, накрытые столы; ее окружаетъ дружина, у которой, между пр., золотые ножи, вилки; съ дружиною своею она отправляется на войну („село звоювали") и т. п. Здѣсь и память о первомъ проникновеніи христіанства изъ Крыма—драгоцѣнное четверостишіе о монахахъ, вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія; и память о татарахъ, продававшихъ людей въ неволю, и о козачествѣ—въ пѣснѣ жениха—„козакъ, на немъ шапочка, какъ макъ". Наконецъ, здѣсь же упоминаніе о писаряхъ, на рынкѣ пишущихъ листы разлуки („разлучени листа")—быть можетъ память о крѣпостномъ правѣ, о времени „пановъ, панъщины", когда нерѣдко разлучали членовъ одной и той же семьи—и т. п. Въ этомъ же смыслѣ свадебныя пѣсни—и отцовская могила. И всѣ эти разнообразыя наслоенія на простой, старой и вѣчно новой, основѣ—выходъ дѣвицы въ замужество, ея думы при этомъ, радость и горе... Невѣста является, такъ сказать, героиней, главнымъ, центральнымъ лицомъ свадебнаго дѣйствія. Въ этихъ же пѣсняхъ высказывается народный взглядъ и на назначеніе женщины въ семейномъ быту:

„До хаты мастильныця (мазальщица),
До коморы ключныця,
Въ поли робитныця".

Въ изученіи памятниковъ народнаго творчества, народнаго духа—дорогъ каждый новый мотивъ, каждая новая черта, каждая, т. ск., крупица, не говоря уже о томъ, что богатый этнографическій матеріалъ заключается большею частью въ изданіяхъ малодоступныхъ или ставшихъ библіографическою рѣдкостью, что открываетъ широкій просторъ для разныхъ компаній лубочниковъ... Съ этой стороны предлагаемыя свадебныя пѣсни подольской губерніи, кромѣ своего главнаго, общаго значенія, могутъ представлять еще особый, чисто *мѣстный* интересъ, какъ отраженіе историко-географическихъ особенностей мѣстной жизни. Если этнографически Подолія (древн. „Понизье“) представляетъ единое славянское цѣлое (Уличи и Тиверцы лѣтописей), то географическія условія и историческія судьбы ея неодинаковы. Западная часть Подоліи примыкаетъ къ древней Червонной Руси (Галиція), отъ которой отдѣляется р. Збручемъ, а Восточная Подолія примыкаетъ къ древней землѣ Кіевской. Въ то время какъ въ сѣверной части Подоліи господствовали князья волынскіе, Западная Подолія подчинялась князьямъ Галицкимъ (городъ Львовъ въ пѣсняхъ), а Восточная Подолія—князьямъ кіевскимъ. Послѣ господства Татаръ и Литвы (со второй половины XIV в. князья—братья Коріатовичи), Западная Подолія, по р. Мурафу, уже съ тридцатыхъ годовъ XV столѣтія подпадаетъ подъ власть Польши, тогда какъ для Восточной Подоліи эта власть Польши наступила болѣе чѣмъ на столѣтіе позже—со времени Люблинской уніи [1]). Естественно, поэтому, встрѣтить въ языкѣ Западной Подоліи слѣды вліянія червонорусскаго говора, болѣе частые полонизмы, между тѣмъ какъ говоръ Восточной Подоліи долженъ отличаться сравительно большею чистотою и близостью къ говору кіевскому. Разумѣемъ болѣе внѣшнія формы языка, акцентъ, потому что никакія постороннія вліянія не коснулись, не нарушили крѣпкой славянской основы. Здѣсь слѣдовало бы еще выдѣлить, т. н., днѣстровское побережье Подоліи—мѣсто соприкосновенія съ румынскою народностью, вліянье которой оказалось, между пр., въ отсутствіи свадебныхъ пѣсенъ.

[1]) П. Н. Батюшковъ, Подолія. Спб. 1890.

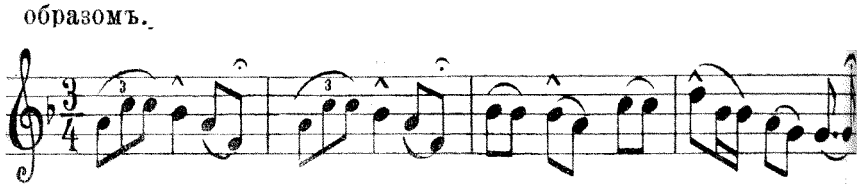
Большинство свадебныхъ пѣсенъ настоящаго собранія относятся къ Западной Подоліи, и только приблизительно четвертая часть ихъ относится къ Восточной Подоліи [1]).

Народный свадебный обрядъ („нашъ законъ", по словамъ одного крестьянина) отличается большою устойчивостью, сохранностью; исполненіе его считается настолько же необходимымъ и важнымъ, какъ и церковный обрядъ.

Малорусское свадебное дѣйствіе—„весилля"—состоитъ изъ трехъ главныхъ актовъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на части, и заключенія или эпилога. Пѣсни нашего собранія представляютъ (за исключеніемъ т. н. „Заручинъ" или сговора) съ нѣкоторою полнотою два главнѣйшихъ акта „свадебной трилогіи", именно — дѣвичъ-вечеръ, происходящій обыкновенно въ субботу, и собственно брачное торжество въ день вѣнчанія, обыкновенно въ воскресенье, а также заключительный „эпилогъ"— въ понедѣльникъ и далѣе.

Свадебныя пѣсни поютъ, главнымъ, образомъ, женщины, участвующія въ свадебномъ обрядѣ—дѣвицы, подруги невѣсты („дружки") и замужнія женщины („свахи"). Мотивъ свадебныхъ пѣсенъ, насколько намъ извѣстно, одинаковый, вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ пѣсенъ и скорѣе проникнутъ оттѣнкомъ грусти.

Свадебный мотивъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.



Ой, матинко—утко, Звывай же ся хутко: Мы ся й узвы валы Всё село звою—валы.

Переходимъ къ послѣдовательному изложенію свадебныхъ обрядовъ и сопровождающихъ ихъ свадебныхъ пѣсенъ.

---

[1]) Свадебныя пѣсни записаны въ 1881 г., со словъ замужней крестьянки села Думаново, каменецкаго уѣзда. По нѣсколько пѣсенъ изъ с. Попелюхи, ольгопольскаго уѣзда. (П.), изъ с. Раковки, гайсинскаго уѣзда. (Р.) и одна изъ нихъ с. Тростянецъ, ямпольскаго уѣзда. (Т.)—Пѣсни записаны звуковымъ способомъ, хотя и болѣе отвѣтственнымъ, но позволяющимъ сохранить оттѣнки мѣстнаго произношенія.

I.

Суббота. Въ домѣ „молодой“ (невѣсты).—Свадебный обрядъ, какъ и каждое дѣйствіе его, начинается благословеніемъ, обыкновенно троекратнымъ. Съ благословенія Бога, Пречистой Матери, отца, матери, старшаго брата, сестры и другихъ родственниковъ, а также съ благословенія „пана старосты“—главнаго распорядителя свадебнаго обряда, „дружки“—подруги невѣсты, дѣвицы—„*увиваютъ, вьютъ вѣнокъ, вѣнки*“, и поютъ соотвѣтствующія пѣсни.—Закручинился степенный староста—съ чего въ субботу вить вѣнки? Отвѣтъ—съ барвинку: „вѣнокъ—крещатый барвинокъ“. Барвинокъ—символъ любви, также какъ рута—символъ дѣвственности. Вынимая изъ сундука барвинокъ, невѣста не можетъ не заплакать... Развѣ я тебѣ не говорила—поется въ обращеніи къ невѣстѣ отъ лица матери—не ходить по воду „до броду“, п. ч. тебѣ измѣнятъ („зрадятъ“) фіялочки, приведутъ къ чужой матери? Невѣста обращается къ отцу, чтобы онъ посмотрѣлъ, какой вѣнецъ купилъ ей милый во Львовѣ.

Пане войче, пани матко, пане брате, пани сестро..., панъ староста!

Шобы-сь ци благословыы
И вивець увылы!
Или: Пане старосто,
Просимы благословеньства,
Повтурее и потшеци?
Дзенькуемъ вашéци!

—

Поютъ: А зъ рученьки дви квиточки,
Благословы, Боже, отець, маты,
Своему дытяти винокъ увываты!
Я батенько такъ мовытъ:
Пречыстая Мате, виночокъ ій увываты.
Ой, матинка такъ мовытъ:
Нехай Богъ благословытъ.
Я братчичокъ такъ мовытъ:
Най тя Богъ благословытъ.
(Я сестрычка, бабуня, цётуня и т. д.)

—

Ой, зажурився статечный старостонька,
Сь чого мы будемъ въ субботу винки выты,
За що мы будемъ мидъ-горивку пыты?
Ой, е у дружечки вышневый садочокъ,
У тимъ садочку кресчатый барвиночокъ:
Съ того мы будемъ въ субботу винки выты,
А за тóе будемъ мидъ-горивку пыты.

—

Ой, винче-жъ мій, винче,
Хрещатый барвинче,
Я-жъ тебе полывала
И въ скрыни замыкала,
Теперъ тебе рушу
Заплакаты мушу. (Р.)

—

Чы я тоби не казала—
Не ходы до броду по воду,
Во тебе тіи фіалочкы зрадятъ,
До чужои матиноньки препровадятъ?
Я чужа матиноньки рано не збудыть:
Тильки пиде до сосиды—обсудыть:
Яка въ лиси ковенёчка[1]) гнылая,
Така у мене невисточка другая.

—

Ой, подывыся, мій батеньку, на мене
Не сходыла я такого винця у тебе!
Купывъ мени мій мыленькый ви Львови
За сто золотыхъ и за четыре червовыхъ.

—

Замужнія женщины („жинкы“) начинаютъ „*вить гильце*“, т. е. убираютъ, украшаютъ вѣтку дерева „овсомъ, перомъ, калиною...“. Обыкновенно, для этого употребляется вѣтка сосны, такъ какъ свадьбы большею частью происходятъ зимою, отчего гильце называется иногда „*сосна*“. Калина—символъ выходящей замужъ женщины. Гильце, по замѣчанію изслѣдователей, имѣетъ символичное значеніе брачнаго вѣнка, но въ нашихъ пѣсняхъ гильце и вѣнокъ не смѣшиваются и стоятъ отдѣльно.

Выйся, гиленько, гарно (т. е. красиво),
Дамо тя межы люды—
Славне гиленько буде!

[1]) Гнилой кусокъ дерева.

Зажурывся статечный староста—
Съ чого мы будемъ гиленько выты,
За що мы будемъ мидъ-горивку пыты?
Горивкы, марно́и горивкы—
Погнивалыся вси жинкы:
Гиле́нько увылы—
Ще твои горивкы не пылы!

—

Ой, сосна-сосна, десь росла?
Ой, росламъ бо я у лиси,
Пры зелененькимъ гориси,
Гаемъ-Дунаемъ прыплыла,
Тай у молодои (-го) на столи зацвила.

Съ такими же обрядами благословенія растворяютъ и пекутъ т. н. *коровай*, свадебный хлѣбъ—обычай общеславянскій. Вода въ короваѣ изъ „Дуная"—славянской пѣсенной рѣки. Съ короваемъ идутъ въ село, и въ пѣснѣ находимъ обращеніе къ мѣсяцу, чтобы онъ освѣщалъ путь.

Я зъ руточкы дви квиточкы—
Пречыстая Мате,
Коровай росчынаты!

—

Нихто не вгадае—
Що въ нашимъ короваю?
Въ нашимъ короваю
Водыця—зъ Дунаю,
Два збанкы масянкы,
Яйци пидгайци—
Ти въ нашимъ коровайци.

—

Мисяцю рогожéньку,
Свиты намъ дориженьку,
Абесь мо не зблудылы.
Коровай не згубылы.
Мисяцю зъ раю,
Свиты нашему короваю,
Абесь мо не зблудылы,
Коровай не згубылы.

Далѣе слѣдуетъ обрядъ расплетанія и расчесыванія косы. *Расплетаніе косы*—грустная минута для молодой (невѣсты). При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присутствуетъ и женихъ:

„старшая дружка (свѣтилка?) покрываетъ молодую платкомъ, а молодой (женихъ) открываетъ“ (П.). Начинается обычнымъ призывомъ благословенія Бога, отца—матери. Созывается весь „родъ“ расплетать косу. Поется о „чернобрывцяхъ“ (багрецы), которые посѣяны около Рождества и теперь расцвѣли

Якъ перший разъ,
Якъ Божій часъ—
Благословы, Боже,
И отéць и маты,
Своего дитяти
Рóсу косу росплитаты. (П.)

—

Ой, стану я на былыну,
Крыкну я на родыну:
Сходыся, мій родóчку,
Росплитаты косочку.

—

Було лито, було лито,
Я теперъ—зыма,
Посіяла чорнобрывци
Противу Риздва.
А вже-сь мои чорнобрывци
Процвитаютъ,
А вже-жъ мою росу-косу
Росплитаютъ. (П.)

Передъ *расчесываніемъ косы* также „просятъ благословенства, кланяются, поютъ—„я зъ руточки...“ и т. д. Отъ лица невѣсты обращаются къ отцу, матери, брату, просятъ подать щеточку-гребешокъ, чтобы расчесать „росу-косу“ подъ вѣнецъ; при этомъ невѣста проситъ не зарвать волосочекъ, не поразить („заразить“) ея сердечко... Сравненіе: на дворѣ „деренъ“ тешутъ—въ хатѣ косу чешутъ. Молодая сидитъ за столомъ въ вѣнкѣ, какъ „княгиня“.

Стань, батеньку (или матинко, братчыку, сестрычко и т. д.), на стильчыкъ.
Подай щиточку-гребинчыкъ,
Росчесаты росу-косу пидъ винчыкъ.
Чешы, батеньку, косу,
Не зорвы волосочка,
Не зарази мого серденька,

Бо воно заражѐне—
Зъ батенькомъ розлучене.

—

На двори дерѐнъ тешутъ,
А въ хати косу чешутъ;
На двори—терныною,
А въ хати—*княгынею.*

—

Ой, стань, братику, на стилець,
Та подай съ полыци гребинець,
Росчесаты росу-косу пидъ винець. (Р.)

Убранную невѣсту „*въ село выряжаютъ*", т. е. она отправляется въ сопровожденіи дружекъ въ село звать къ себѣ на свадьбу. Обращаясь къ матери, просятъ снарядить свою дочь изобиліемъ („пóвною"), доброю долею и мелкими слезами... Слѣдуетъ обращеніе къ вѣтру, чтобы онъ развѣялъ „росу-косу" по шелковому поясу невѣсты, чтобы разнеслась добрая слава („поголóска"). Возвращаясь изъ села, поютъ, что „все село звоювалы"—пригласили родныхъ, сосѣдей, а по другой пѣснѣ „не миновали ни одного („жàдного") двора". Невѣста спрашиваетъ мать, есть ли безъ нея порядокъ („ладъ") въ хатѣ—заметены ли „дворы", застелены ли „столы",—проситъ зарѣзать „курочку", потому что дружечкы хотятъ ѣсть, и желаетъ „добраго вечера" всѣмъ, кто находится въ домѣ. Невѣстѣ-сиротѣ поютъ, что батенько ея встаетъ изъ гроба *на судъ* („до суду")...

А зъ руточкы дви квиточкы—
Благословы, Боже, отець и маты,
Своѐму дытяти въ село выражаты.

—

Кланяйся старому и малому
И Богови святому!

—

Ой, вмила-сь, маты, дытятко годуваты,
Ой, вмій же ѐгó на село выряжаты:
Черезъ синонькы—повною-повнонькою,
Черезъ подвирья—доброю доленькою,
Ой, по-за ворота вже тымы колосками—
Дрибнымы слезонькамы.

—

Ой, витре, дорогою
За нашою молокою,
Розвій росу-косу
По шовковимъ поясу,
Розвій по волóска,
Щобъ була поголóска.

—

Ой, матинко—утко [1])
Звывай же ся хутко (т. е. скоро);
Мы ся й узывалы,
Усё село звоювалы,
Всю родыну спросылы—
Блызьку и далекую,
И сусиду блызенькую.
Добрый вечиръ, нéне,
Чы е ладъ безъ мене,
Чы замитани дворы,
Чы застéлени столы
Безъ мене молодои?
Добрый вечиръ тому,
Хто е въ нашимъ дому—
И старому и малому
И Богови святому.
Ой, матинко—утко,
Рижъ *курочку* хутко:
Курочка ся трыскоче,
Дружечкы йисты хочутъ.
Добрый вечиръ, маты,
Зъ синей до хаты!
— Бодай здорови булы,
Що за насъ не забулы,
За старого й за малого
И за Бога святого.

—

Митиночко—утко
Выхай же ся хутко,
Бо мы ся вже звыхалы.
Все село звоювалы—
Видъ кола до кола
Не мынулы жáдного двора: (Т.).

—

Закрычалы янгели на неби
Я збудылы батечка во гроби:

[1]) Уменьшит. оконч.— „матинутко“.

Вставай, батечку, *до суду*,
Ведутъ твое дытаточко до шлюбу.

Наконецъ, слѣдуетъ ужинъ. Молодая „княгиня“ въ вѣнкѣ сидитъ на главномъ мѣстѣ за столомъ. Женихъ непремѣнно въ шапкѣ съ квиткою (цвѣткомъ).

По чимъ ты мене пизнала?
По то́би: сывая шапка на то́би.

Происходятъ танцы, игры, шутки, насмѣши—т. наз. „головища“ (головка, головной уборъ, вѣнецъ—Даль, Толк. Сл.): парни стараются сорвать съ дѣвушекъ запаски, переодѣваются „за комедіи“, дѣлаютъ „соломляни ко́ни“, танцуютъ „съ лопатою“ и т. д. Этимъ заканчивается суббота въ домѣ невѣсты.

II.

Воскресенье. День вѣнчанья и собственно брачнаго торжества.

Пѣсни *передъ вѣнчаньемъ* („до шлюбу“). Еще дома поютъ: Отворяйтесь, ворота, сирота ѣдетъ вѣнчаться и низко кланяется. По слѣдамъ жениха взошелъ „василекъ“, а по слѣдамъ невѣсты—„мята“—какъ и рута—символъ дѣвственности. Невѣста сравнивается даже съ „ягодой, калиной, малиною“—символы выходящей замужъ женщины. Выберемся пораньше, чтобы не пропалъ нашъ сговоръ („згода“). Просьба къ батюшкѣ, чтобы онъ повѣнчалъ двое дѣтей, жениха и невѣсту.

Отворяйтеся, ворота,
Йде до шлюбу сырота,
Нызенько вона ся кланяе,
Бо матиньки не мае,

—

Кланяйся го́же (хорошо, пригоже. Даль Т. Сл.).
Най тоби Господь допоможе!

—

Въ гай дороженька,
До шлюбу стеженька,—
Куда молоденькый шовъ,

То тамъ васылекъ зійшовъ,
Куда молода йшла,
То тамъ мяточка зійшла.

—

До шлюбу мы йдемо,
Молоду ведемо:
Молода якъ ягода,
Червона, якъ калына,
Солодка, якъ малына.

—

Выбыраймося рано,
Шобы намъ шлюбъ дано,—
Не застанемъ попа—
Пропала наша зго́да.

—

Ой, попе-поне, батьку нашъ,
А выйды противъ насъ:
Якый въ церковци святый Спасъ—
Звинчай двое дытяточокъ змежы насъ,
Одно дытятко молодый (имя)
Друге дытятко молода (имя).

Пѣсни *послѣ вѣнчанья* („видъ шлюбу"). Благодарность батюшкѣ за то, что обвѣнчалъ и немного взялъ. Замѣчательное четверостишіе о монахахъ („чéрчекы"), вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія. Невѣста съ „посѣченой калиной"; на ногахъ у нея „красные" чоботки—все это имѣетъ символическое значеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новобрачнымъ по пути изъ церкви „переливаютъ дорогу „*водою*".

Дякуймо поповькови,
Якъ ридному батькови,
Шо намъ шлюбъ давъ,
Не много взявъ.
Видъ пана молодого
Півтора золотого,
Видъ молодои ни гроша,
Бо молода хороша.

—

Дякуймо попонькови,
Якъ своему батенькови,
Шо винъ намъ шлюбъ давъ,
Не багацько й взявъ:

Пивтора червоного
Вицъ пана молодого. (Р.).

—

Выйшлы чéрчеки зъ Крыму,
Вынеслы соби книгу—
Чорнéньке писанічко,
Вичнее винчанічко. (П.).

—

Сичéна калына—сичéна,
Вже-жъ наша Н... звинчена,
Червони чоботкы на нози,
Шо купывъ Петрунё въ дорози.

По возвращеніи изъ церкви въ домѣ невѣсты слѣдуетъ *привѣтствіе матери* („Радуйся“): вмѣсто одного дидяти она имѣетъ двоихъ; приглашеніе встрѣтить новобрачныхъ въ кожухѣ—мохнатый кожухъ, шерсть—символъ богатства,—или съ калачемъ. Тутъ же идетъ рѣчь объ упавшемъ перѣ („пыро“ и „пюро“). Садятся за столъ, на которомъ разставлены „гыжкы“ (свиной студень), „горивка“ (водка). Обѣдъ у невѣсты и жениха происходитъ отдѣльно, безъ участія новобрачныхъ.

Радуйся, матиноньке:
Взяло шлюбъ дытятоньке:
Якъ идно, такъ другое,
Вже твои обыдвое.

—

Или: Першесь са радувала,
Якъ его годувала,—
Теперь ся величаешъ:
За йидно двое маешъ.

—

Выйды, матинко, звытайся,
Своего дытятки спытайся—
Дэ твое дытятко бувало?
Пидъ царскимъ винцемъ стояло,
Зъ молодымъ шлюбъ брало.

—

Выйды, матинко, въ кожуси,
Якъ въ Боговимъ дуси:
Якый кожухъ мохнатый,
Такый твій зять богатый.

—

Выйды, матинко, зъ калачомъ,
Иидé твое дытятко зъ панычомъ
(или зъ мужыкомъ),
Завязани били руки рушныкомъ. (П.).

—

Дэ биле пыро впало
Тамъ намъ ся сподобало:
Молоденька стояла,
До серденька прыставала.

—

Тутъ наше пыро впало,
Тутъ намъ ся сподобало:
Дивчынонька молоденька
Прыстала до серденька. (Р.).

Въ воскресенье же вечеромъ—*пріѣздъ жениха за невѣстой*. Въ пѣсняхъ и обрядахъ, сюда относящихся, отразилось какъ старинное умыканіе (похищеніе) невѣсты, война, такъ и позднѣйшій сговоръ, сдѣлка („згода“).

Пѣсни объ умыканіи. Сторона жениха сравнивается съ налетѣвшимъ вороньемъ („ворононьки“) изъ „чужой стороны“, которые „разогнали“ бояръ. Не страшись, теща, насъ немного играетъ („плеще“, ср. Даль, Т. Сл.) на твоемъ подворьи. Родня жениха не должна („не повинна“) стоять во дворѣ. Руби, дружба, двери, впускайте насъ къ дѣвицѣ: съ нами *„козакъ*, на немъ шапочка, какъ макъ“. Кто же это наѣхалъ—„мѣщане или селяне“, чтобы хотя знать, кому уступать („ся вступаты“). Братецъ, сѣки-руби, не выдавай сестру. Но братецъ—Татаринъ, „продалъ“ сестру за талеръ... При этомъ „дружба дивочій заплатитъ два золотыхъ, пиврубля“ и садятся за столъ.

Налетили ворононькы
Зъ чужои сторононькы,
Боярывъ розигналы,
Сами посидалы.

—

Не страхайся, теще,
Немного насъ плéще—
Тридцатеро и трое
На подвирячку твоимъ.
Снижокъ пролитае,
Дощыкъ накрапае—

Цэго молодого родына
Стояты не повынна
Рубай, дружба, двери,
Рубай и удвирки—
Пускайте насъ до дивкы:
Прыйихавъ зъ намы *козакъ*,
На нимъ шапочка якъ макъ,
И золотая сброя—
Десь ту дивчына моя.

—

Шо-жъ то намъ найихало—
Чы зъ миста мищаны,
Чы зъ села селяне,
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты?
Не зъ миста мищане,
Я зъ села селяне—
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты.

—

Татарыну братчыку,
Стань соби на крыслычку,
Сичы-рубай,
Сестры не дай,
Бо сестра дорогая,
Коса йiи золотая,
Треба йiи золотыты,
Дорогу заплатыты.
Татарынъ братчычокъ, татарынъ,
Продавъ сестрычку за талеръ,
Росую косу за шистакъ,
Румянее лычко пишло такъ.

Въ другомъ рядѣ пѣсенъ слышится уже предварительный уговоръ, условіе. Дружки изъ хаты поютъ, что зять вьется хмелемъ, разсыпается ячменемъ, васильками. Нѣжно спрашивается, гдѣ запоздалъ милый („забавывся“). Или: съ женихомъ со двора, просятъ свата вступить въ хату, чтобы пересушить одежды („шаты“). Въ пѣснѣ, наконецъ, спрашивается: съ чѣмъ пріѣхалъ за дѣвицей—есть-ли горилка, свашенькы, старо̀ста, дружба, музыкантъ—словомъ, намекъ на выкупъ, подарки.—Садятся за столъ у невѣсты. Невѣста сидитъ сиротливо, грустная. Съ обычнаго благословенія, разрѣзываютъ (дѣлятъ) коровай,—это лежитъ на

обязанности пана дружбы, у котораго „золотой ножикъ и золотая вилка". „Поклыкаютъ тата, родыну—а прошé-е!—раздаютъ подарки—обыкновенно платки („хусточки")—татови, мами, „свахамъ".

Величаютъ свахъ въ пѣсняхъ, просятъ „выдать" къ невѣстѣ. Дружкамъ—дѣвицамъ поютъ, что имъ слѣдуетъ идти домой, п. ч. ихъ подруга уже не принадлежитъ имъ.

Ой, зять намъ ся стелеть
По за воротя хмелемъ,
По подвирю ячменемъ,
А въ синехъ болотомъ,
А въ хати васылькомъ,
За тымъ сывымъ (?) столомъ.
Сывесенькымъ соколомъ.

—

Чорная хмаронька—дощъ буде,
Десь ты ся забавывъ, голубе?
Забавывъ я ся самъ у себе,
Сидлавъ коныка пидъ себе,
Йихаты, П... до тебе.

—

Ой, свату-жъ нашъ, свату,
Пусты-жъ насъ у хату,
А мы-жъ тоби не докучымо,
Тилько шáты пересушымо,—
А въ насъ таки шаты,
Щобъ Марусеньку взяты. (Р.).

—

По щось прыйихавъ по дивку?
Чы маешъ барылце, горивку,
Чы маешъ свашеньку пышнéньки,
Чы маешъ старосту вумного,
Чы маещъ дружбоньку скакуна—
Шобысь ты не мала сорома́,
Чы маешъ ты музыку брехуна—
Шобы-сь ты не малы сорома?

—

Посадылы, якъ панятко,
Сыдыть соби, якъ сыротятко,
Посадылы добрiи люде,
Нарáдылы близькiи сосилы. (П.).

—

Зъ калыночкы дви квиточкы—
Благословы, Боже и вотець, маты,
Коровай роскраяты.

—

Панъ дружба зблотый ножыкъ мáе,
Хорошé коровай крае,
Та золотé видéльця—
Та прыставъ дружци до серденьця.

—

Свашенькы, якъ ластивкы,
Головкы, якъ макивкы,
Спиваютъ, якъ ластивкы,
Ше й свашенькы крáсни,
На ныхъ хусточкы ясни.

—

Свашенькы вериняночкы (?),
Выдайте насъ до Ганочкы?
— Мы до Ганочкы не даемо,
Лышъ хорошe спиваемо.

—

Чого, дружечкы, сыдыте,
Чомъ до дому не йдете,
Бо вже Надежда не ваша,
Зъ Петрусёмъ заручена, наша. (П.).

Отправленіе невѣсты въ домъ жениха. Еще за столомъ у невѣсты поютъ: Заржали вороные кони, зазвенѣли („забрынилы“) кованые возы...; невѣста проситъ спрятать ее въ „коморѣ“ (кладовая). Потише („помало“) играйте конями, не копайте подворье, шалфей („шальвій“) не ломите, не берите молодую. Еще, т. ск., послѣдняя борьба, послѣдняя надежда невѣсты на то, что за нее заступятся, не выдадутъ отецъ, мать. Но на рыночку писаря пишутъ листы разлуки („разлучени лыста“)—„очень жалостливая пѣсня, найгорьше плачутъ“... Слѣдуетъ трогательное прощаніе невѣсты съ матерью: я оставляю, поется отъ лица невѣсты, слѣды по двору и слезы на столу; жаль будетъ тебѣ, мама, за мною—будешь часто вспоминать обо мнѣ. Слезы перемѣшиваются иногда съ шуткой, смѣхомъ—соотвѣтственно народному характеру. Свахи поютъ матери невѣсты, чтобы она готовила постель и вообще приданое, а самой невѣстѣ—чтобы она перестала плакать и благодарила отца и мать за воспита-

ніе. Во время всей этой сцены женихъ съ дружбами ждетъ во дворѣ и трижды возвращается изъ-за воротъ. Наконецъ, взявши невѣсту, дружбы изъ-за воротъ благодарятъ за угощеніе и за хорошую дѣвицу.

Ой, загыржалы ворони кони на стани
Ой, забрынилы ковани возы на двори—
Сховай мене, моя маты, въ комори?
Ой, не поможе, моя до́нешько, комора,
Бо свитле́ня (свѣтлица) твоя свитонька надоѣ́ла,

—

Помало киньмы грайте,
Подвиря не копайте,
Шальвій не ломитъ
Молодои не беритъ.

—

Я въ Камянци на рыночку,
Мармурованый (мраморный?) мылый Боже,
Ой, е у мене мій батенько,
Не дасть мене, мылый Боже!
Ой, е у мене моя матинка,
Не дасть мене, мылый Боже!

—

Ой, въ Камянци на рыночку
Два пысарчуки лыста пышутъ;
Ой, пышутъ воны—
Разлучени лыста пышутъ...
А хто-жъ буде ся розлучаты зъ батенькомъ.
Буде си розлучаты молоденька зъ батенькомъ.

—

Не жа́луй, матинко, за мною,
Не беру я ничого зъ собою—
Лышаю слидонькы до двору,
Слизонькы по столу.

—

Замитай, маты, жаръ-жаръ,
Буде тоби дочкы жаль-жаль,—
Закыдай сыри дрова—
Бувай, маты, здорова!

—

Идешъ, маты, хуста праты—
Лышай пранык ла загати:

Будешъ хуста праты,
Будешъ мене спомынаты.

—

Було тоби, маты, пыва не пыты,
Було тоби, дочко, ще рикъ робыты.

—

Було тоби, маты, дочкы не даты,
Бо будемъ твои дочци бóкы лататы,
Ой-ой-ой, бокы лататы! (въ шуточн. смыслѣ).

—

Лагóды, маты, пóстиль,
Самъ подушокъ пуховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ
И коня вороного
Пидъ пана молодого

—

Ой, сядай-сядай, кохане мое,
Ничого не поможе плаканя твое.
— Ой, я бы зъ вамы тепазъ сядала,
Но я йще войца не дзиньковала.
— Дзинькуй-дзинькуй свому вóйцу,
Шо тя годувавъ зъ маленькóсци.
(Такъ и матинци спивають).

—

Дякуваны, даковóьци
Оцéви, матиноньци
За мидъ—за горивку,
За хорошую дивку.

Пріѣздъ невѣсты къ жениху. Свахи поютъ, что матери жениха наскучило дожидаться невѣстушки. Приглашаютъ встрѣтить невѣсту,—тутъ же и ея назначеніе въ семейномъ быту. Невѣста, прежде чѣмъ вступить въ домъ, „два раза льетъ изъ келишка (рюмки) *воду* „бизъ голову“ (черезъ голову), а въ третій разъ даютъ пить горилку, и тогда молодая входитъ въ хату“. Слѣдуетъ ужинъ, (вечеря). Свахи поютъ, что молодая не хочетъ ужинать; тоже поютъ и „свѣтилкѣ“ (старшей дружкѣ). Новобрачные не участвуютъ въ ужинѣ.

Вже неньци та докучыло,
Кватыроньку видчиняючи,
Та невистоньки дожыдаючи.

—

Витворы, маты, лиску (въ смыслѣ двери),
Ведемъ тоби невистку—
До хаты мастильныцю,
До коморы ключныцю,
Въ поле робитныцю.

—

Хмиль лугамы, пшеныченька лава́мы—
Молода (имя), повечеряй ты зъ намы?
Згнешься, пшеныченька вытвéся,
Вся у тои молодои вечеря мынéся!

—

Свитылочко на́нё,
Вечеряй же зъ намы?
Не казала маты
Зъ вамы вечеряты,—
Казала послужыты,
Братови посвитыты. (II.).

Въ заключеніе свадебнаго дѣйствія слѣдуетъ эпилогъ, т. н. „*пропóй*“. Въ понедѣльникъ ведутъ молодую „до выводу“ (церковная молитва); молодая сравнивается съ „ягодой“, „калиной малиной“. Пропила мать дочь свою, поется въ пѣснѣ; благодарятъ сваты за „кудрявую мяту“ — символъ дѣвственности, и за „червоную калину“—тоже символъ соблюденія дѣвственности и брачнаго соединенія. На пропою (иначе перезва, которая иногда продолжается до четверга)—поется—ѣли картофель („бараболю“), „паланыцю“ (пирогъ), пили медъ, горѣлку. Идемъ отъ свата трезвые: горѣлка у него овсяная; у молодой нѣтъ ничего ни на столѣ, ни подъ столомъ. У свата хата—на петрушкѣ... Сопровождаются эти пѣсни довольно рѣзкимъ восклицаньемъ: „У-у-ухъ!!!“. „Три раза гильцемъ бросаютъ, перепиваютъ, перетанцёвуютъ, переряжаются, дѣлаютъ подарки“. И больше поютъ, но „пога́ни“, т. е. двухсмысленнаго содержанія.

До выводу йдéмо,
Молоду ведемо:
Молода, якъ ягода,
Славна, якъ калына,
Солодка, якъ малына.

—

Пропыла маты дóчку
На солодкимъ медочку,

За пивкварты горивки
Позбулася дивки.

—

Я зъ калиночки дви квиточки—
Дякуемъ тоби, свату,
За кудрявую мяту,
За червону калыну,
За почьциву (хорошую) дытыну. (П.).

—

Булысь мо на пропою,
Йилысь мо бараблю
Печену, варену
И масломъ намасле́ну,—
Пылысь мо мидъ—горивку
За хорошую дивку,
И печену паланыцю
За хорошу молодыцю.

—

Булысь мо на пропою
Йилысь мо бараболю—
Якъ бараболь не стало,
Йилы зъ кобылы сало. (П.).

—

Пасла гусы въ берези—
Йдемъ видъ свата тверези:
Горилка вивсяная,
Йде сваха не пьяная.
Булысь мо въ молодои,
Не йилысь мо ничого:
На столи ни крышечки,
Пидъ столомъ ни кисточки. (П.).

—

Я въ нашого свата
На пытрушци хата,—
Я петрушка пидогнула,
Хата ся звалыла.

Этимъ заканчивается наше собраніе свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ подольской губерніи.

А. К.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

VII.

Недаромъ хвастался инженеръ Боплань, что его Кодакскихъ твердынь не проломить непріятелю таранами: не пропустятъ эти грозныя башни ни одного удальца, какая бы храбрость ни окрыляла его, дерзкаго, и не выпустятъ изъ своихъ каменныхъ объятій ни одной, заключенной въ нихъ жертвы.

Въ мрачномъ подземельи совершенно темно; изъ двухъ скважинъ, прорѣзанныхъ въ глубокой продольной выемкѣ, что подъ самыми сводами, едва проникаютъ мутные проблески свѣта, да и тѣ теряются между черными впадинами и выступами неотесанныхъ каменныхъ глыбъ. Сидящему узнику не видно, за страшною толщиной стѣнъ, этихъ свѣтовыхъ скважинъ, а потому и въ самый яркій день, даже привыкшій къ темнотѣ глазъ едва можетъ отличить вверху кривизну грубыхъ линій и темно-сѣрыя пятна, а въ пасмурные дни, или подъ вечеръ все въ этой ямѣ-могилѣ покрывается непроницаемымъ чернымъ покровомъ; такая зловѣщая тьма живетъ только подъ землей, въ ея нѣдрахъ и смертельною тоской сжимаетъ даже безстрашное сердце. Въ этомъ жилищѣ мрака и злобы могильный холодъ и ѣдкая сырость пронизываютъ до костей тѣло, проникаютъ мокрою плесенью въ легкія, замораживаютъ мозгъ, замедляютъ біеніе сердца и, отгоняя отъ узника далеко надежду, погружаютъ его въ глубокое отчаяніе.

Сидитъ Богданъ въ этомъ смрадномъ подвалѣ и не сознаетъ, сколько уплыло времени съ того момента, когда за нимъ, скрипя и

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 2.

звеня, замкнулась желѣзная дверь... наконецъ, окоченѣвшіе члены потребовали хоть какого-либо движенія. Онъ всталъ и ощупью попробовалъ опредѣлить границы своей могилы; дотронулся рукой до стѣны и вздрогнулъ: грубые, острые камни покрыты были студеною слизью и какими-то наращеніями—не то грибами, не то плесенью; протянутая другая рука достала до мокрыхъ камней противоположной стѣны. За Богданомъ подымались высѣченныя изъ камня ступени и вели къ желѣзной, находившейся высоко надъ нимъ двери; впереди куда-то въ глубь, шелъ этотъ узкій простѣнокъ. Упираясь руками, Богданъ, осторожно ступилъ впередъ; ноги его вязли въ мокрой и липкой глинѣ... еще шагъ, другой, третій... и узникъ уперся грудью въ каменную стѣну; послѣдняя была особенно мокра, во многихъ мѣстахъ по ней просто сочилась вода, въ безсильной злобѣ, ударилъ онъ, кулакомъ по неодолимой преградѣ и простоналъ; но звукъ въ этомъ гранитномъ гробу сразу умеръ; только долго простоявъ неподвижно, узникъ началъ различать въ нѣмой тишинѣ какіе-то неясные звуки,—словно что-то постоянно шуршало и изрѣдка лишь обрывалось въ короткомъ, отрывочномъ стукѣ. Долго прислушивался Богданъ и, наконецъ, догадался: за этой толщей саженной бѣжалъ сердитый Днѣпръ и скользилъ своими пѣнистыми водами по врѣзавшейся въ его русло твердынѣ, а стучали капли воды, срывавшіяся съ высокаго свода.

Богданъ тронулся съ мѣста; сапоги его чавкнули и съ усиліемъ высвободились изъ глины, что ихъ засосала; онъ направился снова къ желѣзной двери, гдѣ было сравнительно суше, и усѣлся на самой верхней ступени, опершись спиной о желѣзную дверь и свѣсивъ на грудь отягченную мучительными думами голову. Тѣло его пробирала лихорадочная дрожь... но Богданъ ничего этого не чувствовалъ.

„Да неужели-же такъ,—огненною ниткой мелькали въ его буйной головѣ мысли,—придется пропасть козаку, какъ собакѣ, безъ покаянія, безъ причастія, не учинивши ни славнаго, безсмертнаго подвига, ни добра обездоленной родинѣ? И отъ чьей руки? Отъ панскаго лизоблюда, отъ пропойцы! И какъ это все быстро обрушилось на мою голову — безъ передышки, безъ отдыха! Сколько дѣлъ, и какихъ дѣлъ, съ рукъ сходило, а тутъ... хотя бы за что-либо путное—за спасеніе ли друзей, или за разгромъ злодѣя-врага,—такъ и не жаль-бы было принять всякія муки, а то за „дурницу“ и по напасти безсмысленныхъ силъ! То чуть не замерзъ въ ледяную сосульку въ раннюю, всегда теплую осень, то этотъ заклятый обляшекъ чуть не посадилъ на колъ, а вотъ снова доѣхалъ и бросилъ живого въ могилу... А-а!—ударилъ

онъ головой о желѣзную дверь; шапка сорвалась и покатилась по ступенямъ въ глубокую яму.—И не вырвешься отсюда, и голоса не подашь друзьямъ,—не долетѣть ему изъ этихъ проклятыхъ „муровъ“! А тотъ собака смѣется теперь на верху съ „дурнемъ“, за кухлемъ мальвазіи, надъ козакомъ-лыцаремъ, попавшимъ въ западню, и знаютъ, шельмы, что безнаказанно могутъ держать здѣсь меня мѣсяцы, пока не дойдетъ до гетмана вѣсть; да и то—чего ждать? О, проклятое безсилье и адская злоба, куда вы заведете нашъ край? Если рубятъ здѣсь для потѣхи головы козаковъ и старшинъ, если надо мной, все же извѣстнымъ и заслуженнымъ лицемъ, могутъ совершаться такія насилія, то до какихъ же предѣловъ они могутъ дойти надъ безоружнымъ и беззащитнымъ народомъ? Кто за него голосъ возвыситъ? Ахъ, безправные мы всѣ, обездоленные судьбою, забытые Богомъ!“—опустилъ Богданъ на руки голову, сжавъ ими до боли виски.

Погруженный въ тяжелую думу, не чувствуетъ узникъ, что по рукамъ у него и по шеѣ ползутъ какія-то мелкія твари и жгутъ своими тонкими жалами тѣло. Болѣзненные уколы повторяются все чаще и ѣдче, а узникъ мрачно, неподвижно сидитъ, не обращая на нихъ никакого вниманія; глубокая сердечная боль заглушаетъ страданія тѣла. Наконецъ, наглые отряды хищниковъ осмѣлились до того, что съ шеи полѣзли на лицо, на лобъ, на глаза... Богданъ вздрогнулъ, смахнулъ съ лица непрошенныхъ гостей, ударилъ рукой по рукѣ и по шеѣ, съ отвращеніемъ отряхнулся и спустился ниже; но мокрицы, сороконожки, пауки, клещи и всякая „погань“ послѣдовали тоже за своей жертвой и произвели снова аттаку... Началась борьба съ невидимымъ, но многочисленнымъ врагомъ... тѣло стало горѣть лихорадочно. Зудъ вызывалъ конвульсивныя движенія и подергиванія.

„А! чортова тварь! вражья погань!—заскрежеталъ зубами Богданъ.—Мало козаку лиха, такъ тебя еще принесло! Чтобъ васъ врагамъ нашимъ всѣмъ по поясъ! Не доставало еще такой позорной смерти—быть заживо съѣденнымъ всякою дрянью... Эхъ, и я-то хорошъ! Подчинился покорно волѣ этого обляшка: думалось, что законъ поспѣшитъ мнѣ на помощь, а теперь вотъ ищи его у мокрицъ. Выхватить было саблю, да распластать этихъ мерзавцевъ, по крайней мѣрѣ хоть умеръ-бы по-козацки“,—двинулся Богданъ порывисто въ грязь къ дальней стѣнѣ и началъ энергически отряхиваться.

„Вотъ только что добре,—утѣшился нѣсколько онъ,—разогрѣла здорово тѣло подлая тварь, такъ что можно теперь холодъ стерпѣть и здѣсь отдохнуть,—сюда вѣдь по лужамъ не полѣзетъ

эта дрянь,—а когда окоченѣешь, то снова отправиться къ двери... да, это даже не дурно—хоть развлеченіе".

Но что это? Ужъ не шорохъ слышится въ этомъ мѣстѣ, а какой-то протяжный, унылый гулъ: не старый-ли, родной Днѣпръ затянулъ грустную жалобу, что ему, вольному отъ вѣковъ, стѣсняютъ могучій бѣгъ новые, не Богомъ воздвигнутые пороги, что въ эти гранитныя глыбы „замуровываютъ" его славныхъ сыновъ, удалыхъ козаковъ, которыхъ онъ такъ любилъ качать на своихъ бѣшеныхъ волнахъ? Да это не жалоба, а задавленный, печальный стонъ... только онъ чуется не со стороны Днѣпра, а какъ-будто изъ сосѣдняго подвала... Богданъ приложилъ къ внутренней стѣнѣ ухо и замеръ. Явственно, чрезъ гранитныя массы, долетали къ нему человѣческія стенанія: какіе-то узники, конечно, собратья его, а быть можетъ даже и друзья, мучительно, невыносимо страдали, и какъ велики, какъ ужасны должны были быть ихъ страданія, если они могли стономъ поднять желѣзныя, закаленныя груди! А можетъ быть это послѣдняя борьба молодой, задавленной жизни? Или пытка?.. „Быть можетъ, Ахметку, моего вѣрнаго джуру, моего любаго сына терзаютъ? А!—схватился за голову Богданъ и рванулъ въ безсильной злобѣ свою честную „чуприну".—Слушать... и не смочь разбить эту стѣну, не смочь схватить за горло злодѣевъ? Да есть-ли большая пытка на свѣтѣ? Богданъ сжалъ кулаки; ногти вошли ему въ тѣло... выступила кровь... но онъ боли не слышитъ, онъ весь обратился въ слухъ... Проходятъ минуты, часы—и ни стона, ни звука не повторяется: въ непроглядномъ мракѣ стоитъ тишина смерти...

Наконецъ, Богдана снова пробралъ сырой холодъ и вызвалъ лихорадочную дрожь; онъ очнулся отъ оцѣпенѣнія и, сдѣлавъ нѣсколько энергическихъ движеній, рѣшился снова для циркуляціи крови пойти къ двери.

— Да что-же я за дурень у Господа Бога? Позабылъ даже черезъ эту „напасть" про козачью утѣху, про свою „люльку"? Вотъ она, моя родная!—нашелъ онъ у пояса сбоку кисетъ и на коротенькомъ, изогнутомъ чубучкѣ солидныхъ размѣровъ деревянную, отдѣланную въ серебро съ бляшками и висюльками трубку; набивъ ее махоркой и взявъ въ зубы, началъ Богданъ высѣкать изъ кремня кресаломъ огонь; снопами сыпались искры изъ-подъ его рукъ и на мигъ освѣщали опухшее лицо, колеблющіеся усы и горящіе злобой глаза. Наконецъ, трутъ загорѣлся, и черезъ нѣсколько мгновеній козакъ съ наслажденіемъ уже втягивалъ струю крѣпкаго дыма и выпускалъ его цѣлые клубы носомъ и ртомъ, сплевывая по временамъ на сторону. Забытая было „люлька" доставила теперь козаку столько отрады, что на время куренія предоставилъ онъ „погани" на растер-

заніе свое тѣло, и только, когда она уже ему допекла черезъ мѣру, прикрикнулъ:—Ахъ, вы, ненасытныя твари, ляхи! Небось полюбилась козачья кровь? Только ужъ я теперь вамъ, собачьимъ сынамъ, приготовлю угощеніе, не тронете больше козачьяго тѣла! Богданъ, добывъ изъ чубука и изъ трубки табачной гари, вымазалъ ею себѣ шею, лицо и руки: средство оказалось радикальнымъ,—ни одна тварь не преодолѣла махорки...

Выкуривъ еще одну трубку, Богданъ почувствовалъ полное удовлетвореніе своихъ желаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую наркотизацію мозга; крѣпкая голова его, конечно, не закружилась, но ее повилъ какой-то сладкій туманъ, разлившись по всему тѣлу истомой. Богдана начала клонить дрема, но сердечная боль не давала ему настояще уснуть, и только иногда на мгновеніе облекались его думы въ туманные образы.

„Какъ-то несчастная семья моя живетъ теперь въ хуторѣ? Вѣдь если и тамъ воцарится такое безправіе, то грабителей и насильниковъ можно ждать ежедневно... и кто теперь при разгромѣ козачьей силы удержитъ хищническую наглость врага? Конецпольскій... да защититъ-ли онъ? Ко мнѣ-то гетманъ благоволилъ,—я ему нуженъ... но вѣдь со мной могутъ здѣсь и прикончить? А безъ меня“—вздохнулъ Богданъ и посунулся въ уголъ; тамъ показалось уютнѣе, спокойнѣе... Что это? Больную его жену вытаскиваютъ грубо изъ свѣтлицы? Неподвижныя ноги ея безсильно тянутся по землѣ... Блѣдное, желтое лицо искажено мукой отчаянія... глаза устремлены къ образу... протянутыя руки просятъ защиты... и никто, никто не спѣшитъ на помощь; окна побиты, вѣтеръ воетъ... какой-то трупъ путается подъ ногами, не даетъ двинуться... Кто это? Знакомыя черты... только мракъ какой налегаетъ кругомъ... Какъ больно сжимается сердце!.. За дверью слышится крикъ... Больную-ли истязаютъ, или бьютъ беззащитныхъ дѣтей? Нѣтъ, это молодой, звонкій голосъ; звуки его льются дивной мелодіей, пронизываютъ насквозь сердце Богдана и удесятеряютъ его боль... Этотъ голосъ знакомъ ему, знакомъ!... Богданъ вспоминаетъ и не можетъ вспомнить, гдѣ онъ слышалъ его и когда?.. Но вотъ черная стѣна тюрьмы свѣтлѣетъ, становится прозрачной... голосъ раздается все ближе... и вдругъ передъ Богданомъ выступилъ изъ чорной стѣны въ сіяніи голубыхъ лучей чудный женскій образъ невидимой красоты! Богданъ приподнялся и замеръ отъ волненія,—онъ узналъ его: это былъ снова тотъ образъ, что явился ему во снѣ въ снѣжной степи. Вотъ онъ протягиваетъ къ нему руки, онъ улыбается ему своими синими, влажными глазами...—Ангелъ небесный или сатанинское видѣнье?—вскрикнулъ Богданъ, внѣ себя,—все равно, кто-бы ни посылалъ

тебя—отвѣчай, что возвѣщаешь ты мнѣ?!... Спасеніе, или смерть?.. Но видѣнье загадочно улыбается, манитъ его нѣжной рукой и исчезаетъ въ голубомъ сіяньи.—Стой! Не уходи!! Отвѣть!—вскрикнулъ Богданъ, срываясь съ мѣста, и чуть не полетѣлъ внизъ головой по ступенямъ. Минутное забвеніе сномъ прошло, оставивъ по себѣ только нестерпимо-ѣдкое чувство...

Сидитъ опять Богданъ и смотритъ угрюмо въ слѣпые глаза этой ночи.—„Снова сонъ, тотъ же ужасный сонъ—плывутъ въ его головѣ мрачныя мысли...—Что онъ вѣщуетъ? Старые люди говорятъ, что Господь открываетъ во снахъ свою волю? Да, это вѣрно... Вотъ уже часть этого страшнаго сна и сбылась: онъ попалъ въ тюрьму. Кто знаетъ, быть можетъ и другіе, кромѣ Пешты и Бурлія, вѣдали про его участье въ возстаніи Гуни и донесли объ этомъ коменданту... Такъ, такъ... иначе и не можетъ быть! Развѣ посмѣлъ-бы, безъ такого тяжкаго обвиненія, арестовать его такъ дерзко Гродзицкій и бросить въ этотъ ужасный мѣшокъ? Быть можетъ не сегодня-завтра прійдется ему, Богдану, явиться на судъ, а затѣмъ достаться въ руки „кàта“ (палача)?—И передъ Богданомъ снова встала ужасная картина зловѣщаго сна, и у него пробѣжала по спинѣ непріятная дрожь...

— А что-то дѣлается тамъ, въ Субботовѣ?—и снова его мысли обратились къ беззащитной семьѣ. —Вѣрно паны уже и расправились со всѣми! Что церемониться съ бунтаремъ?! А товарищи, а людъ!?.. Эхъ, кабы воля! Быть можетъ, еще возможно-бъ было спасти что-нибудь!! А онъ здѣсь сидитъ, прикованный, безъ воли, безъ надежды... и кто знаетъ, не бросили-ль его сюда на всю жизнь?! Нѣтъ, нѣтъ!—поднялъ голову Богданъ:—довольно! Кто выдержитъ дольше такую муку?! Лучше ужъ сразу погибнуть, или прорваться на волю, на свѣтъ!—Лихорадочныя мысли закружились въ его головѣ:—нечего ждать правосудія и спасенія... онъ осужденъ... это очевидно... что-же томиться здѣсь?... Разбить эту дверь, выкрасться ночью... перерѣзать стражу... и перебраться вплавь на тотъ берегъ Днѣпра.. Богданъ рванулся съ мѣста, и снова упалъ на каменную ступень...—Да гдѣ-же моя сила козачья? Уже-ли и силу мою арестовали, какъ волю?—вскрикиваетъ онъ съ ужасомъ; но силы прежней ужъ нѣтъ... Пробуетъ козакъ встать и не можетъ: словно свинцомъ налиты его члены... голова даже какъ-будто не держится, а падаетъ все на грудь... или навалились на нее всею тяжестью думы?... Э, нѣтъ! Расправься козакъ, обопрись о камень ногой, понажми богатырскимъ плечомъ въ желѣзную дверь,—авось подастся, и черезъ нее ты уйдешь съ своею вольною волюшкой и понесешься по быстрымъ водамъ стараго дѣда-Днѣпра къ орлиному гнѣзду твоихъ удалыхъ и безстрашныхъ друзей.

Богданъ вскочилъ и почувствовалъ страшный приливъ силъ... и, о чудо! не устояла желѣзная дверь подъ его натискомъ, — погнулась и растворилась немного... только желѣзные болты пока еще удерживаютъ, но онъ ихъ вырветъ изъ каменныхъ гнѣздъ... Въ образовавшуюся въ дверяхъ щель врываются лучи радужнаго свѣта, они несутъ съ собой и ароматъ, и тепло, и какую-то трепещущую, юную радость... а тамъ, въ ореолѣ этого блеска стоитъ и свѣтится чудный образъ ея: она снова улыбается, протягиваетъ къ нему руки... Богданъ собираетъ всю силу, напрягаетъ ее—и болтъ, вылетѣвши, звенитъ.

Богданъ проснулся... Да, это было только видѣніе; но вотъ дѣйствительно таки звякнуло желѣзо, упалъ съ лязгомъ болтъ, отворилась тяжелая дверь, и на порогѣ явилась въ мутномъ свѣтѣ блѣднаго дня сутуловатая фигура съ ключами. Богданъ окликнулъ ее; но сторожъ не удостоилъ узника ни единымъ словомъ и, молча поставивъ на порогѣ кувшинъ съ водой и краюху чернаго хлѣба, заперъ желѣзную дверь. Нѣсколько мгновеній еще слышались его удаляющіеся шаги, а потомъ снова улеглось мертвое, давящее душу молчаніе... потянулась опять мучительная ночь, наступилъ снова день, подобный ночи, — однообразный, безразличный и безконечно-томительный... и начало исчезать даже время въ этой мрачной могилѣ.

Когда Ясинскій передалъ Гродзицкому, что Хмельницкій измѣнникъ, что онъ участвовалъ даже въ битвахъ повстанцевъ противъ правительства, то Гродзицкій страшно обрадовался возможности отомстить дерзкому козаку, осмѣлившемуся такъ выразиться надменно о Кодакѣ, его крѣпости; теперь онъ имѣлъ предлогъ схватить козака и потѣшить на немъ свою волю. Сгоряча онъ и распорядился кинуть Богдана въ самый худшій „мѣшокъ“, гдѣ узникъ, не смотря на свое атлетическое сложеніе, не могъ выдержать больше мѣсяца... Но, по мѣрѣ охлажденія горячности, подкрадывалась къ коменданту и робость, не оболгалъ-ли просто Богдана Ясинскій, такъ какъ послѣдній не давалъ ему въ руки никакихъ доказательствъ. А Хмельницкій былъ не простой козакъ, съ которымъ бы можно было безъ всякихъ основаній распорядиться: в коронный гетманъ, и канцлеръ, и самъ король его знали, да къ тому-же занималъ онъ и постъ войскового писаря, т. е. принадлежалъ къ старшинѣ генеральной. Ясинскій же упирался только на то, что слыхалъ объ измѣнѣ отъ плѣнныхъ князя Вишневецкаго; но плѣнные были всѣ казнены, а когда комендантъ заявилъ, что и у него въ подвалахъ сидитъ нѣсколько захваченныхъ бѣглецовъ изъ-подъ Старицы, то Ясинскій взялся допросить ихъ, и вотъ, не смотря на его усердіе, ни од-

ного не оказалось между ними доносчика: ни пытка, ни подкупъ, ни обѣщаніе свободы пока не дѣйствовали; это озлобляло еще больше Ясинскаго, а Гродзицкаго приводило въ смущеніе,—теперь вѣдь неудобно было и выпустить Хмельницкаго,—вѣдь съ нимъ не потягаешься потомъ на свободѣ, голова-то у него, чортъ бы ее взялъ, здоровая, да и фигура замѣтная... Ужъ онъ какъ оплететъ, такъ не выкрутишься! Досадовалъ на себя за свою опрометчивую поспѣшность Гродзицкій, а еще болѣе досадовалъ на Ясинскаго и ломалъ голову, какъ бы выпутаться изъ этого непріятнаго положенія. Ясинскій все еще не терялъ надежды, что добудетъ свидѣтеля, а въ крайнемъ случаѣ, совѣтовалъ допросить подобающимъ образомъ и Богдана, записать по собственному желанію его показанія и казнить.

— Что панъ мнѣ толкуетъ?—раздражался Гродзицкій.—Развѣ я имѣю право казнить писаря безъ утвержденія гетмана? А можетъ быть онъ не повѣритъ, да захочетъ самъ допросить подсудимаго, тогда наши всѣ „фигли“ и лопнутъ.

— Да я бы его просто задавилъ,—совѣтовалъ Ясинскій,—и вышвырнулъ бы трупъ черезъ люкъ прямо въ Днѣпръ. Пусть тамъ ищутъ: утонулъ, да и баста. Кто узнаетъ?

— Знаю,—мрачно отвѣтилъ Гродзицкій,—самъ бы распорядился, да панъ вѣрно забылъ про его джуру? Удралъ вѣдь и не догнали... А если удралъ, то сообщитъ всѣмъ, что я арестовалъ Хмельницкаго.

— Да, это оплошность.

— Дьяволъ привратникъ! Я ему залилъ уже сала за шкуру. Но и съ панской стороны тоже оплошность—голословно оговаривать и подводить меня.

— Я пану коменданту сказалъ правду,—выпрямился гордо Ясинскій,—а чѣмъ-же я виноватъ, если у этихъ дьяволовъ-схизматовъ ничѣмъ не вытянешь слова?

Время шло. Обстоятельства не измѣнялись, а еще ухудшались; уже другую недѣлю сидитъ въ ямѣ писарь, а ему не сообщаютъ ни причинъ его ареста, ни самого его не допрашиваютъ; это уже было явное нарушеніе правъ чиновнаго узника и превышеніе комендантской власти. Ясинскій перемучилъ много народа, а языка не добылъ и все лишь кормилъ обѣщаніями: нужно было на что-либо рѣшиться, допросить мастерски Богдана, а то и прикончить. Во всякомъ случаѣ Ясинскій правъ, что живымъ выпустить Богдана опасно, что на мертваго и свалить можно все, что угодно, и показанія всякія записать. А казненъ торопливо потому-де, что боя-

лись побѣга... или еще лучше—во время побѣга убитъ. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!

Отворилась, наконецъ, у Богдана въ подвалѣ желѣзная дверь: вошелъ въ нее сторожъ и объявилъ узнику, что его требуютъ въ сосѣднюю темницу къ коменданту на судъ.

— Слава Тебѣ, Господи!—перекрестился большимъ крестомъ узникъ и вышелъ въ полукруглый и полутемный корридоръ, показавшійся Богдану послѣ ямы и сухимъ, и теплымъ, и свѣтлымъ.

Наверху его ждали четыре тяжело вооруженныхъ латника; у двоихъ были факелы въ рукахъ. За сторожемъ двинулись факельщики, за ними узникъ, а два латника замыкали шествіе. Богдана ввели въ довольно просторный подвалъ, съ поломъ, выложеннымъ каменными плитами, и съ мрачными, тяжелыми сводами, опиравшимися на четыре грубыхъ колонны. За колоннами свѣшивались съ потолка толстые крючья и блоки; у колоннъ были прикрѣплены цѣпи; дальше подъ стѣной стоялъ какой-то станокъ съ колесомъ, на немъ висѣли двѣ плети, а подъ нимъ лежали грудами гвозди, клещи, молоты, пилы; въ углу у какого-то чернаго очага дымилась неуклюжая жаровня. При колеблющемся свѣтѣ факеловъ Богдану показалось, что и крючья, и цѣпи, и полъ были красны и пестрѣли въ иныхъ мѣстахъ засохшими темными лужами. Пахло кровью. Вслѣдствіе отвычки отъ свѣта, и мутное пламя факеловъ показалось Богдану черезчуръ рѣзкимъ, и онъ закрылъ отъ боли глаза; потомъ уже, освоившись со свѣтомъ, онъ замѣтилъ въ углу четыре зловѣщихъ фигуры, а за столомъ у противоположной стѣны сидящаго коменданта съ Ясинскимъ.

— Тебя, пане-писарь,—обратился къ подсудимому комендантъ дрожащимъ отъ втутренняго волненія голосомъ,—обвиняетъ панъ Ясинскій въ государственной измѣнѣ, что ты вмѣстѣ съ бунтовщиками сражался противъ коронныхъ войскъ. Что скажешь въ свое оправданіе?

Богданъ бросилъ на Ясинскаго презрительный взглядъ и отступилъ гордо на шагъ.

— Если въ этомъ дѣлѣ является доносчикомъ панъ Ясинскій, то онъ долженъ дать доказательства.

— И дамъ!—злобно вскрикнулъ, подпрыгнувъ на стулѣ Ясинскій.

— У меня они имѣются,—улыбнулся ехидно Гродзицкій.—А теперь я у писаря спрашиваю, можетъ-ли онъ доказать, гдѣ въ послѣднія двѣ недѣли бывалъ?

— Могу,—отвѣтилъ спокойно Богданъ.—Безотлучно находился въ канцеляріи коронаго гетмана въ Чигиринѣ и составлялъ реестровые списки, чему можетъ свидѣтелемъ быть весь городъ, а

за четыре дня до прибытія сюда выѣхалъ, по требованію ясновельможнаго пана гетмана, въ Кодакъ и два дня задержанъ былъ вьюгой въ степи, что извѣстно ясноосвѣщоному князю Іереміи Вишневецкому.

Гродзицкій взглянулъ на Ясинскаго и шепнулъ ему злобно:

— Дѣло совсѣмъ скверно; меня подвелъ панъ!

Ясинскій покраснѣлъ до ушей и отвѣтилъ громко:

— Онъ вретъ, „лайдакъ"! Ему вѣрить нельзя! А гдѣ находился раньше за мѣсяцъ?

Богданъ смѣрилъ его высокомѣрнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что-же молчишь?—обрадовался Гродзицкій замѣшательству подсудимаго.

— Доносчику отвѣчать я не стану,—промолвилъ, наконецъ, подсудимый, подавивъ поднявшуюся въ груди бурю.—А панской милости скажу, что раньше этого я два мѣсяца безотлучно находился при коронномъ гетманѣ, объѣзжалъ съ нимъ его брацлавскія помѣстья.

Этотъ отвѣтъ окончательно обезкуражилъ Гродзицкаго, и онъ, не скрывая своего смущенія, громко замѣтилъ:

— Значитъ, одно недоразумѣніе. Что-же это?

— Панъ забывается... при шельмѣ,—нагнулся къ нему и шепталъ на ухо Ясинскій.—Если у этого пса такіе свидѣтели, то выпускать его живымъ невозможно.

Комендантъ слушалъ шипѣніе, но ничего не могъ взвѣсить: страхъ уже держалъ его въ своихъ когтяхъ властно и толкалъ на всякое безуміе; бѣшенство овладѣвало разсудкомъ.

— Вѣдь эти прислужники вѣрны пану и сохранятъ тайну?—спросилъ тихо Ясинскій, указавъ глазами на палачей.

— Умрутъ, а не выдадутъ!—отвѣтилъ Гродзицкій почему-то убѣжденно.

— Такъ вышли панъ латниковъ, а мы здѣсь распорядимся по-семейному.

Когда удалились латники, то Ясинскій крикнулъ палачамъ:

— Приготовьте дыбы!

—А!— сверкнуло молніей въ головѣ у Богдана.—Неужели рѣшились покончить? Хотя бы продать себя подороже этимъ извергамъ?—оглянулся онъ и увидѣлъ, что два палача опускали блоки, а другіе два уже приблизились къ нему. Нѣсколько дальше, налѣво, лежалъ полупудовой молотъ. „Эхъ кабы его въ руки! Потѣшилъ бы хоть передъ смертью удаль козачью!"

— Неужели вельможный панъ,—попробовалъ Богданъ выиграть время, незамѣтно подвигаясь къ молоту,—рѣшится на такое насиліе? Вѣдь коронный гетманъ отомститъ,—я ему нуженъ, и панъ напрасно рискуетъ собой черезъ этого „цуцыка!“

Словно ужаленный вскочилъ Ясинскій и бросился, замахнувшись рукой, на Хмельницкаго; но тотъ однимъ движеніемъ руки такъ отшвырнулъ его, что панъ отлетѣлъ къ столу, какъ бревно, опрокинулъ табуретъ и упалъ навзничъ, ударившись головою о стѣну.

— Связать пса!—крикнулъ, обнаживъ саблю, комендантъ,—и на дыбу!

Богданъ бросился къ молоту; но четыре палача не допустили: два повисли на рукахъ, одинъ на шеѣ, а одинъ охватилъ ноги. Покачнулся Богданъ, но устоялъ, не упалъ.

— Эхъ, подвело только голодомъ,—вскрикнулъ онъ,—да авось Богъ не выдастъ!—встряхнулъ Богданъ руками, и оба палача полетѣли кувыркомъ; державшійся за ноги самъ отскочилъ, боясь удара въ темя, одинъ только повисшій сзади давилъ за шею.

— Пусти, дьяволъ!—ударилъ его въ високъ Богданъ кулакомъ, и тотъ покатился снопомъ замертво.

— Бейте чѣмъ попало!—махнулъ саблей Гродзицкій.

Богданъ бросился къ молоту и нагнулся схватить его, но ему кинулись снова на спину три палача; онъ выпрямился, отбросилъ борцовъ, но изъ скрытой двери подскочили новыя силы...

Вдругъ растворилась неожиданно желѣзная дверь и на порогѣ шумно появился Богунъ, держа въ рукахъ „листъ“, на которомъ висѣла большая гетманская печать.

Черезъ часъ смущенный и сконфуженный комендантъ Кодака панъ Гродзицкій провожалъ Богдана, съ товарищами его—Богуномъ и Ганджою. Богданъ, держа своего Бѣлаша подъ уздцы, шелъ рядомъ съ Гродзицкимъ, а товарищи шли въ нѣкоторомъ разстояніи позади. Комендантъ упрашивалъ радушно, даже подобострастно своего узника „подвечерять“ въ его скромной свѣтлицѣ, чѣмъ Богъ послалъ, не лишать его этой чести.

— Прости, пане-писарь, за невольно причиненную непріятность. Самъ знаешь,—дѣло военное. Крѣпостной уставъ очень суровъ,—оправдывался Гродзицкій.—Если мнѣ доносятъ о государственной измѣнѣ, я обязанъ былъ задержать: долгъ службы, не взирая ни на лицо, ни на званіе... Вельможный панъ это самъ хорошо знаетъ.

— Но для чего-же пану нужно было меня посадить не въ тюрму, а въ мѣшокъ?—ожегъ его взглядомъ Богданъ.

— Не было другого помѣщенія,—смѣшался Гродзицкій.

— Его бы швырнуть!—буркнулъ Ганджа.

— Рука чешется!—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Богунъ.

Слова Богуна долетѣли до пана Гродзицкаго и заставили его испуганно оглянуться.

— Если и такъ,—не глядя на коменданта, промолвилъ Богданъ,—то почему же меня держали тамъ десять дней, не предъявляя ни обвиненій, ни причинъ моего ареста?

— Я ждалъ отъ этого негодяя Ясинскаго доказательствъ; онъ меня все водилъ, —неестественно жестикулировалъ комендантъ,— панъ писарь можетъ свою обиду и убытки искать на этомъ клеветникѣ... Я самъ помогу пану, слово гонору!

— Спасибо,—улыбнулся злобно Богданъ,—я уже видѣлъ панскую помощь: любопытно бы знать, по какому поводу панъ приказалъ палачамъ своимъ меня вздернуть на дыбу, когда я доказалъ свое „alibi"?

— А!— гикнулъ Ганджа и выхватилъ до половины изъ ноженъ свою саблю.

— Что ты? Очумѣлъ?—удержалъ его Богунъ.

Комендантъ, услышавъ за спиною угрозу, быстрымъ движеніемъ выскочилъ впередъ, оглянулся и потомъ, нѣсколько успокоившись, примкнулъ къ Богдану и началъ передъ нимъ шепотомъ извиняться:

— Прости, пане-писарь, за вспышку: ты самъ ее вызвалъ, угостивъ кулакомъ Ясинскаго такъ, что тотъ отлетѣлъ кубаремъ на двѣ сажени. Славный ударъ,—сталъ даже восхищаться Гродзицкій,—разрази меня громъ, коли я пожелалъ бы такого испробовать! Теперь-то и я радъ, что этотъ облыжный нападчикъ разбилъ себѣ въ кровь голову, а тогда я заблуждался, вспылилъ... errare humanum est!

Богданъ смолчалъ, презрительно прижмуривъ глаза. Они уже были у брамы.

— Такъ панъ-писарь рѣшительно отвергаетъ мое хлѣбосольство?—еще разъ попробовалъ грустнымъ голосомъ тронуть Богдана Гродзицкій —Это не по-товарищески... Что-жъ? Мало-ли что? А рука руку... когда нибудь и я отблагодарю.

— Спасибо, вельможный пане-товарищъ,—язвительно отвѣтилъ Хмельницкій,—за хлѣбъ и за соль... Я на нихъ и отвыкъ то, признаться, отъ панскихъ потравъ, да и ѣсть отучился... А обиды свои я самъ въ себѣ прячу, а другимъ ихъ, пане, не поручаю.

— По-рыцарски, шанованный пане, по рыцарски! — протянулъ было руку Гродзицкій, но Богданъ, яко бы не замѣтивъ ее, снялъ только усиленно-вѣжливо шапку и, промолвивъ: „до счастливаго свиданія!“ — вскочилъ на коня и быстро въѣхалъ на опущенный мостъ.

Товарищи проѣхали по мосту раньше. Богданъ нагналъ ихъ, спустившись уже съ горы, и, придержавъ лошадь, поѣхалъ съ Богуномъ рядомъ.

— Скажи мнѣ, голубь сизый,—обратился онъ къ нему съ радостнымъ чувствомъ,—какимъ образомъ спасеніе явилось? Меня это такъ поразило, что ничего и въ толкъ не возьму... Знаю только одно, что еслибъ ты опоздалъ хоть на крохотку, то я бы висѣлъ ужъ на дыбѣ, а можетъ лежалъ бы истерзаннымъ на полу.

— Изверги! Душегубцы!—вскрикнулъ Богунъ —Ну, счастье ихъ!—потрясъ онъ по направленію къ крѣпости кулакомъ.—Господь отвелъ! А ужъ я было поклялся въ душѣ искрошить этихъ двухъ жироѣдовъ, если волосъ одинъ...

— Спасибо, спасибо вамъ, други,—протянулъ Богданъ своимъ друзьямъ руки,—но все же, какъ тебѣ поручилъ наказъ гетманъ и какъ онъ сжалился, какъ спасъ меня?

— Спасъ тебя, пане Богдане, не гетманъ, а ангелъ,—это его чудо: только такое святое, горячее сердце могло смутить гордыню пановъ и разогрѣть имъ состраданіемъ души... только она, прекрасная и великая...

— Да кто-же, кто?

— Ганна Золотаренкова.

— Она? Галя? Чудная это душа и золотое сердце—сказалъ Богданъ съ глубокимъ чувствомъ.—Но какъ, какимъ образомъ?

— Какъ? Сама полетѣла ночью въ Чигиринъ на пиръ къ Конецпольскому и вырвала у него эту защиту.

И Богунъ въ пламенныхъ и сильныхъ словахъ описалъ подробно славный подвигъ отважной и свято-преданной дѣвушки.

— Да, это десница Божія надо мной и надъ бѣдною семьей моей,—поправилъ быстро Богданъ запорошившуюся рѣсницу и набожно поднялъ къ небу глаза.—Но кто-же ей сообщилъ о моей бѣдѣ?—прервалъ, наконецъ, минуту безмолвной молитвы Богданъ.

— А вотъ кто!—показалъ на Ахметку Богунъ; хлопецъ стоялъ за угломъ съ козаками и не былъ прежде видѣнъ, а теперь очутился лицомъ къ лицу.

— Ахметка!—вскрикнулъ Богданъ,—а я и забылъ про него... такъ память отшибло... только узналъ отъ дьяволовъ, что ушелъ... Сыне мой любый,—раскрылъ онъ ему широко объятія, и Ахметка

съ крикомъ „батько мой!“ бросился къ Богдану на грудь и осыпалъ его поцѣлуями.

— Ахметка дождался батька!—смѣялся и плакалъ въ изступленной радости хлопецъ.—Ахметка никому не дастъ батька! Пусть Ахметку разрѣжутъ на шашлыки, пусть его кони изобьютъ, изорвутъ копытами, а Ахметка батька не броситъ... Ай! батько мой!— то отрывался, то снова припадалъ хлопецъ и цѣловалъ Богдану и шею, и грудь, и колѣни.

— Да, тоже соколъ,—кивнулъ головою Богунъ,—а сердце у хлопца такое, что чортъ его знаетъ, да и только... и удали, что у запорожца! Славный юнакъ, и еще лучшимъ лыцаремъ будешь!—ударилъ по плечу хлопца Богунъ и обнялъ по братски.—Хочешь со мной побрататься?

— Да развѣ я дурень, чтобъ не хотѣлъ?—смѣялся гордый и счастливый хлопецъ.

— Такъ и побратаемся, Ей-Богу, побратаемся,—и кровью помѣняемся, и крестами!

— А что панове,—прервалъ Ганджа,—сразу-ли двинемся въ путь, или подночуемъ у Лейбы?

— Лучше, друзья, подночуемъ,—отозвался Богданъ,—а то я въ той чортовой ямѣ десять дней не ѣлъ и не спалъ. Сначала утѣшала хоть „люлька“, а ужъ когда и „тютюнъ“ вышелъ, такъ я порѣшилъ пропадать, да и баста!

— Развѣ у меня въ черепкѣ этомъ,—ударилъ себя по шапкѣ Ганджа,—гниль заведется, чтобъ я имъ, собакамъ, не вспомнилъ!

— Да и у меня самого, братъ, надежная память,—улыбнулся Хмельницкій.—А что, Ахметка, може передали мнѣ изъ дому что-либо изъ одежи?

— Цѣлую связку, вотъ за сѣдломъ,—отвѣтилъ весело хлопецъ.

— Чудесно,—потеръ руки Богданъ,—тащи это все за мною къ Днѣпру; выкупаюсь и къ Лейбѣ, а вы распорядитесь тамъ, панове, вечерей.

— Ладно,—отвѣтилъ Богунъ,—только не поздно-ли, батько, затѣялъ купанье? Вѣдь смотри—сало идетъ.

— Пустое!—засмѣялся Богданъ,—вмѣсто мыла будетъ!

Передавъ козацкихъ коней, Богданъ съ Ахметкой спустились съ обрывистой кручи къ Днѣпру. Старый дѣдъ бурлилъ у береговъ водоворотами; рыхлыя, мелкія льдинки, точно потемнѣвшій снѣгъ, прыгали, мчались и кружились на далекомъ пространствѣ, производя какой-то особенный шорохъ. Наступали сумерки; заря догорала; легкая дымка облаковъ свѣтилась блѣдно-розовою чешуей, переходя въ нѣжные, лиловые тоны; на противоположной части неба

изъ-за черепичныхъ крышъ и пригорка подымалась пожарнымъ заревомъ мѣдно-красная, надутая и какъ-будто приплюснутая луна.

Богданъ быстро раздѣлся и ринулся стремительно въ воду; съ шумомъ и брызгами разлетѣлась грязно-бѣлаго цвѣта масса воды и скрыла подъ собой богатырское тѣло козачье. Черезъ минуту Богданъ вынырнулъ и, фыркая, да отбрасывая движеніемъ головы нависавшую на глаза чуприну, покрикивалъ весело:—А! Славно! Добрая вода! Горячая, не то что! А ты, сынокъ, не попробуешь ли? — подзадоривалъ онъ Ахметку. — Дида не бойся: онъ силы придастъ!

— Ахметка секунду простоялъ въ нерѣшительности; по спинѣ у него пробѣжала дрожь; но онъ бы скорѣй размозжилъ себѣ голову, чѣмъ далъ бы поводъ назвать себя трусомъ, да еще и кому—батьку! Моментально, съ ожесточеніемъ даже сорвалъ съ себя хлопецъ одежду и, зажмуря глаза, бросился въ воду; рѣзкій холодъ ея просто ожогъ ему тѣло и захватилъ сразу дыханіе. Вынырнувши, онъ только судорожно заметался и отрывисто сталъ покрикивать: „у-ухъ! ой-ой!“.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ.—Припекло, небось, съ непривычки „жигаломъ“ (раскаленнымъ желѣзомъ). А ты не держись на одномъ мѣстѣ, а вотъ попробуй противъ воды поплыть, поборись-ка съ Дидомъ—мигомъ согрѣешься! — и Богданъ мѣрными, широкими, могучими взмахами началъ рѣзать набѣгавшія волны и, извиваясь тѣломъ, подвигаться впередъ.

Ахметка же, не смотря на всѣ свои усилія, оставался все на одномъ и томъ же мѣстѣ и не могъ преодолѣть быстроты теченія.

Нѣтъ, еще не справишься съ Дидомъ,—смѣялся Богданъ,—и то гораздъ, что на мѣстѣ держишься. Ей-Богу, молодецъ! Ну, однако, на первый разъ „годи“, — вылазь!

Выскочили на берегъ купальщики и почувствовали живительную теплоту въ воздухѣ, не смотря на легкій морозецъ; тѣла ихъ, какъ яркій кумачъ, горѣли и дымились паромъ. Богданъ, надѣвши все совершенно чистое, новое и облекшись, въ коротенькій любимый его „байбарачекъ“ на лисьемъ мѣху, закурилъ съ наслажденіемъ „люльку“ и быстрыми, бодрыми шагами двинулся съ Ахметкой подъ гору, по направленію къ корчмѣ Лейбы, что стояла на самомъ концѣ поселка, на полугорѣ надъ Днѣпромъ.

А въ корчмѣ уже за широкимъ столомъ сидѣли козаки и ждали Богдана. На столѣ стояли фляжки и „кухли“, лежало два большихъ ржаныхъ хлѣба, нѣсколько паляницъ, вяленый верезубъ, чабанъ и куски сала, а на огромной сковородѣ шкварчали на мягкой, сочной

капустѣ цѣлыя кольца колбасъ; мудрый жидокъ Лейба, хотя и морщилъ носъ отъ вкуснаго запаха, но держалъ у себя для пышныхъ гостей все трефное.

— Горилки!—сказалъ, войдя въ хату, Богданъ.

— Да, оно теперь послѣ купанья важно!—налилъ Ганджа почтенныхъ размѣровъ „кухоль“ и поднесъ Богдану; остальные тоже себѣ налили, а Богунъ—и своему нареченному побратиму Ахметкѣ.

— Намъ на здоровье, а ворогамъ на погибель!—крикнулъ Богунъ и, опорожнивъ „кухоль“, выплеснулъ на потолокъ оставшіяся капли.

Богданъ молча опрокинулъ еще „кухоль“ водки и молча же усѣлся за столъ и началъ съ необычайнымъ аппетитомъ истреблять все поставленное. Остальные козаки тоже не отставали отъ батька. Окончивши вечерю и выпивши еще „кухля“ два пива, Богданъ послалъ на лавѣ „керею“ и, попросивъ лишь разбудить себя пораньше, сразу отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ, да съ такимъ богатырскимъ храпомъ, что въ сосѣдней комнатѣ вздрагивала жидовка со страху, а жиденята метались въ бебехахъ и вскакивали съ перинъ.

Козаки разошлись всѣ по разнымъ мѣстамъ на ночлегъ и въ корчмѣ еще остались только Богунъ да Ахметка; послѣдній тоже моментально заснулъ у печки. Одинъ лишь Богунъ ворочался на лавѣ и не спалъ. Нѣсколько разъ перевернулся безпокойно козакъ: нѣтъ сна, а думки все не унимаются!—Да что это со мною, ужъ не наворожилъ-ли кто?—проговорилъ онъ самъ къ себѣ и, присѣвши на лавѣ, задумался. Луна, поднявшись высоко, теперь задумчиво смотрѣла съ неба на землю и мягкимъ фосфорическимъ свѣтомъ обливала окрестность. Внизу, обрызганный зеленоватыми блестками, сверкалъ чешуей Днѣпръ и мрачно катилъ въ серебряную мглу свои холодныя воды.

Богунъ смотрѣлъ на эту широкую фантастическую картину и не видѣлъ ее: думы его летѣли далеко отсюда, къ берегамъ болотистой, извилистой рѣчки, къ роскошному тѣнистому саду, къ уютной свѣтлицѣ. Правда, любилъ онъ бывать въ Субботовѣ и бывалъ уже тамъ издавна. Послѣ суровой сѣчевой жизни такъ пріятно было отдохнуть у батька Богдана въ этомъ уютномъ, родномъ уголкѣ. Много козаковъ собиралось тамъ, потолковать, посовѣтоваться, осушить кубокъ, два. И всѣмъ у хозяина находилось и ласковое слово, и привѣтъ, а хозяйка ужъ не знала, чѣмъ-бы еще угостить дорогихъ гостей; но съ нѣкоторыхъ поръ этотъ уголокъ сталъ ему еще дороже, а съ какихъ, когда и почему,—козакъ не зналъ, да и не думалъ о томъ. Зналъ онъ только одно, что года

четыре тому назадъ поселилась у Богдана сестра значного лейстровика Золоторенка; сперва онъ вовсе не зналъ ее, а потомъ обратилъ вниманіе на блѣдную дѣвушку, которая молча, съ затаеннымъ восторгомъ слушала ихъ козацкіе разсказы и думы кобзарей. Она была молчалива, скромна, не „жартувала", какъ другія дивчата, и, казалось, не замѣчала никого. Случай какъ-то привелъ его разговориться съ нею, и Богунъ поразился той силой страстной, горячей любви къ родинѣ, которая таилась въ этомъ, повидимому, тихомъ существѣ. Съ тѣхъ поръ козакъ сталъ постоянно заговаривать съ Ганной, разсказывалъ ей самъ о своихъ морскихъ походахъ и „пригодахъ войсковыхъ", и все это жадно впивала въ себя дивчина, а Субботовъ становился все дороже и дороже козаку... Ни вольная воля, ни удалые, славные набѣги, ни товарищеская, широкая жизнь не захватывали уже такъ, какъ прежде, всей его души. Часто Богуну казалось, что ему не хватаетъ чего-то въ жизни, и „туга" начинала прокрадываться не разъ въ сердце козака... Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы заѣхать въ Субботовъ; здѣсь у Богдана было все то, чего не было отъ роду у Богуна: теплый родной уголъ, любящая семья... Правда, со времени этого возстанія, давно онъ не былъ въ Субботовѣ, да и не имѣлъ времени много думать о немъ,—такіе были мѣсяцы, что выбили всѣ думки изъ головы,—но послѣдній геройскій поступокъ Ганны переполнилъ какимъ-то небывалымъ восторгомъ все сердце козака-славуты: да, много видалъ онъ дивчатъ на своемъ вѣку, а такой не видалъ: сестра козацкая, королевна!

Вотъ онъ видитъ ее освѣщенной огнемъ камелька, ласкающей головку заснувшаго хлопца... Да, такая должна быть мать! Въ сердцѣ козака дрогнула какая-то нѣжная струна. Хорошо имѣть кого-нибудь на свѣтѣ, къ кому можно было-бы склонить такъ довѣрчиво и нѣжно усталую голову, къ кому можно было-бы прижаться такъ горячо, какъ къ матери родной! Хорошо было-бы знать, что тамъ гдѣ-то далеко, за широкими степями, тоскуетъ по тебѣ, думками за тобою летаетъ, молится о тебѣ родная душа! Ишь чего, ласки „заманулося" безродному козаку!—горько улыбнулся Богунъ и, присѣвши на лавѣ, приложился лицомъ къ холодному стеклу... Мѣсяцъ стоялъ уже въ самомъ зенитѣ и освѣщалъ широкую безграничную даль, перерѣзанную могучей рѣкой. Богунъ невольно засмотрѣлся на величественную картину.—Эхъ и чего тебѣ еще, козаче, „бракуетъ?"—вырвался у него глубокій вздохъ: степь широкая, Днѣпръ могучій, воля вольная, есть еще и сила,—и помѣряемся съ ляхомъ! А тутъ вотъ сосетъ что-то за сердце да и сосетъ!—Богунъ безпокойно взъерошилъ свою черную, вьющуюся чуп-

рину.—Вотъ бросили, напримѣръ, дьяволы Богдана въ тюрьму, и полетѣла она къ самому гетману, страхъ, сиущеніе забыла, и выхлопотала спасенье! И не то, что къ гетману, на край свѣта-бъ полетѣла, всѣ муки-бы приняла... А за нимъ некому и вздохнуть!... Хоть сейчасъ посади его на колъ Потоцкій, никто-бъ и не заплакалъ, развѣ только товарищи помянули-бъ добрымъ словомъ за кружкой вина. А она? Ганна?... И передъ Богуномъ встала снова Ганна, такая, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: гордая, отважная, какъ королевна, съ лицомъ блѣднымъ, съ сверкающими темными глазами, съ гетманскимъ приказомъ въ рукахъ.—Соколъ—не дивчина!—вырвался въ его душѣ горячій возгласъ: сестра козацкая, королевна! Вотъ съ такой можно и въ сѣчу рядомъ идти, да и голову за нее съ улыбкой сложить!—И всю ночь казалось ему, что среди дальней серебристой мглы встаетъ дивный образъ, съ огненнымъ сердцемъ и хрустальной душой и властно влечетъ къ себѣ его душу.

Только передъ утромъ забылся онъ тяжелымъ сномъ, и приснилось ему, что лежитъ онъ на берегу синяго моря, на желтомъ пескѣ, съ прострѣленной головой; изъ головы кровь бѣжитъ, а чьи-то нѣжныя руки держатъ ее на своихъ колѣняхъ и ласково, и нѣжно колышутъ. Онъ видитъ надъ собой темные, печальные глаза и слышитъ—знакомый голосъ поетъ ему тихую, колыбельную пѣснь, кровь вытекаетъ капля по каплѣ изъ раны его, но онъ не хочетъ пошевельнуться... онъ узналъ этотъ голосъ, и отъ звуковъ его такъ тепло и сладко становится въ его душѣ, а жизнь уплываетъ тихо и спокойно съ каждой каплей крови...

Рано утромъ встали козаки, начали убирать коней, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбудили пана писаря и Богуна.

— Слушай, друже мой любый,—подсѣлъ къ нему Богданъ:—мнѣ вотъ нужно скорѣй къ Конецпольскому, объяснить ему правильно свое дѣло, а то вѣдь и этотъ врагъ лютый поторопится съ своей стороны понаплесть,—спать не будетъ, свою шкуру станетъ спасать... да и кромѣ того, самому гетману лично я нуженъ, такъ стало быть по всему мнѣ нужно спѣшить въ Чигиринъ... А между тѣмъ нужно настоятельно и немедленно извѣстить запорожцевъ, что имъ угрожаетъ бѣда: Вишневецкій хотѣлъ было сразу пойти и разгромить Запорожье, да Конецпольскій удержалъ его до весны.

— Ишь, ироды,—закипятился Богунъ,—что задумали! Вырвать у насъ сердце изъ груди? Ну, добро! Пусть они придутъ въ гости къ матери-Сичи и къ батьку-Лугу, ужъ такъ угостимъ, что и опохмѣляться не будетъ охоты!

— Вотъ для того-то, друже, и нужно извѣстить братчиковъ, чтобы приготовили непрошеннымъ гостямъ угощеніе, а то нападутъ

врасплохъ... да вотъ не знаю, кого бы надежнаго послать туда, чтобы не только одну голую вѣсть передалъ, а и поруководилъ „радою“ и насъ извѣстилъ о ихъ рѣшеніи. Хочу попросить Ганджу,—теперь вотъ Богъ меня домой донесетъ,—я и самъ тамъ управлюсь,—только вотъ одного его мало: нужно и на Конскихъ-Водахъ побывать, и на Базавлукѣ, и на Чортомлыкѣ, и на Великихъ-Плавняхъ—вонъ оно что!

— Такъ что-же, тутъ, батьку, и думать?—даже изумился Богунъ,—я съ Ганджой поѣду и все дѣло тамъ оборудую: приготовимъ ужъ встрѣчу!—звякнулъ онъ эфесомъ сабли въ ножны.

— И впрямь, коли ты, соколъ, поѣдешь, такъ лучшаго посланца и не нужно,—обнялъ Богуна Хмельницкій,—у меня просто камень свалился съ груди.

— А что-жъ? Такъ-бы и допустили ихъ къ Запорожью? Не бойсь, Богдане, еще не одинъ дьяволъ поламаетъ о него зубы, пока осилитъ! Ну, да мѣшкать нечего! Я вотъ сейчасъ распоряжусь лошадьми, да и гайда въ путь!

Богунъ вышелъ поспѣшно изъ хаты, чтобы разыскать Ганджу и другихъ козаковъ. Онъ давалъ торопливо распоряженія, осматривалъ лошадей; но черезъ нѣсколько времени горячее возбужденіе, охватившее его при словахъ Богдана, начало ослабѣвать, и мѣсто его заняло какое-то грустное раздумье: и такъ снова въ Сичь, все дальше и дальше отъ Чигирина, да и не думай теперь скоро вернуться туда: всюду насадилъ своихъ „шпиговъ“ Потоцкій... Э, да что это я!—даже вспыхнулъ Богунъ:—что мнѣ Субботовъ, что Чигиринъ, когда разбито все козачество, когда тысячи казней творятся теперь по всей Украинѣ, когда задумываютъ разгромить все Запорожье и стереть все козачество съ лица земли. Нѣтъ, пока не освободится отъ изверговъ земля родная и вѣра, пусть проклятъ будетъ тотъ, кто допуститъ въ свое сердце, хоть одну другую мысль!—сжалъ козакъ свои черныя брови и направился рѣшительнымъ шагомъ къ корчмѣ.

— Готово, брате!—объявилъ онъ, входя въ свѣтлицу.

— Ну, вотъ и „гараздъ“, отвѣтилъ Богданъ:—сядь-же, выпьемъ на дорогу, да и разъѣдемся каждый по своимъ дѣламъ.

Пришелъ Ганджа. Богданъ объявилъ ему о новомъ порученіи, и козаки, выпивъ на дорогу по кухлю чернаго пива съ чернымъ-же хлѣбомъ, поджареннымъ въ салѣ, стали собираться въ путь.

— Ну, что-же отъ тебя „переказать“ тамъ дома, друже?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они уже вышли изъ корчмы и готовились вскочить на осѣдланныхъ коней.

— Что-жъ, передай всѣмъ поклонъ, да скажи товарищамъ, чтобъ торопились на Сичь, да и Ганнѣ тоже поклонъ передай.

— А славная она у насъ, брате!—положилъ ему Богданъ руку на плечо.

— Что и говорить!—тряхнулъ головою козакъ:— нѣтъ на всемъ свѣтѣ такой!—Козаки обнялись, попрощались, лихо вскочили на коней и, пожелавъ другъ другу добраго пути, разъѣхались въ разныя стороны.

VIII.

Туманное осеннее утро. Сквозь огромное венеціанское окно въ кабинетѣ коронаго гетмана, застекленное разноцвѣтною мозаикой, пробивается холодный, блѣдно-радужный свѣтъ; онъ скользитъ по стѣнамъ, обитымъ темнокраснымъ сафьяномъ, блещетъ на серебряныхъ украшеніяхъ и золотыхъ бездѣлушкахъ, лучится въ хрустальныхъ флаконахъ и теряется въ пушистыхъ турецкихъ коврахъ. Тяжелая драпировка темно-зеленаго штофа, подхваченная у самаго верха гербами, падаетъ по сторонамъ окна до самаго пола, на которомъ, во всю ширину и длину, лежитъ пестрый персидскій коверъ. Высокій въ готическихъ сводахъ потолокъ расписанъ мастерски арабесками, среди которыхъ пляшутъ въ соблазнительныхъ позахъ нимфы. На одной стѣнѣ подъ портретомъ короля Владислава IV висятъ двѣ дорогихъ гравюры лейпцигской работы, изображающія: одна—битву подъ Хотиномъ, другая—люблинскую унію. Противоположная стѣна отъ верху до низу увѣшена драгоцѣннымъ оружіемъ разнаго рода. Изъ угла, ближайшаго къ двери, выдвигается далеко впередъ высокій изразцовый, съ фигурными „дашками“ каминъ. На огромномъ широко-открытомъ очагѣ его еще тлѣютъ червоннымъ золотомъ угли. По обѣимъ сторонамъ входной двери стоятъ огромные, вычурно-инкрустированные шкафы краснаго дерева. Вдоль стѣнъ тянутся низкіе турецкіе диваны, обитые зеленымъ штофомъ „адамашкомъ“; по нимъ разбросаны расшитыя золотомъ и шелками подушки. Кромѣ двухъ громоздкихъ креселъ, въ комнатѣ стоитъ еще тамъ и сямъ нѣсколько низкихъ табуретовъ, отдѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ. Но чудо всей обстановки составляетъ стоящій посреди комнаты гигантскій письменный столъ. Онъ вырѣзанъ и выточенъ изъ чернаго, моченаго дуба. Четыре льва поддерживаютъ массивную верхнюю доску съ безчисленнымъ количествомъ ящиковъ и потайныхъ закоулковъ. На ней съ двухъ сторонъ возвышаются какія-то башни, поддерживаемыя каріатидами; между ними тянутся, въ видѣ пере-

кидныхъ мостовъ, полки для книгъ; самая доска обита ярко-краснымъ сафьяномъ; борты ограждены серебряной баллюстрадой, а всѣ ящики и верхушки башенъ изукрашены различными серебряными фигурками.

Въ огромномъ креслѣ, съ высокою спинкой и массивными ручками, обитомъ по темнозеленому сафьяну серебряными гвоздями, сидѣлъ въ мѣховомъ шлафрокѣ гетманъ Конецпольскій. Утромъ, до полнаго туалета, лицо его выглядѣло изношеннымъ, старческимъ; оно все было покрыто сѣтью мелкихъ, разбѣгающихся морщинъ и отливало сухой желтизной; слезящіеся глаза глядѣли устало и вяло; вся дородная фигура его мосци какъ-то сгибалась, осунувшись. Передъ нимъ въ подобострастной позѣ стоялъ знакомый намъ панъ Чаплинскій и съ трепетомъ ожидалъ слова отъ ясновельможнаго гетмана. А гетманъ все пересматривалъ какіе-то бумаги и планы, лежавшіе передъ нимъ грудами на столѣ, и молча прихлебывалъ изъ золотого ковша грѣтое на какихъ-то кореньяхъ вино. Иногда онъ бросалъ бумаги и теръ себѣ съ досадою лобъ, иногда, облокотившись на руку, глубоко задумывался и потомъ снова начиналъ рыться въ бумагахъ, но все молчалъ.

Чаплинскій съ тревогою въ сердцѣ слѣдилъ за переходами выраженій на ясновельможномъ лицѣ и переминался безшумно съ ноги на ногу. Его приземистая, нѣсколько ожирѣвшая фигура, очевидно, нуждалась въ опорѣ. Несмотря на туго стянутый широкимъ шалевымъ поясомъ станъ, животъ у пана уже солидно округлялся и постояно нарушалъ равновѣсіе, отчего сцѣпленные вверху „вилёты“ щегольского кунтуша качались сзади, словно маятникъ. Бѣлобрысое, скуластое лицо пана, съ раздвоеннымъ носомъ и грязно-голубаго цвѣта глазами, производило непріятное впечатлѣніе, хотя и не могло быть отнесено къ некрасивымъ; особенно отталкивали отъ него выпуклые, линялые глаза, носившіе выраженіе презрительнаго нахальства. Голова пана Чаплинскаго, сдавленная спереди и сильно развитая въ затылкѣ, привыкшая наклоняться назадъ, теперь была сильно выдвинута впередъ и съ вытянутымъ раздвоеннымъ носомъ изображала лягавую собаку на стойкѣ. Съ непривычки такой постъ казался Чаплинскому очень тяжелымъ и оскорблялъ его литовскую гордость. Тамъ, среди родныхъ лѣсныхъ дебрей и зеленыхъ прозрачныхъ лѣсовъ, онъ привыкъ держать себя никому неподсуднымъ царькомъ, все преклонялось и падало передъ нимъ; задавленный издавна рабочій людъ гнулъ спину и безропотно трудился на пана, какъ „быдло“. Ни передъ кѣмъ не приходилось пану Чаплинскому стоять, даже передъ Богомъ въ костелѣ онъ сидѣлъ на удобномъ диванѣ... а здѣсь вотъ стой, какъ лакей. Но что дѣлать? Нужно

перетерпѣтъ пока. Тамъ, въ родной Литвѣ и скучно, и бѣдно, а здѣсь вонъ какія богатства кругомъ, какъ весело прожигается жизнь! И неистощимы онѣ, эти богатства, всякому шляхтичу доступны,—приди, бери и владѣй, а владыкою-то надъ ними, расточителемъ благъ—панъ гетманъ коронный, такъ стоитъ и перетерпѣть, чтобы пить полной чашей радости жизни. И Чаплинскій стоитъ, переминаясь съ ноги на ногу, и робко ждетъ рѣшенія своей участи.

— Да, да—заговорилъ, наконецъ, Конецпольскій, словно жуя что-то и присмакивая губами,—панскій проэктъ увеличенія доходности имѣній черезчуръ,—какъ бы сказать?—смѣлъ и рискованъ, да и кромѣ риска, долженъ сознаться, не совсѣмъ мнѣ симпатиченъ, потому что... именно, идетъ совершенно въ разрѣзъ моимъ планамъ, моей, такъ сказать, политикѣ, которую я хочу провесть.

Чаплинскій поблѣднѣлъ, не понимая, въ чемъ онъ сдѣлалъ такой промахъ? Вѣдь онъ, кажется, краснорѣчиво и ясно доказалъ на бумагѣ, что можно почти удесятерить въ каждомъ гетманскомъ помѣстьѣ доходы.

— Панскія цифры,—какъ бы угадывая мысли Чаплинскаго, продолжалъ Конецпольскій,—льстятъ человѣческой алчности, но и въ этомъ отношеніи онѣ ошибочны: увеличеніе доходовъ должно опираться, да... опираться, пане, не на отягченіи труда поселянъ... не на отягченіи... да, не на ограбленіи, такъ сказать, его, а на привлеченіи новыхъ рабочихъ силъ, на превращеніи пустынныхъ пространствъ въ плодородныя нивы,—отхлебнулъ гетманъ глотокъ вина и закурилъ трубку.

— Это само собою, ясновельможный пане гетмане,—пробовалъ пояснить свой взглядъ Чаплинскій,—но здѣшніе хлопы такъ разбалованы, что почти не хотятъ знать никакого чинша, платы за владѣніе землей... для нашихъ рабочихъ въ Литвѣ и эти, намѣченныя мною повинности показались-бы просто благодѣтельною льготой.

— Жалѣю о панской Литвѣ,—улыбнулся, выпуская струйку благовоннаго дыма гетманъ.—Я бы не захотѣлъ тамъ быть не только на мѣстѣ рабочаго, но даже и на мѣстѣ пана. Рабство никогда не возвеличивало державъ, а служило всегда для нихъ гибелью, если панъ знакомъ хоть немного съ исторіей... Н-да, возростаніе богатствъ при рабствѣ фальшиво... да, именно фальшиво... На тысячу нищихъ одинъ богатѣетъ. А я говорю, пане, что если бы эта тысяча тоже по-людски жила, то и этотъ одинъ былъ бы богаче, а главное, замѣтьте, пане, имѣлъ бы тысячу защитниковъ, а не тысячу враговъ... да, именно враговъ. Это мое крайнее, такъ сказать, мнѣніе. Если, къ несчастію, не всѣ его раздѣляютъ, то могу сокрушаться... да, сокрушаться и предвидѣть горе; но отъ

моихъ подчиненныхъ и въ моихъ личныхъ дѣлахъ я желаю подчиненія и моимъ мыслямъ... и подбираю людей...

— Его гетманской мосци воля для меня святой не нарушимый законъ,—приложилъ Чаплинскій руку къ сердцу и низко нагнулъ голову,— свѣтозарный блескъ ясновельможнаго разума... для меня будетъ... солнцемъ!—говорилъ онъ трогательно, а самъ думалъ: „А чортъ бы тебя побралъ, старый дурень, съ твоими хлопами! Черезъ это клятое быдло только стой и выговоры здѣсь слушай!“

— Ну тамъ солнцемъ или мѣсяцемъ, то мнѣ все равно, а держаться моихъ плановъ я требую.—Конецпольскій даже поднялся съ кресла и началъ ходить тяжелыми шагами по кабинету.—Я вотъ и хочу доказать всѣмъ моимъ примѣромъ... такъ сказать, убѣдить, что и при благоденствіи населенія доходы маетностей не упадутъ, а увеличатся. Замѣтьте, пане, при благоденствіи, это очень важно... Это... это великая идея!—воодушевлялся старикъ и бритыя щеки его загорались малиновыми пятнами.—Если бы всѣ были просвѣтлѣны,—запнулся онъ и взглянулъ подозрительно на Чаплинскаго; послѣдній стоялъ въ набожной позѣ и, поднявъ очи горѣ, яко-бы молился за общее просвѣтлѣніе.—Да, такъ сказать, именно,—остановился у стола гетманъ и облокотился о башню спиной.—Вотъ панъ сказалъ, что само собою о заселеніи пустошей будетъ заботиться... а я скажу, что при предлагаемой паномъ системѣ не только не прибѣжитъ ко мнѣ ни одна собака, а и сидящіе уже прочно селяне поразбѣгутся... Да, именно, разбѣгутся... и вмѣсто вотъ этихъ,—трепалъ онъ по бумагѣ рукой,—богатѣйшихъ цифръ, получатся обновленныя пустоши.

— Этого никогда-бы не было, ваша ясновельможность,—заступился за себя горячо Чаплинскій,—если бы эти хло... хло... хлопотливые поселяне заартачились, такъ я бы вашей гетманской милости полъ Литвы притащилъ, только бы свистнулъ...

— Что мнѣ въ твоихъ литвинахъ, пане?—махнулъ гетманъ рукой.—Что они здѣсь грибы собирать, или лыко драть станутъ? Только мѣстное, коренное населеніе... такъ сказать, именно коренное... знаетъ, какъ обходиться съ своею родною землей.

Въ это время приподнялась тяжелая занавѣсь и на порогѣ появился гайдукъ. Онъ возвѣстилъ гетману, что прибылъ и дожидается панскихъ распоряженій войсковой писарь.

— Хмельницкій?—обрадовался гетманъ.—Вотъ кто меня понимаетъ! Пусть войдетъ!—а потомъ, спохватившись и перемѣнивъ сразу тонъ, онъ замѣтилъ Чаплинскому:—Я отпускаю пана на время, пока сниму допросъ.

Чаплинскій низко поклонился и смиренно вышелъ, проклиная въ душѣ этого „шпаровоза“ (мужлана) Хмельницкаго, которому такъ вѣрилъ гетманъ; но, встрѣтясь съ нимъ за порогомъ, заключилъ его сразу въ объятія и промолвилъ голосомъ, полнымъ слезъ:

— Благодарю Всевышняго, что услышалъ мои молитвы!

Богданъ вошелъ въ кабинетъ, поклонился почтительно и произнесъ искреннимъ голосомъ.

— Благодарю ясневельможнаго пана-гетмана за великую милость, вырвавшую меня изъ рукъ самоуправцевъ-насильниковъ, посягнувшихъ было на мою жизнь!

— Радъ, радъ, весьма радъ,—ласково улыбнулся Конецпольскій,—у пана, впрочемъ, была по этому дѣлу такая защитница, такая чудесная, такъ сказать, обаятельная, что всѣхъ моихъ гостей очаровала, я и подозрѣвать не могъ... Кромѣ вообще, такъ сказать, прелести, еще благородство сердечнаго огня и сила слова, да именно благородство и сила.

— Гетманская милость всегда правы,—отвѣтилъ спокойно Богданъ,—и если бы у нашихъ властителей была хоть сотая доля вашего разума и вашего сердца, то намъ бы жилось, какъ у Христа за пазухой.

— Да, да! Это вѣрно!—вспыхнулъ заревомъ отъ прилива удовольствія гетманъ.—Спасибо за доброе слово: панъ меня понимаетъ. Меня вотъ наши называютъ и потворщикомъ и черезчуръ мягкимъ, да, мягкимъ, а твои козаки называютъ жестокимъ; но это не такъ, это, такъ сказать, ложь! Я строгъ и всегда преслѣдую своевольный, мятежный духъ; его нужно оградить, такъ сказать, прочными гранями, и я стоялъ за ограниченное число козаковъ и давилъ возстанія, но никогда не думалъ обращать остальныхъ въ рабовъ... да, никогда не думалъ!—Онъ опорожнилъ въ волненіи свой ковшъ до дна.—Меня ни тамъ, ни здѣсь не понимали. Этотъ своевольный сеймъ не уважилъ даже даннаго мною слова и казнилъ прощенныхъ мною Сулиму, Павлюка и многихъ старшинъ. Разрази меня громъ, это подлость! Да, ломать, такъ сказать, шляхетское гоноровое слово подло! Все это двинуло меня еще дальше. Эхъ, если бы больше было теперь настоящихъ людей, а то... да, именно!... Но скажи мнѣ откровенно, по правдѣ, неужели только по голословному доносу этого княжескаго наглеца,—нужно признаться, что тамъ особенно воспитывается духъ насилія и, такъ сказать... (у гетмана въ головѣ блеснуло воспоминаніе о двухъ большихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отнятыхъ этимъ Яремой, путемъ грубаго насилія и „наѣзда“; хотя это дѣло и было погашено какимъ-то вынужденнымъ примиреніемъ, но въ сердцѣ гетмана вѣчно жило неудовлетворенное

ювлобленіе),—да, такъ неужели по одному лишь наговору, какъ мнѣ передала панская родичка, осмѣлился и мой Гродзицкій такъ поступить съ моимъ слугой?

Богданъ смутился только на одно мгновеніе; но, быстро поборовъ въ себѣ вздрогнувшее волненіе, двинулся на шагъ впередъ и отвѣтилъ съ полнымъ достоинствомъ:

— Истиннымъ поборникомъ государственной правды и блага я считаю ясновельможнаго пана коронаго гетмана и нашего найяснѣйшаго круля, и этой правдѣ я не измѣнялъ и не измѣню никогда; но, быть можетъ, многіе считаютъ эту правду кривдой, а поборниковъ ея—невѣрными сынами отчизны... тогда я, конечно, измѣнникъ и достоинъ казни. Въ этомъ-же послѣднемъ случаѣ, клянусь, что Ясинскій оклеветалъ меня изъ мести и не далъ никакихъ доказательствъ.

— Я тебѣ вѣрю, пане, и желаю всегда вѣрить, а эти будутъ у меня помнить, особенно выскочка князя Яремы—Ясинскій. Но вотъ,—забарабанилъ онъ по столу пальцами,—я получилъ еще кое-какія замѣтки о прежнихъ твоихъ участіяхъ... не открытыхъ... но доказывающихъ, такъ сказать, твой строптивый духъ... да, строптивый... По истинѣ, Богъ одарилъ тебя и умомъ, и эдукаціей, и доблестями... да, доблестями, но жаль, что на твоемъ пути вѣчно встрѣчаются... такъ сказать, непонятные овражки, черезъ которые нужно перескакивать...

— Эти всѣ овражки, ясновельможный гетмане, копаютъ мнѣ враги.

— Но, но... не всѣ,—погрозилъ ласково гетманъ,—у пана таки сидитъ гдѣ-то „гедзь“... вотъ хоть бы твой отвѣтъ въ Кодакѣ.

— Его гетманская милость проститъ мнѣ его великодушно: эту невольную несдержанность вызвали шутки князя Іереміи.

— Да, эти шутки и мнѣ не понравились: я врагъ всякой военной тираніи... Да, вотъ почему и врагъ тоже вашихъ стремленій—все, такъ сказать, населеніе обратить въ военный лагерь... Я за мирное развитіе; но объ этомъ послѣ,—набилъ онъ себѣ снова трубку.—Что бишь?—потеръ себѣ открытый лобъ гетманъ.—Да, такъ видишь ли, пане, въ силу этого общаго говора, а главное въ силу же моихъ собственныхъ постановленій,—замялся онъ, заботливо раскуривая трубку,—я оставить пана въ числѣ генеральной старшины не могу... до поры, до времени,—смягчилъ онъ пилюлю,—а перевожу снова въ должность сотника Чигиринскаго полка... Этимъ, такъ сказать, покрываются всѣ прежнія подозрѣнія и возстановляется въ полной, такъ сказать, доблести имя сановнаго пана, которое, я надѣюсь, будетъ вельможнымъ...

— Нѣтъ предѣловъ моей благодарности гетманской милости,— поклонился, прижмуривъ глаза, Богданъ и, гордо выпрямившись, откинулъ назадъ голову, не скрывая нѣкоторой доли пренебреженія.

— Только не думай,— продолжалъ гетманъ, пронизавъ Богдана испытующимъ взглядомъ,— что это наказаніе... это, такъ сказать... это — необходимость... Довѣріе я къ тебѣ имѣю и много разсчитываю на тебя... Не выпьешь-ли съ дороги моей настойки, пане?— налилъ гетманъ стоявшій на столѣ другой кубокъ и предложилъ Богдану.—Для желудка полезна, вѣрь.

— За здоровье ясновельможнаго пана гетмана и за успѣхъ его благихъ для насъ пожеланій!—поднялъ Богданъ кубокъ и, выпивши, поставилъ на столъ.

— Спасибо!—кивнулъ головою гетманъ.—Дѣло вотъ въ чемъ. У меня, какъ ты знаешь, погибъ, такъ сказать, мой прежній „дозорца“ старостинскихъ имѣній; чортъ ему подалъ мысль угодить подъ кабаньи клыки... Такъ я вотъ ищу новаго... Чарнецкій мнѣ рекомендовалъ литвина одного, Чаплинскаго... Тутъ онъ мнѣ и проэкты, и все... Какъ панъ о немъ думаетъ?

— Я его мало знаю; но онъ, кажется, преданъ гетманской милости... и „урожоный“ шляхтичъ,—значитъ, долженъ быть благороднымъ и честнымъ.

— Чортъ-ли мнѣ въ его преданности!—рѣзко замѣтилъ гетманъ.—Толку мнѣ нужно, вотъ что! Да!.. А то понаписывалъ проэктовъ, удесятеряетъ доходы на счетъ шкуры моихъ поселянъ... А я, панъ знаетъ, этого терпѣть не могу. Я за мирное развитіе...

— Да, это панъ Чаплинскій по своей литовской мѣркѣ,— злобно усмѣхнулся Хмельницкій,—хочетъ насъ мѣрять... угодить, видно, думалъ гетманской милости...

— Хорошо угодилъ-бы, какъ литовскій колтунъ,—отставилъ съ досадою чубукъ гетманъ и откинулся въ креслѣ,—разогналъ-бы всѣхъ поселянъ, да и баста! А вѣдь панъ знаетъ, что вся моя политика... такъ сказать, завѣтная мысль—привлекать, привлекать и привлекать... Если-бы осуществить... да, осуществить ее, то я бы перетащилъ сюда на эти плодороднѣйшія поля даже всѣхъ изъ московщины... и вотъ тогда-бы гикнулъ отъ Чернаго до Балтійскаго моря.

— Великая мысль!—воодушевился Богданъ.

— Да! Такъ вотъ не можетъ-ли панъ стать у меня дозорцей, не лишаясь сотничества? Тогда-бы, такъ сказать, поработали...

— Благодарю гетманскую милость за честь и довѣріе,—наклонилъ голову Богданъ,—всего себя отдаю въ распоряженіе ясновельможной волѣ; но мнѣ, въ интересахъ-же плановъ пана гетмана,

неудобно быть дозорцемъ, потерять между своими вліяніе... Я лучше буду этимъ вліяніемъ способствовать...

— Да, панъ правъ и благороденъ на словѣ... Но ты не откажешься руководить этимъ дѣломъ, такъ сказать, тайно, давать совѣты, указывать пути, направлять, надзирать, провѣрять?

— Весь къ панскимъ услугамъ,—приложилъ Богданъ руку къ груди.

— Ну и отлично, я очень доволенъ... Только при такихъ условіяхъ я соглашусь на Чаплинскаго, чтобъ онъ, такъ сказать, былъ подъ панскимъ дозоромъ... да,—засмѣялся весело гетманъ, протягивая Хмельницкому руку,—дозорца подъ дозоромъ. Согласенъ?

Хмельницкій молча съ подобающимъ уваженіемъ и низкимъ поклономъ пожалъ пухлую руку гетмана, а Конецпольскій велѣлъ кликнуть къ себѣ Чаплинскаго.

— Вотъ что, пане,—обратился къ вошедшему Чаплинскому гетманъ,—я согласенъ имѣть пана дозорцемъ въ моемъ староствѣ,—мнѣ вотъ Хмельницкій ручается.

Чаплинскій, отвѣсивъ низкій поклонъ гетману, кивнулъ трогательно головой и Хмельницкому, хотя въ душѣ никакъ не могъ простить такого оскорбленія своей панской гордости. Хамъ—поручитель? Но радость за назначеніе на должность превозмогла теперь обиду и заиграла хищническимъ инстинктомъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ,—привсталъ гетманъ,—во всѣхъ распоряженіяхъ, во всѣхъ, такъ сказать, мѣрахъ по хозяйству прошу обращаться къ пану,—указалъ онъ на Хмельницкаго,—какъ къ опытному и знающему хорошо и край, и мѣстное населеніе. Я ему вѣрю, какъ себѣ, и оставляю его здѣсь своимъ глазомъ... Ну, задерживать васъ, господа, больше не буду. А особенно тебя, пане,—улыбнулся онъ привѣтливо Хмельницкому.—Перетревожилась вѣрно семья и ждетъ, не дождется.

Хмельницкій и Чаплинскій поклонились молча и вышли. Чаплинскій шелъ рядомъ съ Хмельницкимъ и долго не произносилъ ни слова,—такъ взбѣсило его рѣшеніе Конецпольскаго, подчиняющее его, вельможнаго шляхтича, потомка знаменитаго рода Чапличъ-Чаплинскихъ, и кому же? Какому то хамскому отродью! И теперь вотъ придется передъ нимъ кланяться, унижаться, подносить отчеты къ подписи. Проклятіе! Если-бы не ожиданіе баснословныхъ богатствъ, то плюнулъ-бы онъ имъ обоимъ въ глаза, а тутъ...

— Не смущайся, пане свате,—угадалъ его мысли Хмельницкій,—я согласился на капризъ гетмана ради твоей же пользы; иначе онъ могъ-бы впутать въ это дѣло другое, непріятное для пана лицо. А я панскую услугу въ Кодакѣ помню и, кромѣ пользы, никакой

помѣхи свату не сдѣлаю, и всякія недоразумѣнія улажу. Самъ съ совѣтомъ не навяжусь, а если о немъ панъ попроситъ—не откажу. Вообще же сватъ на меня можетъ опереться смѣло.

— Спасибо, спасибо!—обрадовался такой постановкѣ вопроса Чаплинскій. Хотя непріятное впечатлѣніе безсмысленнаго гетманскаго приказа не изгладилось въ немъ отъ этихъ словъ Хмеля, а на оборотъ великодушіе „хлопа“ взорвало его еще больше,—но чувствуя, что Конецпольскій довѣряетъ и благоволитъ этому шаровозу,—онъ поспѣшилъ изобразить на своемъ лицѣ дружественную улыбку и продолжалъ радостнымъ голосомъ.—Вѣкъ помнить буду и твою, пане, поруку, и твое дружеское отношеніе... Я знаю, что рука руку...

— Нѣтъ, пане-свате,—ударилъ Богданъ слегка по плечу Чаплинскаго,—корысти никакой мнѣ не нужно, а я искренно дамъ тебѣ совѣтъ и окажу услугу, гдѣ надо: со мной можно жить, не державши камня за пазухой.

— Спасибо, спасибо!—обнялъ Богдана Чаплинскій.—Ко мнѣ прошу на „келехъ“, попробовать нашего стараго литовскаго меду.

— Сейчасъ не могу, прости, панъ: лечу къ своимъ.

— Да, да, не смѣю удерживать, а жаль, угостилъ-бы. А то я и къ пану заѣду: я вѣдь тутъ новый человѣкъ, не знаю ни страны, ни порядковъ, такъ сватъ меня бы наставилъ.

— Съ радостью! Прошу, прошу!—подалъ Богданъ руку и, вскочивши на Бѣлаша, котораго держалъ подъ уздцы Ахметка, сейчасъ-же за брамой, махнулъ еще разъ шапкой и пустился галопомъ въ Субботово.

Радостно билось сердце Богдана. Какой-то новый приливъ жизненной силы поднималъ ему грудь. Знакомыя мѣста неслись съ улыбкой на встрѣчу, раскрывали свои дружескія объятія; рѣчка, извиваясь змѣей, шептала что-то веселое и игривое.

„Да! Спасъ Господь и привелъ увидѣть снова родныя мѣста!—мелькали у Богдана отрывочныя мысли.—У Конецпольскаго все обошлось благополучно, даже въ какое-то особое довѣріе я попалъ. Значитъ, чистъ и невредимъ, а теперь—или умри въ своемъ гнѣздѣ тихо, или снова дерзай на борьбу! Эхъ, кабы не терзали моей родины, колибъ ее, несчастную, оставили хоть при маломъ кускѣ хлѣба, сѣлъ бы я камнемъ въ своемъ любимомъ Субботовѣ, да отдохнулъ-бы и душею, и тѣломъ! Умаяли уже меня и годы, и бѣды, сердце изныло, кости болятъ. Покою бы и мирнаго счастья... Эхъ, какъ-бы желалъ я въ эту минуту тихой пристани, которая укрыла-бы меня отъ бурь и отъ грозъ!“.

Вотъ и Субботово, и „млыны“, и храмъ св. Михаила, а вонъ за брамой и „будынокъ“, и садъ. Богданъ снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

Отворилась настежь въѣздная „брама“, и пасѣчникъ-дѣдъ первый встрѣтилъ Богдана. Обнялъ старика Богданъ и спросилъ, не слѣзая съ лошади,—благополучно ли дома?

— Все слава Богу,—махнулъ шапкою дѣдъ,— тебя какъ Господь милуетъ?

— Хвала Ему, Милосердному—живъ, какъ видите, и невредимъ!—уже крикнулъ черезъ плечо Богданъ дѣду, пустивъ рысью коня.

Еще издали на Чигиринской дорогѣ замѣтила дворовая челядь Богдана и, собравшись въ немаломъ количествѣ, съ радостнымъ нетерпѣніемъ ждала своего батька. На „ганку“ толпились Богдановы дѣти: Андрійко и Тимошъ нѣсколько разъ взлазили вверхъ по колоннѣ, чтобъ высмотрѣть отца; дѣвочки, съ горящими отъ волненія и восторга глазками, бѣгали то къ больной матери въ комнату, то на „рундукъ“, то къ первымъ воротамъ. Одна только Ганна, блѣдная, застывшая въ порывѣ восторга, неподвижно стояла у колонны, приставивъ руку къ глазамъ и вперивъ свои очи въ свѣтлую даль. Казалось, душа ея не была здѣсь, въ этомъ трепетномъ тѣлѣ, а носилась тамъ вдали возлѣ всадниковъ, возлѣ стройнаго, ѣдущаго на бѣломъ конѣ козака.

Едва въѣхалъ Богданъ въ свой дворъ, какъ полетѣли вверхъ шапки, раздались радостные крики, и десятки рукъ протянулись—и подержать коня, и помочь соскочить, и обнять своего батька. Насилу освободился Богданъ отъ этихъ дружественныхъ привѣтствій и поспѣшилъ къ крыльцу. Здѣсь на него набросились дѣти и повисли на груди и на шеѣ.

Ганна все стояла неподвижно. Радость сковала ей члены; восторженные глаза ея дрожали чистой слезой. Богданъ замѣтилъ ее, быстро взошелъ на крыльцо и, раскрывъ широко руки, промолвилъ тронутымъ голосомъ:—Спасительница моя!

— Ты нашъ спаситель!—вскрикнула Ганна и припала къ нему на грудь.

На другой вечеръ всѣ двери и окна въ домѣ Богдана были тщательно закрыты.

Въ комнатѣ его, вокругъ небольшого стола, покрытаго турецкимъ ковромъ, тѣсною группою сидѣли козацкіе старшины. Желтоватое пламя двухъ восковыхъ свѣчей, что горѣли въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ, освѣщало ихъ смуглыя лица, отчего они казались еще ирачнѣй и желтѣй. За ними оно не достигало глубины комнаты,

потонувшей во мракѣ и только кое-гдѣ тускло отсвѣчивалось на блестящихъ дулахъ „рушницъ“. Въ комнатѣ было тихо и мрачно. Не видно было на столѣ ни кубковъ, ни фляжекъ. Сурово глядѣли иконы изъ почернѣвшихъ отъ времени ризъ.

Въ концѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ; голова его была такъ низко опущена, что нельзя было видѣть лица. Направо отъ него угрюмо склонилъ голову на руку Кривоносъ, за нимъ Нечай опустилъ свою львиную чуприну. Съ другой стороны помѣстились старый Романъ Половецъ и Чарнота. Остальныя лица терялись въ тѣни, и только иногда сверкали оттуда, словно волчьи глаза, желтые бѣлки Пешты.

Густыя тѣни совсѣмъ сбѣжались на потолкѣ. Казалось какой-то тяжелый, могильный сводъ повиснулъ надъ освѣщеннымъ столомъ.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ,—говорилъ сѣдой Романъ Половецъ, и голосъ его звучалъ такъ уныло, словно отдаленный звонъ надтреснутаго колокола,—бороться намъ нечѣмъ... войско наше разбито... „армата“ (артиллерія) отобрана... ни старшины, ни головы.

— Вздоръ!—крикнулъ Кривоносъ, ударяя рукой по столу,—не все пропало! Разбито войско, да не все! Сколько бѣжало, сколько скрывается по темнымъ лѣсамъ!

— Въ Мотроновскомъ лѣсу ищутъ грибовъ болѣе десяти сотенъ!—вставилъ Чарнота.

— Въ Кругломъ лѣсу сотъ пять или шесть!—отозвался кто-то въ тѣни.

— А въ „Гутѣ“ наберется и больше!—добавилъ другой.

— Такъ не всѣ сдались?—спросилъ удивленный Богданъ.

— Какое! На Запорожье ушло тысячи двѣ!—вскрикнулъ Нечай.

— Да дайте мнѣ только время,—продолжалъ, воодушевляясь, Кривоносъ,—я соберу вамъ десять, двадцать тысячъ. Дайте мнѣ только разослать своихъ молодцовъ!

— Головы нѣтъ... старшина разбѣжалась!—раздались изъ глубины тѣни чьи-то несмѣлые голоса.

— Выберемъ голову. Старшина найдется,—перебилъ увѣренно Кривоносъ.—Да развѣ уже между нами не найдется знатаго человѣка? Дрова сухія, братья! Огниво не трудно отыскать!

— Конечно, осмотрѣться вотъ между нами,—послышался сиплый голосъ Пешты, и желтые глаза его многозначительно окинули весь столъ.

— Выбрать то можно... Да что изъ того? Послѣднія силы отдать... и къ чему? Чтобъ увидѣть новое пораженіе?—безнадежно махнулъ рукою Романъ Половецъ.—Мало-ли мы ихъ видѣли, братья?

— Такъ,—вставилъ угрюмо Пешта, и насмѣшливая улыбка искривила его лицо.—Били насъ довольно! Можно было-бъ и „годи“ сказать. И подъ Кумейками, и подъ Боровицею...

— Молчи, Пешта!—перебилъ его Кривоносъ.—Молчи, не напоминай прошлаго! Или ты думаешь, что эти побѣды не зарубились на сердцѣ?—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—кровавымъ рубцемъ здѣсь зарубились! Били! А почему-же прежде никто не билъ козаковъ? Почему теперь бить стали? Потому, что реестровые измѣняютъ, братья на братьевъ встаютъ!

— Стой, друже,—перебилъ его Половецъ,—пошли же съ Павлюкомъ рейстровые, а вышло что?

Богданъ поднялъ глаза и медленно прибавилъ вполголоса:—Пошли, да не всѣ.

Но Половецъ не слыхалъ его словъ:

— Да что говорить о прошломъ,—продолжалъ онъ,—вспомнимъ, что случилось теперь? А ужъ не гетманъ-ли былъ Остряница, не молодецъ-ли былъ Гуня? И сердце козачье, и могучая рука!

— Проклятье ему!—закричалъ Кривоносъ, поднимаясь съ мѣста, и багровыя пятна покрыли его лицо.—Зачѣмъ онъ сдался? Онъ... онъ погубилъ все дѣло! Теперь оттепель, все кругомъ распустило... жолнеры ихъ падали отъ голода. Да еслибъ онъ только выдержалъ до нынѣ, посмотрѣлъ-бы я, какъ погарцевали-бъ у меня въ этомъ болотѣ ляхи! А! Пусть не знаетъ онъ, собака, счастья во вѣки,—прохрипѣлъ Кривоносъ, сжимая кулаки,—своей сдачей погубилъ онъ все дѣло!...

— Постой, братъ, постой: тебѣ разумъ злоба застилаетъ,—протянулъ Половецъ руку, какъ-бы желая остановить слова Кривоноса:—ты валишь всю вину на Гуню, а самъ знаешь не меньше моего, что устоять было нельзя. Смотри, я старъ, но вотъ эту послѣднюю кормилицу—правую руку я отдамъ на отсѣченіе за Гуню! Онъ былъ храбрый, честный козакъ.

— Ну, одной храбрости-то мало,—угрюмо буркнулъ Пешта.

Но Половецъ продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Какъ онъ стоялъ за наши права, какъ онъ оборонялся! Самъ Іеремія удивлялся ему. Да, онъ бы отдалъ за насъ свою буйную голову, но къ сдачѣ принудила его сама „рада“!

— „Рада“!—тонкія губы Кривоноса искривились въ какую-то безобразную, злобную усмѣшку.—А зачѣмъ онъ этой черни напустилъ полный таборъ?

— Какъ? Своихъ-бы отдалъ на „поталу“ (истребленіе)?—съ изумленіемъ вскрикнулъ Нечай.

— Братьевъ на растерзанье Потоцкому?—ужаснулся Половецъ.

— А что же, ушли они отъ него, га?—крикнулъ Кривоносъ, опираясь руками на столъ, и перегнулся въ ихъ сторону.—Толпами, какъ мурашня, налѣзли въ таборъ, а потомъ первые кричали о сдачѣ! Голодъ, вишь, одолѣлъ ихъ! Ну, а теперь попухнутъ, небось, отъ панской ласки! Землю научатся грызть!—рвалъ онъ слова, какъ бы желая вылить въ нихъ всю кипящую въ немъ злобу.—Да, если-бъ не они, мы полегли бы всѣ одинъ подлѣ другого, таборъ бы взорвали, а не предались бы ляхамъ!

— То-то,—процѣдилъ сквозь зубы Пешта, бросая изъ-подъ бровей угрюмый взглядъ,—всѣ тянутся въ козаки, а какъ на греблю, такъ и некому, а мы одни подставляй спины!

— Черезъ нихъ-то, пожалуй, и потеряли на вѣки всѣ права,—послышался густой и жирный голосъ Бурлія, и его одутловатое лицо съ узкими, подплывшими глазами и тупымъ лбомъ выплыло на минуту изъ тѣни.

— Пора бы и намъ одуматься, а то и шкуры не хватитъ,—замѣтилъ нѣсколько смѣлѣе Пешта,—атаману-то кошевому и заботиться объ интересахъ коша, своихъ, близкихъ людей, а чернь имѣетъ топоры и косы, пусть борется сама за себя.

— Сама за себя,—медленно повторилъ Нечай, бросая на Пешту изъ-подлобья презрительный взглядъ,—а развѣ они молчатъ, не встаютъ? Развѣ не бѣгутъ въ Сичь, въ козачьи ряды?

— Не въ козачьи боевые ряды, а въ козачьи списки, чтобъ „привилеи“ раздобыть,—прошипѣлъ Пешта.—А въ козачьи ряды за хлѣбомъ бѣгутъ и потомъ первые молятъ ляховъ о пощадѣ.

— А! И кого же? Ляховъ!—заскрежеталъ Кривоносъ зубами.—Да я бы за каждую придуманную ляхамъ муку перенесъ бы самъ по двѣ, а не поклонился бы и не пощадилъ бы ни одного!

— Всѣхъ не перемучишь,—отвѣтилъ Бурлій,—а вотъ какъ они обрѣжутъ права... Теперь уже на мой разумъ и „Куруковскихъ пунктовъ“ нечего ждать.

— Ни пяди меньше! На длину своей сабли не отступлюсь отъ нихъ!—крикнулъ Нечай, бросая свою кривую саблю на столъ.—Мы ихъ кровью своей, головами своими заработали и уже не отдадимъ назадъ! Мало насъ? Найдемъ помощь! Я былъ у донцовъ, они протянутъ руку... а не попустимъ своихъ правъ!

— Не пойдутъ донцы всѣ, а нѣсколько сотъ удальцовъ что помогутъ?—откликнулся убитымъ голосомъ Половецъ.

— Не попустимъ!—злобно добавилъ Пешта,—а много-ли ихъ осталось? Когда мы со второю просьбой на сеймъ посылали, какой получили отвѣтъ?

Всѣ молчали, а Пешта продолжалъ еще злобнѣе.

— А ужъ много-ли просили мы? А послѣ Кумейскаго пораженія вспомни, какой присяжный листъ былъ написанъ нами и какія на Трахтемировской „радѣ“ получили мы права? Уничтожили Миргородскій и Яблоновскій полки, уменьшили насъ на 1,200 душъ, „чайки“ сожгли.

— Не каркай, воронъ!—крикнулъ запальчиво Чарнота, и голубые глаза его метнули бѣглый взглядъ изъ-подъ сжатыхъ бровей.—Не удастся Нечаю донцовъ, такъ я имъ татаръ приведу, поклонюсь спиной и невѣрѣ.

— И ничего не добьешься,—крякнулъ Бурлій,—а нелучше-ли, намъ своихъ бы требованій посбавить?

— А что же, и впрямь,—поддержалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Что намъ осталось? Бунтами ничего не подѣлаемъ, все равно—сила солому ломитъ, а за каждымъ бунтомъ идутъ новыя утѣсненія. При согласіи-же ляхи дѣлаютъ уступки. Вспомните: за Сулиму намъ прибавили тысячу человѣкъ, а при разумномъ кошевомъ,—подчеркнулъ онъ,—можно выторговать и больше.

— Не то и всѣхъ насъ повернутъ ляхи въ рабовъ,—тихо добавилъ Бурлій.

— Умереть, умереть!—простоналъ про себя Половецъ, и его тихій стонъ упалъ на всѣхъ, словно ударъ похороннаго колокола.

Наступило тяжелое молчаніе.

Богданъ сидѣлъ молча, опустивши голову, и, казалось, не принималъ никакого участія въ разговорѣ; палецъ его чертилъ на столѣ какіе-то странные узоры, глаза были опущены внизъ, и только иногда, на мгновенье, впивался онъ ими въ лицо говорившаго.

— Не бывать этому!—крикнулъ Кривоносъ громовымъ голосомъ, нарушая молчаніе, и поднялся во весь ростъ.—Покуда стоитъ наше Запорожье,—ударилъ онъ эфесомъ сабли по столу,—спасеніемъ души своей клянусь, не бывать этому во вѣкъ!

— Не бывать! не бывать!—подхватили Нечай и Чарнота.

— Не бывать!—раздались голоса изъ густой тѣни.

— Да, покуда стоитъ,—замѣтилъ Богданъ тихо, но вѣско,—а стоять осталось ему недолго.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—отчеканилъ медленно Чарнота, сверкая своими голубыми глазами и отбрасывая красивую голову назадъ.—Въ степь „душманамъ-ляхамъ“ я не посовѣтую двинуться: на карачкахъ полѣзутъ.

— Такъ думаешь, друже?—усмѣхнулся Богданъ.—Однако, съ тѣхъ поръ, какъ польскія войска перешли лѣвый берегъ, они уже не боятся степей!

Всѣ замолчали. А Богданъ продолжалъ:

— Я былъ у короннаго гетмана. Меня онъ смѣстилъ съ войскового писаря въ сотника. Но дѣло не въ панской ласкѣ,—въ голосѣ Богдана прозвучала гордая и презрительная нота,—я за ней не гонюсь, а дѣло въ томъ, что когда ужь и меня подозрѣваютъ,—понизилъ онъ голосъ,—то не ждать добра. Ярема стоитъ на одномъ—разметать Запорожье, уничтожить народъ нашъ рыцарскій до тла! На гетмана возлагать большихъ надеждъ невозможно,—нѣтъ звѣря хитрѣй старой лисы! Со мной говорилъ, нападалъ на Ярему, увѣрялъ, что стоитъ за казаковъ, а самъ думаетъ только о своихъ помѣстьяхъ. Онъ хлоповъ не уничтожитъ, не то—некому будетъ его землю пахать; но козаки ему не очень-то нужны... Хотя и говоритъ, что никого не желаетъ обращать въ рабовъ, да это все только сказки. А вотъ, что еще сеймъ запоетъ изъ-за нашего возстанья?...

Остановился Богданъ; но не прервалось угрюмое молчаніе.

Тогда заговорилъ старый Половецъ:

— Все это правда, охъ, какая тяжкая правда, братья!—и голосъ его звучалъ въ наступившей тишинѣ такъ жалобно и безсильно.—Задумали насъ совсѣмъ уничтожить ляхи. Еще когда зимою мы на сеймъ ѣздили, всѣ послы, какъ одинъ, требовали у короля стереть насъ съ лица земли... Нѣтъ, не бывать уже на Украйнѣ счастья! Не видать моимъ старымъ глазамъ козацкихъ побѣдъ! Убейте меня, друзи, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, чтобъ не видѣли очи мои смерти родины дорогой!

И старецъ зарыдалъ, всхлипывая по-дѣтски и трясясь сѣдой головой. Тяжелый стонъ вырвался изъ многихъ грудей и замеръ въ тоскливомъ молчаніи.

— Что дѣлать?—раздался изъ глубины чей-то робкій голосъ и умолкнулъ. Отвѣта не далъ никто.

— „Порадь“, посовѣтуй, Богдане,—отозвался еще кто-то тихо.

Богданъ поднялъ глаза, обвелъ все собраніе, вздохнулъ и не отвѣтилъ ничего.

Кривоносъ сидѣлъ, опершись на руку. На лицѣ его, безобразномъ и мрачномъ, лежалъ теперь такой отпечатокъ отчаянья и горя, словно онъ стоялъ у раскрытой могилы единственнаго сына. Онъ и не слыхалъ робкаго вопроса, онъ и не видалъ ничего.

— Что дѣлать?—блеснулъ желтыми бѣлками Пешта и поднялъ уже совсѣмъ смѣло свой хрипучій голосъ,—а вотъ, моя добрая „рада“—покориться!

Всѣ вздрогнули и какъ-то отшатнулись отъ стола.

— Да, покориться,—крикнулъ онъ еще смѣлѣе,—пора перестать дурнями быть и подставлять за чужую шкуру свои плечи!

Если пойдемъ въ союзѣ съ ляхами, то намъ, старшинѣ, только польза будетъ. И увидите еще, сколько перепадетъ!

— Молчи, Пешта!—крикнулъ Кривоносъ, срываясь съ мѣста и заглушая всѣ голоса,—или я тебѣ заклепаю горлянку! Намъ запродавать себя за ласку ляхамъ? Намъ идти кланяться на миръ и на „згоду“? Будь проклятъ тотъ и въ дѣтяхъ, и въ потомкахъ, кто послушаетъ такого совѣта!

— Да ты постой,—началъ было оправдываться Пешта, увидя, что промахнулся съ своимъ предложеніемъ.

— Молчи!—брякнулъ кривой саблей Кривоносъ.—Миръ!... Да въ чемъ, въ чемъ твой миръ? Сколько тебѣ сребреникова сунутъ за эту измѣну? Оставятъ, быть можетъ, три тысячи лейстровыхъ да заставятъ цѣловать шляхетскую дулю? Что-жь ты выигралъ, Іуда, за то, что продалъ Сулиму? И отъ кого ты ждешь пощады? Отъ этихъ звѣрей кровожадныхъ, для которыхъ не придумаетъ достойныхъ мукъ и самъ кошевой-сатана въ пеклѣ? Развѣ ты не видѣлъ, какую дорогу устроилъ себѣ гетманъ Потоцкій отъ Кіева до Нѣжина, посадивши на колья всѣхъ возвратившихся повстанцевъ? И ты говоришь о мирѣ? Будь проклятъ ты, Пешта, на вѣки, что завелъ о немъ рѣчь!

Желтые глаза Пешты бросили адски-злобный взглядъ на Кривоноса, но шумные крики не дали ему говорить.

— Не быть миру! Не быть миру!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Мертвыхъ назадъ изъ могилы не носятъ!—опустилъ Нечай на столъ свою тяжелую руку.—Межъ нами и ляхами во-вѣки мира нѣтъ!

Пламя свѣчей отъ поднявшагося шума безпокойно заколебалось, и разорвавшіяся тѣни тревожно заметались по сторонамъ.

— Нечѣмъ бороться, нечѣмъ. „Армата“ наша отобрана,—началъ было Половецъ, но Кривоносъ перебилъ его воодушевленно.

— Не бойся! Покуда у козаковъ есть сабли въ рукахъ, еще не умерла козацкая мать! А если ужъ и суждено всѣмъ намъ полечь, такъ продадимъ, по крайности, жизнь свою дорого, такъ дорого, чтобы и цѣны не сложили до вѣку проклятые ляхи!

— Будемъ биться, какъ бились донынѣ! Самъ митрополитъ благословляетъ насъ!—раздалось въ разныхъ углахъ.

— Да и что смерть?—покрылъ всѣ голоса голосъ Чарноты.—Мокрый дождя не боится! Уже хоть допечемъ до живого тѣла ляхамъ.

А чорныя окна и двери угрюмо, зловѣще глядѣли на разгоряченныхъ старшинъ.

— Такъ,—замѣтилъ Богданъ.—Умирать намъ учиться не у кого, и залить сала за шкуру съумѣемъ! Да только какая отъ этого польза намъ, и нашей вѣрѣ, и женамъ и дѣтямъ?

Замѣчаніе было сказано тихо, но всѣ воодушевленные крики вдругъ замерли въ одинъ моментъ.

— А коли такъ,—вскочилъ съ молодою удалью Чарнота,—такъ дурни мы, что-ли, чтобы смотрѣть на ляховъ? Заберемъ своихъ женъ и дѣтей, да тютюнъ и горилку, и уѣдемъ въ московскія степи,—много тамъ вольныхъ земель!

— И то!—раздались несмѣлые голоса. – Дѣло!

— Эхъ!—вскрикнулъ безконечно горько Кривоносъ, ударяя себя въ грудь со всей силой.—Что себя даромъ тѣшить, братья? Не уйти намъ никуда отсюда! Знаютъ, псы проклятые, чѣмъ держатъ насъ,—и вдругъ въ суровомъ голосѣ Кривоноса послышались слезы,—вѣдь нѣтъ во всемъ свѣтѣ другой Украйны, какъ нѣтъ другого Днѣпра!—выкрикнулъ онъ какъ-то неестественно громко и упалъ головою на столъ.

Всѣ замолчали кругомъ. А черныя тѣни нависли еще ниже надъ освѣщеннымъ столомъ.

Тогда поднялъ голову Богданъ.

— Товарищи мои и братья,—началъ онъ,—дозвольте къ вамъ рѣчь держать.

— Говори, говори! Мы пришли тебя слушать!—раздалось сразу въ нѣсколькихъ концахъ стола.

И все оживилось, все заволновалось кругомъ, точно одно только слово этой умной головы могло указать всѣмъ выходъ, найти путь ко спасенію. Одинъ только Кривоносъ еще лежалъ головой на столѣ и его длинный „оселедецъ“ извивался по немъ, словно гадюка, да Пешта бросалъ украдкой въ сторону Богдана алчный, завистливый взглядъ.

— Въ нуждѣ нашей великой,—продолжалъ Богданъ,—осталось намъ одно: не покориться ляху, какъ совѣтовалъ Пешта, а усыпить врага хитростью и побѣдить его разумомъ... „Будьте мудры, какъ зміи“, говорится въ писаніи...—Богданъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ дальше:—Выставить въ поле противъ въ десять разъ сильнѣйшаго насъ врага послѣднія наши силы—безумно; безумно потому, что мы забыли про другую цѣль. Какой у насъ единый оплотъ и Украйнѣ, и защитникамъ ея—козакамъ?

— Запорожье!—крикнули дружно нѣсколько голосовъ.

— Вѣрно, други, оно у насъ и батько, и матерь!—поднялъ голосъ Богданъ,—а въ это вѣдь сердце желаютъ ударить.

Кривоносъ медленно поднялъ голову и впился глазами въ лицо Богдану.

— А въ это вѣдь сердце желаютъ ударить,—продолжалъ Богданъ.—Такъ не отдать его на растерзаніе, а защитить до послѣдняго издыханія!

— Костьми ляжемъ!—крикнуло большинство голосовъ, и оживленные глаза загорѣлись надеждой.

— Такъ вотъ вамъ, братья, моя первая „рада“: всѣ силы, какія остались и какія прибывать будутъ, сосредоточить на Запорожьѣ, и если весною вздумаетъ нагрянуть Іуда съ Потоцкимъ, то встрѣтить ихъ такъ, чтобъ шароваръ своихъ не унесли назадъ.

— Разумное слово! Богданъ—нашъ батько! Слава! Слава!—зашумѣли ожившіе голоса.

— Стойте, друзи, еще потерпите немного... Для чего козаки нужны Рѣчи Посполитой?

— Для защиты границъ,—отвѣтилъ весело Чарнота и подмигнулъ какъ-то бровью.

— Вѣрно!—кивнулъ головою Богданъ.—А когда еще совсѣмъ безъ насъ обойтись Польша не сможетъ?

— Когда поднимется война съ Турціей,—досказалъ Нечай.

Кривоносъ только медленно переводилъ глаза съ одного на другого и разгорался звѣрскою радостью.

А Богданъ продолжалъ еще дальше:

— За что же Турція объявляетъ Польшѣ войну?

— За то, что козаки не даютъ ей покою, шарпаютъ прибрежные города,—какъ то лихорадочно отвѣтилъ Нечай, приподымаясь на мѣстѣ.

Богданъ улыбнулся многозначительно.

— Война, значитъ, въ нашихъ рукахъ, братья... И что мѣшаетъ намъ,—понизилъ онъ еще голосъ,—когда начнется война, повернуть оружіе и требовать своихъ правъ мечъ....

Но Кривоносъ не далъ ему окончить.

— Друже, Богдане, батьку мой!—крикнулъ онъ съ искаженнымъ отъ бѣшенаго восторга лицомъ и задохнулся отъ волненія.—Богъ вдохнулъ тебѣ въ голову эти мысли, за одно это слово въ рабство пойду на вѣки къ тебѣ!

— Постойте, постойте, друзи,—остановилъ Богданъ поднявшійся шумъ,—первое наше дѣло удержать теперь отъ дальнѣйшихъ дѣйствій ляховъ: намъ надо время, чтобы окрѣпнуть въ силахъ, а для этого надо показать имъ, что мы покорились совсѣмъ, чтобъ самъ сеймъ удержалъ дикое стремленіе Яремы. Для этого я вижу одно, и вотъ моя третья „рада“: послать пословъ съ просьбой на

сеймъ. Когда же сеймъ отринетъ просьбу, я самъ поѣду къ королю. Ему война на руку, братья; онъ стоитъ за насъ... мы ему нужны. А тѣмъ временемъ, пока будутъ собирать сеймы,—усмѣхнулся Богданъ,—да новыя ординаціи намъ составлять, дѣйствуй, кто какъ можетъ! А кто не владѣетъ оружіемъ, звони въ колокола!

— Слава! Слава! Просьбу, просьбу!—закричали кругомъ.

Полный зависти взглядъ Пешты остановился на мгновенье на Богданѣ.

Кривоносъ отбросилъ назадъ свой длинный „оселедецъ“ и поднялся съ мѣста; лицо его было такъ жестоко и ужасно въ эту минуту, что даже товарищи отшатнулись отъ него.

— Пишите, дурите ихъ, вражьихъ сыновъ! А эта рука,—протянулъ онъ красную, жилистую, поросшую волосами руку,—будетъ до самой смерти только саблю имъ на погибель держать! Покуда я живъ, не будетъ имъ отъ меня пощады!—Душу чорту продамъ, а не умру, покуда кровью ихъ черной не захлебнусь! Братья, дайте мнѣ только время, и когда покроетъ новая зелень поля, клянусь вамъ,—крикнулъ онъ глухо и дико, хватая мѣдный подсвѣчникъ,—пусть согнетъ меня первый татаринъ въ сѣчѣ, какъ я сгибаю этотъ шандалъ, если я не покажу проклятымъ ляхамъ, какъ умѣетъ умирать козакъ!

— Такъ, брате, такъ!—схватились Нечай и Чарнота.—Веди насъ на море! Всю Сичь подымемъ! Окуримъ козацкимъ дымомъ турецкіе города!

— Идемъ, братья!—ударилъ Кривоносъ по саблѣ.—А ты, друже,—обратился онъ къ Богдану,—пиши жалобы, дури ихъ покорнымъ прошеніемъ и дай намъ только время зазвонить во всѣ колокола!

Когда умолкъ поднявшійся шумъ и были выбраны послы на сеймъ, Богданъ развернулъ большой листъ бумаги, придвинулъ къ себѣ чернильницу, очинилъ перо и началъ писать:

„Видячи вокругъ насъ невозможныя кровопролитія и обиды, слезно и покорно просимъ вашу милость, пана нашего милостивѣйшаго, оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ“.

Лица присутствующихъ, освѣщенныя желтымъ свѣтомъ, сдвинулись вокругъ стола.

Снова стало тихо и угрюмо въ полутемной комнатѣ; только скрипъ гусинаго пера нарушалъ напряженную тишину.

А между тѣмъ въ окнахъ верхняго покоя видится слабый свѣтъ. Ганна не спитъ. Въ ея маленькой горенкѣ передъ старинными, потемнѣвшими иконами теплится лампадка. Въ небольшія окна

смотритъ съ холоднаго неба полная луна и рисуетъ продолговатые узоры оконъ на бѣломъ полу.

Передъ иконой на колѣняхъ стоитъ Ганна; полная луна освѣщаетъ ее. Ликъ съ темнаго образа глядитъ на нее такъ ласково и печально, и въ этомъ блѣдномъ лунномъ свѣтѣ сама Ганна кажется печальною иконой, сошедшею съ висящаго полотна.

Она одна во всемъ домѣ знаетъ о томъ, кто собрался у Богдана, кто и зачѣмъ. И каждый шумъ, каждый шорохъ, долетающій снизу, пробѣгаетъ по ея тѣлу жгучимъ огнемъ.

— О, Боже великій, всемогущій, вселюбящій! О, Боже, Боже мой!—шепчетъ Ганна, прижимая къ груди тонкія руки, и ея огромныя, расширившіяся очи кажутся черными алмазами на блѣдномъ лицѣ.—Въ моей бѣдной душѣ нѣтъ словъ для молитвы, но по милосердію Своему услышь, о, услышь меня! Вдохни имъ въ душу и бодрость, и надежду, и смѣлость! Укажи имъ путь ко спасенью нашей бездольной отчизны, нашей поруганной вѣры, нашихъ братьевъ, дѣтей! Боже, великій Боже! Милости и любви Твоей нѣтъ границъ: Ты поднялъ Давида на Голіафа, Ты Юдиѳи далъ смѣлость, Ты вывелъ изъ египетской неволи израильскій народъ. Пошли же имъ Святаго Духа, спаси и помилуй насъ!

И Ганна шепчетъ, шепчетъ слова молитвы; глаза ея впиваются въ образъ, а крупныя слезы тихо катятся одна за другою по блѣднымъ щекамъ.

— Или до Твоего надзвѣзднаго престола не долетаютъ стоны и рыданія нашего бѣднаго народа, не долетаютъ звуки нашихъ цѣпей? Почто-же не приклонишь Ты къ намъ ухо Твое? Все отымаютъ у насъ: и землю, и душу, и волю! Но Ты вѣдь всемогущъ, Боже, отъ дыханія Твоего вздымаются моря, зажигаются въ небесахъ звѣзды... Дай же намъ силы, защити отъ мученій: въ Тебѣ одномъ упованіе наше, въ Тебѣ наша жизнь! Ты—одна всесильная любовь, Боже; Ты смотришь кроткими очами на землю съ небесъ, Ты не вѣдаешь мщенья; но если мы чѣмъ согрѣшили передъ Тобою, если жертва для искупленья нужна, о Боже!—простерлась Ганна передъ иконой и захлебнулась въ слезахъ,—спаси нашу несчастную родину и возьми, возьми мою жизнь!...

IX.

За рядомъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, утомившихъ и крѣпкіе нервы закаленной казачьей натуры, ослабленный нѣсколько организмъ потребовалъ отдыха. Родное гнѣздо окружило Богдана и

всѣми удобствами жизни, и сердечнымъ теплом, и онъ почувствовалъ себя здѣсь словно въ тихомъ, желанномъ прибѣжищѣ, послѣ испытанныхъ бурь; ему такъ захотѣлось окунуться въ мирную жизнь, отогнать тяжелыя думы, заглушить боли сердца и забыть этотъ возростающій на Украйнѣ стонъ, хотя бы насильно уснуть на малое время душой, пока не ворвется вопль въ этотъ уютный, огражденный отъ бурь уголокъ... И Богдана все тѣшитъ и радуетъ, все получаетъ въ глазахъ его новую и дорогую цѣну: нѣсколько тяжелый и мрачноватый домъ кажется ему роскошнымъ, веселымъ дворцомъ, обнаженный и уныло шуршащій садъ—райскимъ эдемомъ, холодная и скучная теперь рѣчонка—блестящимъ и пышнымъ потокомъ... А хозяйскіе, полные всякаго добра амбары и коморы, а красивыя золотистыя скирды, а добрые кони и круторогіе волы—все это тѣшитъ его сердце отрадой... А эти радушныя, улыбающіяся ему лица „подсусидкивъ“—глаза ихъ горятъ искреннею дружбой, сердца ихъ открыты... А его дорогая семья—дѣтки, больная жена—онъ уже привыкъ къ ея недугу и не смущается, что она въ постели лежитъ—какъ они его любятъ, какъ спѣшатъ предупредить всѣ желанія, рвутся одинъ передъ другимъ угодить... а этотъ ангелъ небесный, посланный съ неба—Ганна?... Господи! Да неужели отъ этого рая оторваться нужно и ринуться вновь подъ холодные дожди, подъ леденящія метели, въ густые камыши, въ непролазные терны, на голодъ и холодъ, на страшныя смертельныя муки?

Тѣшится Богданъ всѣмъ, радуется довольству селянъ, любуется ростомъ своихъ владѣній, ласкаетъ семью и пьетъ полную чашу утѣхъ привлекательной жизни шляхетской; его душевной гармоніи мѣшаетъ только установиться одна безпокойная нота, и отдѣлаться отъ нея нѣтъ у него силъ: то притихая немного, то напрягаясь до боли, звучитъ она, ноетъ тоской и дрожитъ разъѣдающей горечью... Ну что-жъ, далъ онъ и совѣтъ товарищамъ козакамъ; кажется, придумалъ самое разумное, что только можно было, да что изъ этого разумнаго-то выйдетъ? Нѣтъ, нѣтъ, себя не обманешь! На просьбу козацкую сеймъ не посмотритъ, а король если-бъ и захотѣлъ что сдѣлать, не сможетъ ничего. Обрѣжутъ еще больше права, сократятъ реестры... дѣло знакомое. А дальше?! Положимъ удалось бы имъ поднять войну съ Турціей... На время войны ляхи дали-бъ имъ льготы и обѣщали-бы въ будущемъ золотыхъ вольностей цѣлый сундукъ! Да что себя тѣшить дѣтской надеждой,—окончилась-бы война и снова установились бы старые порядки... Имъ-ли, горсти козаковъ, покорить лядскія силы? Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ, если-бъ весь народъ поднялся, если-бъ... и чувствуетъ Бог-

данъ смутно, въ глубинѣ своей души, что всѣ эти полумѣры не поведутъ ни къ чему, что надо стряхнуть съ плечей своихъ всѣ „пута“ и глянуть судьбѣ прямо въ глаза. Но чувствуетъ и то Богданъ, что стряхнуть эти „пута“, все равно, что перерубить Гордіевъ узелъ,—и съ досадой, съ упорствомъ старается онъ заглушить эти мысли новыми впечатлѣніями, но нѣтъ, не умолкаютъ онѣ, а стономъ проникаютъ глубоко въ сердце.

Перемѣнился даже Богданъ. Привычная веселость его какъ будто совсѣмъ отлетѣла; улыбка стала рѣже освѣщать лицо; выразительные глаза, вспыхивая огнемъ, туманились сразу налетавшей тоской. Никто не замѣчалъ этого, одна лишь Ганна, въ минуты глубокой задумчивости Богдана, не отводила отъ него глазъ, желая проникнуть въ самую душу его: она чуяла, что дядько страдаетъ, и угадывала въ этомъ страданіи отраженіе великаго народнаго горя...

Подъ давленіемъ гнетущихъ невзгодъ, скрытный вообще у Богдана характеръ сталъ совершенно замкнутымъ. Угрюмый и молчаливый, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своими думами и изрѣдка говорилъ лишь съ одной Ганной; и прежде она занимала въ семьѣ центральное мѣсто, завоевывая у дядька и любовь къ себѣ, и особое уваженіе, а теперь, послѣ своего подвига, она стала на почетную высоту. Богданъ съ трогательнымъ чувствомъ заводилъ иногда съ ней рѣчь, преимущественно о дѣтяхъ, о семьѣ, о хозяйскихъ мѣропріятіяхъ. Хотя эти бесѣды и переходили часто съ будничныхъ вопросовъ на дружескія теплыя темы, но все-таки мало проскальзывалъ въ нихъ внутренній міръ глубокой души Богдана. Ганна, впрочемъ, была счастлива и такой долей довѣрія, ея сердце радостно трепетало и воодушевлялось священнымъ огнемъ.

Разъ, какъ то, обойдя свое хозяйство, пришелъ особенно мирно настроеннымъ въ свою свѣтлицу Богданъ. Пониженіе его въ должности, съ войсковаго писаря вновь на сотника, казалось ему теперь просто благополучіемъ: оно не заставляло его торчать въ Чигиринѣ, въ канцеляріи, а давало возможность проживать паномъ въ своемъ излюбленномъ хуторѣ. Закуривъ свою вѣрную „люльку“, Богданъ съ наслажденіемъ прилегъ на лавкѣ; глаза его упали случайно на висѣвшую на стѣнѣ и запыленную совершенно бандуру; снялъ онъ бережно утѣшительницу козачьяго горя, стряхнулъ съ нея пыль и началъ настраивать долго молчавшія струны. Сначала послышался робкій, жалобно дребежжащій звонъ, а потомъ звуки окрѣпли, стали стройными и разсыпались въ бѣглыхъ аккордахъ. Богданъ былъ отличный бандуристъ и въ душѣ музыкантъ; затрепетали струны, и полились протяжныя думы и игривые шумки. Звуки долетѣли и

до „бабинца“ и отразились на всѣхъ лицахъ семьи необычайной отрадой; болѣе смѣлые члены ея рискнули пріотворить даже дверь отцовской свѣтлицы, а остальные помѣстились въ сѣняхъ и слушали съ наслажденіемъ роскошные родные мотивы. Богданъ не замѣчалъ своихъ скрытыхъ слушателей, а отдался весь музыкальному настроенію; изъ пѣвучаго инструмента вылетали и могучіе, и нѣжно-печальные звуки... И странно: величавыя думы, полныя торжества и побѣды, звучали и въ мажорномъ тонѣ какою-то широкою печалью, а игривые, бѣшеные танцы кипѣли минорными, хватающими за душу звуками,—словно и дикое веселье этого забытаго счастьемъ народа было лишь порывомъ отчаянія отъ накипѣвшихъ страданій и слезъ. Увлекаясь все больше, Богданъ началъ и подпѣвать своимъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ; сначала тихо, а потомъ смѣлѣе и громче раздались по свѣтлицѣ поэтическія слова:

Ой, изъ широкой степи, изъ раздолья,
Вылетала орломъ наша воля...

Въ „думѣ“ говорилось дальше про подвиги козака, про его удаль, про его вольное погулянье, а потомъ по этой же самой степи онъ ѣдетъ, качаясь въ сѣдлѣ, но не хмѣль его растаталъ, а тяжелое горе, отъ котораго даже и конь клонитъ голову; недоля та не проста, а неодолима: переорана степь, спутаны ноги коню, и вонзилась стрѣла въ сердце козачье. Козакъ умираетъ среди степи и сзываетъ вольныхъ орловъ тризну править по бѣломъ тѣлѣ козачьемъ.

Гей, слетайтесь до ранней денницы,
Вы, орлы, мои вольныя птицы;
Помяните меня о полночи,
Клюйте смѣло козацкія очи!

Могучимъ и страстнымъ голосомъ пропѣлъ Богданъ эти строфы и вызвалъ у всѣхъ потрясающее впечатлѣніе; звуки его голоса, поддерживаемые бандурой, тянули къ себѣ слушателя неотразимою силой; дѣти, сами того не замѣчая, очутились уже среди свѣтлицы; Ганна стояла у дверей въ нѣмомъ восторгѣ, съ орошеннымъ слезами лицомъ и устремленными на Богдана глазами. А у Богдана у самого набѣгала на рѣсницу слеза и двоила лады на бандурѣ. Онъ повернулся и, замѣтивъ неожиданныхъ слушателей, сразу ударилъ по струнамъ и перемѣнилъ грустную пѣсню на веселый танцовальный мотивъ.

„Колыбъ мени лыха, та лыха,
Колыбъ мени свекрухонька тыха“!

— Гей, дѣтвора! —крикнулъ онъ подъ звонъ бандуры,— сади „горлицу“!

„Ой, дивчына горлыца
До козака горнется,

А козакъ, якъ орелъ,
Якъ побачивъ, тай умеръ"!

И пустились Тимко съ Катрей въ огненный, увлекательный танецъ, а Богданъ имъ подгикивалъ да поддавалъ жару и прибауткой, и голосомъ.

Сразу веселое настроеніе овладѣло всѣми; послышался ободрительный говоръ и смѣхъ, растворилась шире хозяйская дверь, показались въ ней головы новыхъ слушателей, и послышался въ сѣняхъ мѣрный топотъ дѣвичьихъ „закаблуковъ" и звонъ козацкихъ подковъ...

Только поздно Богданъ уснулъ, упоенный сладкой минутой мирной радости и тихаго семейнаго счастья, уснулъ съ мутнымъ сознаніемъ, что это для него недосягаемый рай.

Проснулся утромъ Богданъ и былъ пораженъ изъ-синя-бѣлымъ отблескомъ на потолкѣ и на стѣнахъ, наполнившимъ комнату веселой игрой свѣта. Бодро онъ схватился съ постели и заглянулъ въ окно, угадавъ сразу причину этого явленія: на деревьяхъ и на полянкѣ лежалъ легкимъ покровомъ только-что выпавшій снѣгъ. Съ молодымъ жизнерадостнымъ чувствомъ прошелся Богданъ по двору и саду, вдыхая полною грудью свѣжій, слегка морозный воздухъ, и, вернувшись, съ удвоеннымъ аппетитомъ принялся за свой утренній завтракъ—гречаные вареники со сметаной, какъ вдругъ вошелъ къ нему въ дверь, низко кланяясь и отирая заиндевѣвшую бороду, его „орандарь" Шмуль, вошелъ и остановился у дверей, ожидая покорно, пока „поснидаетъ" панъ господарь.

— А что скажешь, Шмуль?—обратился къ нему Богданъ, утоливъ первый голодъ.

— Ко мнѣ, вельможный пане,—оглядывался таинственно Шмуль,—пріѣхалъ Абрумка, хорошій честный жидокъ, мой родичъ.

— Ну, а мнѣ что? Хоть бы и два родича,—бралъ ложкою вареникъ Богданъ, кидалъ его въ густую сметану и потомъ, повернувши раза два, отправлялъ, придерживая усы, въ ротъ.

— Онъ, вельможный пане, изъ-подъ Бара, изъ Войтовцевъ, коли знаете! Хорошую имѣетъ аренду, и жена у него антикъ, и девятеро дѣтей.

— А пусть онъ ихъ себѣ на шею повѣситъ! Экъ съ чѣмъ пришелъ!

— Онъ до меня и до вашей мосци на „раду" пріѣхалъ.

— На какую „раду"? Еще, хвала Богу, жидовскимъ рабиномъ не былъ,—закурилъ Богданъ люльку.

— Видите, вельможный пане, ему предлагаютъ хорошій гешефтъ: мы съ нимъ дѣлали „рахубу". Ой, какой сличный гешефтъ! Только онъ опасается, боится,—подошелъ Шмуль близко и, обло-

котившись руками на столъ, склонился къ Богдану, словно желая сообщить интереснѣйшую секретную вещь.

— Какой тамъ гешефтъ?—пустилъ Богданъ Шмулю въ носъ густую струю ѣдкаго дыма.

— Фу!—закашлялся въ полу жидъ,—крѣпкій „тютюнъ!“ Добрый „тютюнъ!“... Фе! Но я имѣю для его мосци еще лучшій антикъ! Такъ вотъ, пане добродію, что ему предлагаютъ въ аренду—хлопскую церковь!

— Что-о?—откинулся Богданъ и вынулъ изо рта „люльку“.—Какъ? Я не разслышалъ.

— Отдаютъ въ аренду ему, говорю, церковь. Панъ отдаетъ хлопскую церковь.

Богданъ впился глазами въ жида и нагнулся въ угрожающей позѣ; новость до того была дерзка и нелѣпа, что Богданъ почиталъ своего жида спятившимъ съ ума, и только.

— Да ты что, бѣлены облопался, или тебѣ Ривка „гугелемъ“ мозги отшибла?—крикнулъ онъ грозно.

— Дали-бугъ, вельможный пане,—отскочилъ Шмуль въ испугѣ, и пейсы у него два раза подпрыгнули,—я не вру... Онъ мнѣ божился... это честный жидокъ... Просто отдаетъ панъ въ аренду, какъ корчму: заплати „рату“, а самъ получай себѣ деньги съ хлоповъ за требы, стало быть—за крестины, за похороны, за службу...

— И ты этому паршивому своему родичу не вырвалъ языка? Гдѣ онъ?—поднялся Богданъ.

— Ой, пане ясновельможный... Онъ ничего... совсѣмъ... ничего.

— Онъ взялъ эту церковь въ аренду?

— Нѣтъ, пане, боится... Оно выгодно... по „рахубѣ“...

— Ахъ вы, сатанинское отродье!—наступалъ Богданъ.—Уже и за „рахубу“? Да вѣдь развѣ вамъ не жаль своихъ головъ? Вѣдь такъ или иначе, а будетъ расправа за такое вопіющее дѣло, и первыхъ перебьютъ васъ!

— Конечно, вельможный пане, и я говорю то-же... и я говорю то-же Абрумкѣ... а онъ на это: что панъ, молъ, заспокоиваетъ, будто теперички и жолнеровъ и „кварцяныхъ“ войскъ довольно... и еще панскихъ надворныхъ командъ... что теперички, говоритъ, ни козаки, ни хлопы бунтовать не смѣютъ, потому что, звиняйте, добродію, имъ шкуру сдерутъ...

— Врутъ, ироды! Не сдерутъ!—ударилъ Богданъ такъ по столу люлькой, что она разлетѣлась въ дребезги, а жидъ въ ужасѣ отскочилъ и присѣлъ у порога.—Если ты хоть подумаешь когда объ этомъ,—подошелъ онъ къ жиду, побагровѣвъ отъ кровавой обиды

и сжавъ кулаки,—то лучше тебѣ было и на свѣтъ не родиться... Скажи это и Абрумкѣ, и всѣмъ жидамъ. Если хоть одинъ изъ вашихъ пейсатыхъ польстится гдѣ-нибудь на такое безбожное дѣло, то сотремъ все ваше племя съ земли!... Знай ты, Іуда, что вотъ пусть только Абрумка возьметъ, дотронется своими нечистыми руками до церкви, то изъ тебя и твоихъ жиденятъ духъ вытрясу!—схватилъ Богданъ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, Шмуля за шиворотъ, приподнялъ и потрясъ на воздухѣ.

— Ой, гвалтъ! Ратуйте! Вельможный пане!—повалился Шмуль въ ноги Богдану.—Никогда въ свѣтѣ!.., Всѣмъ закажу! Чтобы я не переступилъ.,.

— Вонъ!—нѣсколько успокоившись, топнулъ ногою Богданъ и вытолкнулъ обезумѣвшаго жида за двери.

Остывши отъ вспышки и взвѣсивъ хладнокровно всѣ обстоятельства, Богданъ остановился на томъ, что такое мѣропріятіе со стороны пановъ невозможно, что это было бы чудовищнымъ, неслыханнымъ на всемъ свѣтѣ насиліемъ, что не обезумѣли-же они, не осатанѣли въ конецъ.

Пошелъ Богданъ къ священнику, отцу Михаилу, потолковать объ этихъ слухахъ; хотя и батюшка нашелъ ихъ невѣроятными, но тѣмъ не менѣе въ душѣ сотника шевелилось сомнѣніе, изъ глубины ея вставали призраки ужасовъ и тяжелымъ предчувствіемъ ложились на смятенное сердце.

Былъ вечеръ. Словно гигантскій рубинъ, догорало заходящее солнце. Ярко-красные лучи его окрашивали пурпуромъ верхушки высокихъ яворовъ, присыпанныхъ слегка снѣгомъ, и отсвѣчивались нѣжнымъ розовымъ отблескомъ на бѣлыхъ покровахъ нижнихъ вѣтвей; они играли багрянцемъ и на выходящихъ въ садъ окнахъ Богдановой свѣтлицы, горѣли кровью на дорогой чеканкѣ „гаковницъ“ и на струнахъ висѣвшей бандуры.

На низкомъ турецкомъ диванѣ, упершись локтями въ колѣни и склонивъ на руки буйную голову, сидѣлъ въ глубокой задумчивости Богданъ. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что и не замѣтилъ, какъ тихо вошла къ нему Ганна и остановилась возлѣ дверей, вся проникнутая новымъ приливомъ печали дорогого всѣмъ батька. Стройная фигура ея, освѣщенная лиловыми полутѣнями, казалась теперь легкой, воздушной... Длилось молчаніе; наконецъ, невольный, глубокій вздохъ Ганны заставилъ вздохнуть Богдана и поднять глаза.

— Ганна, любая моя, я и не замѣтилъ тебя... А что? — окликнулъ онъ ее мягкимъ, уныло звучащимъ голосомъ.

— Я...—смѣшалась какъ-то Ганна,—хотѣла спросить дядька, нельзя ли хоть здѣсь пріютить людей... вотъ въ двухъ рабочихъ хатахъ, что за гумномъ?

— Какихъ людей?—встрепенулся Богданъ и какая-то тревога сверкнула на мигъ въ его взорѣ.

— Говорятъ,—подошла ближе къ столу Ганна,—въ дальнемъ хуторѣ, въ байракахъ и въ лѣсу появились цѣлыя семьи людей... и дѣти между ними... а теперь вотъ холодно, и вотъ-вотъ зима.

— Семьи съ дѣтьми? Какъ дикіе звѣри?—схватился взволнованный Богданъ и направился къ двери.—Нужно немедленно туда поскакать и развѣдать.

— Не тревожься, дядьку, я уже распорядилась, послала Ахметку, а самому теперь ѣхать туда не къ чему: вѣдь верстъ восемь отсюда; пока доѣдешь, будетъ ночь.

— Пожалуй и такъ, а завтра утромъ рано поѣду... Когда Ахметка вернется?

— Да къ ночи вѣрно; я ему наказала, чтобы дѣтей и хворыхъ съ собой забралъ... такъ можетъ и запоздаетъ.

— Спасибо тебѣ, дорогая, что такъ распорядилась. А какъ ты думаешь, Галю... Сядь вотъ здѣсь, потолкуемъ... Откуда это бѣглецы? Изъ-подъ Старицы-ли? Такъ нѣтъ... тамъ дѣтей быть не могло.

— Я сама такъ думаю, что нѣтъ, и по времени не выходитъ... Можетъ быть, въ дальнихъ отъ насъ селахъ начались уже такія притѣсненія, что народу не въ моготу стало терпѣть, вотъ онъ и уходитъ.

— Да, это вѣрнѣе всего, и это зло, коли началось, то неминуче разольется по всей Украйнѣ.

— Неужели же противъ этого зла бороться нельзя?—вздрогнула Ганна и остановила на Богданѣ свой пытливый взоръ.

— Къ несчастію, безъ народа борьба невозможна... я въ этомъ глубоко убѣжденъ,—сказалъ печально Богданъ,—хотя многіе думаютъ не такъ, вотъ и твой братъ; но пора уже намъ призвать на помощь къ мужеству разумъ: противъ грубой силы нужно выставить хитрость, противъ наглаго нападенія—тайный подкопъ, противъ пьянаго своеволія—трезвый, братскій союзъ... Нужно и въ своихъ требованіяхъ быть умѣренными и къ невозможному не стремиться: нельзя же странѣ быть безъ рабочихъ рукъ... Всякому свое: рыцарю—мечъ, купцу—вѣсы, а пахарю—рало. И въ писаніи сказано: ина слава солнцу, ина—мѣсяцу и звѣздамъ.

— Но вѣдь нашъ народъ всегда былъ свободенъ, и земля его родовое добро, а шляхта отымаетъ и хочетъ вольный людъ обратить въ своихъ подданныхъ.

— Такъ пусть же этотъ людъ тоже стоитъ за себя,—закурилъ Богданъ люльку,—а то на Запорожье бѣгутъ, еще охотнѣе идутъ на льготы къ панамъ, а какъ козаки за себя и за нихъ несутъ головы, то ихъ и не видно.

— Что-жъ? Пока льготы держатъ паны, пока хорошо живется, такъ что-жъ имъ волноваться? Нашъ народъ любитъ землю, хлѣбопашество...

— Нѣтъ!—раздражительно началъ Богданъ, закинувъ ногу за ногу,—коли считаешь, что земля твоя собственность и что самъ ты не запродаешь никому своей воли, такъ стой на своемъ и не бѣги на приманки, а коли бойцы поднимаютъ мечи, такъ становись всѣ до одного въ ихъ ряды: и костьми ляжь, или врага сокруши—вотъ это я понимаю.

— Но вѣдь такихъ головъ, какъ у дядька, нѣтъ больше на Украйнѣ,—съ глубокимъ чувствомъ замѣтила Ганна.

— Что ты, любая! Украйна не бѣдна головами, да только все врозь идетъ... оттого-то насъ и одолѣваютъ, да и народъ все до сихъ поръ сноситъ... значитъ, мало еще ляхи ему сала за шкуру залили, когда припекутъ его больше, тогда или подымется онъ, если Богомъ призванъ жить на свѣтѣ, или покорится совсѣмъ рабской участи, если онъ обреченъ на погибель!

— Неужели же нужно желать еще мукъ нашему несчастному люду? Развѣ безъ этихъ слезъ невозможно спасенье?—заломила Ганна руки и безнадежно склонила голову.

— Невозможно,—сурово и мрачно сказалъ Богданъ,—и они дождутся, что шляхта затянетъ въ ярмо имъ шеи и обратитъ въ воловъ подъяремныхъ, и это настанетъ, потому что некому будетъ отразить насиліе.

— Какъ, дядьку?—всплеснула руками Ганна, и глаза ея открылъ ужасъ,—такая страшная доля грозитъ нашей родинѣ?.. И неужели у нея не найдется защитниковъ?

Богданъ положилъ люльку, обвелъ мрачнымъ взглядомъ всю свѣтлицу и свѣсилъ голову, потомъ промолвилъ упавшимъ голосомъ:

— Думаю, что нѣтъ, и эта мучительная дума сосетъ мнѣ сердце, точитъ силу,—вздохнулъ онъ и потеръ рукою лобъ, словно желая выдавить оттуда неотвязную мысль.—Здѣсь вотъ у меня собирались, думали, гадали, да путнаго-то ничего не придумали... Силъ-то у насъ настоящихъ нѣтъ, чтобъ помѣряться съ Польшей. Удальцовъ, что съ улыбкой, съ веселъемъ понесутъ жизнь свою

въ самое пекло, такихъ лыцарей, какихъ и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, такихъ у насъ наберется не мало, да что они смогутъ? Честно, со славою лечь, а народъ-то останется все рабомъ и только стономъ въ пѣснѣ будетъ поминать ихъ славное имя!

— Нѣтъ, такого ужаса быть не можетъ!—встала Ганна и, сложивъ набожно руки, подняла къ старинному образу, озаренному лампадкой, строгій, почти суровый взглядъ.—Этого, Онъ, распятый за насъ, не допуститъ!

— Ему то, всесильному, все возможно: и свѣтила, и звѣзды падутъ, и возстанутъ по единому слову, но, видно, мы прогнѣвали Милосерднаго, и отвратилъ Онъ отъ насъ Свое око.

— Милости и любви Его нѣтъ границъ,—тихо, съ глубокою вѣрой промолвила Ганна.

— Все это такъ, мое золотое сердце, да только Богу молись, а самъ непрестанно трудись, на Бога уповай, а самъ не плошай!... Теперь же, что безъ пастыря стадо овецъ?—говорилъ Богданъ, и въ голосѣ его дрожала такая теплота, такая сердечность, что у Ганны встрепенулась душа, и легкій румянецъ проступилъ на блѣдныхъ щекахъ.

— И потерпимъ, но не упадемъ въ покорномъ безсиліи!—вскликнула дѣвушка, и глаза ея засвѣтились и потемнѣли.—Защитникъ и борецъ у насъ есть!

— Кто, кто, Галю?

— Нашъ первый лыцарь Богданъ!

— Дорогая моя!—вспыхнулъ Богданъ.—Ты не умѣешь льстить, но тебя ослѣпляетъ твоя привязанность, твое дивное сердце... Куда мнѣ?

— Нѣтъ!—воодушевилась еще больше Ганна.—Къ чему сомнѣнія? Голова нашего батька не должна клониться отъ думъ, а должна смотрѣть гордо и смѣло въ глаза нашей долѣ; я вѣрю, глубоко вѣрю, что Господь тебѣ дастъ и мощь, и разумъ, и доблесть, что Его Десница на твоемъ челѣ,—уже почти безсознательно, вдохновенно говорила она, и голосъ ея звучалъ властно.—Вся Украйна на тебя только и смотритъ и въ тебѣ грѣетъ надежду; она преклонится передъ твоимъ словомъ и, когда ударитъ часъ, то всѣ пойдутъ за тобой и даже у слабыхъ горлицъ выростутъ орлиныя крылья!

Вся фигура дѣвушки, энергично наклоненная впередъ, съ поднятой рукой и пылающимъ взоромъ, дышала силой и красотой; на чело ея упалъ послѣдній лучъ догоравшаго солнца, словно пророческое вдохновеніе, слетѣвшее съ небесъ.

X.

Поднятая буря въ едва успокоившемся сердцѣ Богдана вскорѣ снова притихла: съ одной стороны, сообщеніе Шмуля не подтверждалось никакими посторонними слухами, съ другой—кричащія нужды бѣглецовъ приковывали къ себѣ все вниманіе „господаря“ и заставляли его съ утра до ночи хлопотать вмѣстѣ съ Ганной объ этихъ несчастныхъ. Наконецъ, перепуганный Шмуль началъ потомъ отпираться и молоть такой вздоръ, что Богданъ счелъ его самого изобрѣтателемъ проэкта новыхъ арендъ и успокоился. Жизнь снова потекла на хуторѣ такъ тихо и спокойно, какъ воды глубокой рѣки по мягкому руслу.

Богданъ весь отдался хозяйственнымъ заботамъ и чувствовалъ, какъ этотъ новый приливъ дѣятельности и окружающая его любовь съ каждымъ днемъ усмиряли и исцѣляли его душевныя боли; онъ могъ бы считать себя даже счастливымъ, если бы этотъ мирный трудъ не нарушался неумолкающими мыслями о будущемъ, да крикомъ голодныхъ, стекавшихся къ нему ежедневно. А ихъ являлись цѣлыя толпы. Это были жалкіе, оборванные люди, съ заросшими лицами, всклокоченными волосами. Женщины были изможденны и худы, дѣти всѣ казалися слѣпленными изъ какого-то прозрачнаго желтаго воска, съ одутловатыми щеками и большими животами, мѣшавшими имъ ходить.

Когда морознымъ утромъ Богданъ выходилъ на крыльцо, они уже толпились кругомъ, жалкіе, голодные, заворачиваясь въ рваныя свитки.

— Господи? что дѣлать мнѣ съ вами?—спрашивалъ Богданъ, окидывая сострадательнымъ взглядомъ дрожащую толпу.

— Что хочешь, батьку, только не гони: умремъ тутъ, все равно идти намъ некуда!—стонали жалобные голоса.

— Да откуда вы всѣ?—изумлялся Богданъ.

— Изъ табора Гуни!—раздавалось изъ нѣкоторыхъ угловъ.

— Почему же не идете назадъ къ своимъ владѣльцамъ? Коронный гетманъ прощаетъ всѣхъ.

— Эхъ, батьку Богдане?—выступилъ изъ толпы старый, сѣдой дѣдъ.—Вѣдь самъ ты добре знаешь, какое гетманское прощенье! Отъ добра люди холодной зимой изъ теплой хаты не побѣгутъ... Истребилъ наше жилье и добро Потоцкій, ограбилъ послѣднее, чего не могъ забрать—пожогъ. Хлѣбомъ лошадей кормилъ, а людей, что вернулись назадъ на свои насиженныя гнѣзда, на „пали“ сажать велѣлъ, канчуками до смерти засѣкалъ. Сколько нашихъ померзло въ глубокихъ оврагахъ!—махнулъ дѣдъ рукою, утирая рукавомъ подслѣповатые глаза.—Вотъ сколько этихъ сиротъ подобрали мы,—указалъ онъ на группу дѣтей, испуганныхъ, гряз-

ныхъ, съ окоченѣлыми руками, съ глазами, опухшими отъ слезъ. Грудныхъ-то побросали, пусть ужъ замерзаютъ на материнской груди,— все равно имъ не жить! А тамъ у Господа Бога имъ, невиннымъ ангеляткамъ,—задрожалъ голосъ дѣда,—теплый пріютъ. Не гони насъ, батьку, прими хоть за харчъ!—сбросилъ онъ шапку и низко поклонился передъ Богданомъ, а за нимъ обнажились всѣ всклокоченныя головы, и послышался робкій плачъ женщинъ да тоскливый писк дѣтей.—Вѣрными слугами до самой смерти будемъ!—Голова старика затряслась и красные глаза заслезились.—Ой, повѣрь, батьку, не легко кидать насиженныя гнѣзда въ такіе года!

— Диду, да развѣ у меня можетъ быть такое въ думкѣ— отгонять своихъ кровныхъ людей? Только вотъ горе, что дѣвать-то васъ некуда,—отворачивался вострону Хмельницкій,—полонъ весь дворъ, всѣ жилья, даже у „подсусидковъ“...

— Есть, дядьку, есть куда!—раздавался за нимъ каждый разъ дрожащій голосъ. Богданъ оглядывался и видѣлъ блѣдную Ганну.— Мы помѣстимъ ихъ въ сараи, въ коморы, дядьку,—говорила она, запинаясь отъ волненія,—нельзя же такъ выгнать этихъ людей!

— Хорошо, моя ясочко, хорошо,—ласково улыбался ей Богданъ,—веди ихъ, накорми, да выдай хочъ кожуховъ, а мы ужъ тамъ придумаемъ, что дѣлать!

Но, однако, придумывать было довольно трудно, потому что уже и дворъ Богдана былъ переполненъ, и у каждаго подсусидка ютилось по два, по три бѣдняка, а притокъ ихъ не уменьшался. Теперь приходили уже бѣглецы съ сѣверной Украйны; они приносили страшныя извѣстія о новыхъ и новыхъ звѣрствахъ пановъ, объ утѣсненіяхъ уніи. Каждое такое извѣстіе мучительно пробуждало боль, засыпавшую было въ душѣ Богдана. Однако, надо было придумать, что дѣлать съ народомъ, и мысль эту подала Ганна. Она предложила Богдану заселять пришлымъ народомъ земли, подаренныя королемъ Владиславомъ по ту сторону Тясьмина. Богданъ съ живостью ухватился за эту мысль. Закипѣла въ хуторѣ торопливая работа. Поселенцамъ отпускался лѣсъ для новыхъ построекъ, деньги и хлѣбъ; подсусидки помогали имъ въ работахъ. Какъ оживились эти желтыя, изможденныя лица, принимаясь за постройку новаго жилья! Холодъ мѣшалъ, но отъ этого бѣды было мало. Имъ улыбалась новая, счастливая, тихая жизнь. И хатка за хаткой вставали въ балкахъ маленькіе поселки. Поселившій Богданъ ѣздилъ ежедневно осматривать возникающія постройки, гати, дороги и вѣчно шумящіе „млыны“. Все было исправно, все было въ ходу, на мертвыхъ пустошахъ кипѣла новая жизнь, и это доставляло большую радость домовитости Богдана.

Какъ пріятно было въ морозный зимній денекъ скакать въ коротенькомъ кожушкѣ на вѣрномъ Бѣлашѣ, осматривая свои имѣнья! Кругомъ разстилалась необозримая снѣжная равнина; кое-гдѣ чернѣли рѣдкіе, сквозные лѣса; въ небольшихъ балкахъ ютились поселки; кусты и деревья, окружавшіе хаты, гнулись теперь еще ниже подъ тяжестью нависшаго снѣга. Сами хаты съ ихъ снѣжными, низкими кровлями казались бѣлыми грибками; но голубоватый дымъ, подымавшійся ровнымъ столбомъ къ небу, давалъ знать о хлопотливой жизни, кипѣвшей въ хуторахъ. И Богданъ приподымался въ стременахъ и, окидывая взглядомъ всю окрестность, съ гордостью чувствовалъ, что все это дѣло его стараній, его рукъ.

О послахъ на сеймъ не было ни единой вѣсти. И въ эти минуты мысли о положеніи Украйны, казалось, засыпали въ немъ. Видъ этихъ пригрѣтыхъ, спасенныхъ людей наводилъ сладкій покой на его душу, и такъ хотѣлось Богдану удержать его подольше, навсегда!

Какъ пріятно было возвращаться домой быстрымъ галопомъ! Уже издали подымали навстрѣчу Богдану свои важныя головы высокія скирды на „току“. Несло навстрѣчу дымомъ жилья. Въ морозномъ воздухѣ слышался рѣзкій лай собакъ. Нѣжный, розовый отблескъ падалъ на снѣжныя кровли. Въ высокомъ небѣ загоралась холодная, блестящая звѣзда, а изъ оконъ „будынка“ смотрѣли красноватые, теплые огоньки; тамъ дожидала его ласковая, любящая семья.

Когда же вечеромъ убирали со стола вечерю, гасили свѣчи, и вся компанія собиралась у огонька подлѣ грубки, дѣдъ съ Богданомъ начинали длинные „розмовы“ о битвахъ, о сѣчахъ, о морскихъ походахъ, о взятіи турецкихъ городовъ. И тихо становилось въ полутемной свѣтлицѣ, только весело потрескивали въ грубкѣ дрова. Передъ иконой свѣтилась лампадка, да иногда вспыхивала короткая „люлька“ Богдана и освѣщала его воодушевленное лицо.

Дѣдъ помнилъ еще Лободу и Наливайка. Съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о нихъ! — Ге-ге-ге, дѣтки! — начиналъ онъ всегда свои разсказы. — Это еще давно, давно было, когда проклятой уніи не выдумывали паны и ксендзы. — Когда же дѣло доходило до послѣдней битвы Наливайка, до того, какъ его зарубили въ таборѣ сами взбунтовавшіеся козаки, — голосъ дѣда обрывался; онъ угрюмо отворачивался всторону и добавлялъ, вздыхая глубоко: — Эхъ, славный же былъ козакъ! И собою хорошъ былъ, да такъ же хорошъ, что ни одна дивчына, ни одна баба забыть его не могли! Молодецъ былъ! Какое золотое имѣлъ сердце! Каждому было у него ласковое слово, веселый привѣтъ! А ужъ что храбръ...—

но здѣсь дѣдъ только махалъ рукою и добавлялъ тихо: —не видать мнѣ такихъ козаковъ!

Богданъ разсказывалъ о страшной Цецорской битвѣ, о старомъ гетманѣ Жолкѣвскомъ, о томъ, какъ онъ, Богданъ, изъ турецкаго плѣна бѣжалъ. И говорилось объ этомъ такъ легко у теплаго, роднаго камелька, и казались всѣ эти минувшія грозы старыми сказками сѣдой старины. Когда же Богданъ вспоминалъ о смоленской битвѣ, онъ снималъ дорогую саблю съ драгоцѣнной рукояткой и, положивши ее къ себѣ на колѣни, обнималъ за плечо Тимоша и говорилъ, указывая на нее: —Помни, Тимошъ, ты у меня старшій въ родѣ; эта сабля достанется тебѣ,—помни, что отецъ заслужилъ ее честно изъ рукъ самого королевича; ты будешь носить ее, и ты долженъ быть достоинъ ея. Слушай меня и разскажи объ этой битвѣ и дѣтямъ, и внукамъ—пусть перейдетъ ея слава изъ рода въ родъ.

А Тимошъ сжималъ свои черненькія брови, и отъ гордаго волненія слезы выступали у него на глазахъ.

Дѣтки засыпали подъ долгіе разсказы, подъ убаюкивающій вой вѣтра въ трубѣ; одна только Ганна сидѣла, затаивъ дыханіе, съ поблѣднѣвшими щеками, съ глазами, широко-глядящими въ глубокую темноту. Въ окна бился мягкій снѣжокъ. Изъ большой сѣнной комнаты доносилось тихое пѣніе и журчаніе веретена. А въ раскрытыя двери, приподнявшись на своей постели на локтѣ, глядѣла на освѣщенную огнемъ печки группу больная жена Богдана; головки дѣтей тѣснились подлѣ батька, Юрась спалъ на колѣняхъ у Ганны, дѣдъ мѣрно покачивалъ своей сѣдой головой. И тихія слезинки, одна за другой, падали съ пожелтѣвшихъ, поблекшихъ щекъ ранней старухи. О чемъ плакала полумертвая женщина? О томъ-ли, что ей скоро придется разстаться съ этой уютной, теплой жизнью и нырнуть въ какую-то холодную, невѣдомую, вѣчную тьму? Нѣтъ, она благодарила Творца за эти счастливыя минуты, озарившія ея недолгіе дни.

И тихое счастье развивалось надъ домомъ Богдана, и, казалось, кровавое горе не заглядывало и не заглянетъ сюда никогда.

Ахметка между тѣмъ не разъ и не два леталъ по порученію Ганны въ Золотарево, къ ея брату, и заворачивалъ всегда къ дьячковой хаткѣ. Такія порученія сталъ онъ изобрѣтать и самъ, предлагая охотно свои услуги Ганнѣ. Послѣдняя, улыбаясь, всегда соглашалась съ нимъ и доставляла тѣмъ Ахметкѣ необычайную радость. Не зная съ дѣтства ни матери, ни отца, ни родныхъ, онъ привязался всѣмъ сердцемъ къ сироткѣ, что также одиноко росла въ маленькой хаткѣ. Отецъ обращалъ на нее мало вниманія: онъ больше звонилъ то въ чарки, то въ колокола... И росла себѣ ма-

ленькая Оксана почти безъ всякаго призора, потому что старая баба, помогавшая дьяку въ его несложномъ хозяйствѣ, заразилась у своего хозяина пагубною страстью къ вину и большую часть времени спала на печи. Сиротка Оксана также привязалась къ Ахметкѣ: какъ радовалась она его пріѣздамъ! Онъ одинъ привозилъ ей гостинцы, онъ одинъ ласкалъ ее...

Быстро соскочилъ Ахметка съ коня, привязалъ его къ плетню и направился къ покосившейся хатѣ. Раннія зимнія сумерки спускались уже надъ селомъ; лиловыя тѣни тянулись по снѣгу. Въ той сторонѣ, гдѣ скрылось солнце, еще алѣла яркая багровая полоса, но въ окнахъ хатки не видно было свѣта, и вся она имѣла такой жалкій, запустѣлый видъ. Ахметка вошелъ въ сѣни, стукнулъ въ двери, но отвѣта не далъ никто. Онъ распахнулъ низкую дверь и вошелъ въ хату. Въ хатѣ было темно и холодно. Тоскливыя темныя сумерки почти совсѣмъ сгустились по угламъ. Все было бѣдно и неопрятно. У раскрытой печи на „припечку" лежала выгребенная кучка холоднаго пепла и черныхъ угольковъ; нѣсколько пустыхъ горшковъ стояли тутъ же. Изъ запечья раздавался чей-то сонный храпъ. У занесеннаго морозными узорами оконца сидѣла дѣвочка, лѣтъ 10, кутаясь въ теплую „юнку". Личико ея прижалось къ стеклу; она такъ углубилась въ свои думы, что и не замѣтила вошедшаго Ахметки. Послѣдній подошелъ, сѣлъ съ ней рядомъ на лавѣ и тихо обозвалъ дѣвочку:—Оксано!

Дѣвочка вздрогнула, обернулась; но при видѣ Ахметки все ея личико освѣтилось дѣтской радостью, и съ крикомъ: „Ахметка!" она бросилась къ нему и уцѣпилась руками за шею.

А это было прелестное маленькое личико съ немного вздернутымъ носикомъ, большими карими глазками и тоненькими, какъ шнурочекъ, черными бровями. Щечки ея были похожи на персикъ,—такія же алыя съ нѣжнымъ пушкомъ.

— Ахъ, какъ я рада, Ахметка, мой любый „цяцяный!"— говорила она, гладя его рученками по щекамъ.—Такъ скучно безъ тебя!

— Родненькая моя, нельзя Ахметкѣ каждый день ѣздить,— цѣловалъ онъ ее въ головку и гладилъ по волосамъ.—А ты все одна сидишь?

— Все одна,—печально говорила дѣвочка,—тато рѣдко бываетъ дома, а какъ вернется красный, то сердитый такой, а баба все спитъ.

— А къ подружкамъ почему не побѣжишь на село? Поиграла бы съ ними.

— Босой холодно, а вотъ въ такой юпкѣ и не побѣжишь, да и дѣтвора меня гоняетъ,—сказала она, наклонивъ головку.

— Такъ ты все, моя бѣдненькая, вотъ такъ и сидишь?

— Сижу, да жду Ахметку.

— У, моя любая!—поцѣловалъ онъ ее звонко въ пухлую щечку.

— А то я еще сижу и все думаю,—улыбнулась и бросила на Ахметку изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ кроткій взглядъ Оксана.

— О чемъ же ты думаешь, дурашечка?—Вотъ хоть бы и теперь, когда я вошелъ?

— О чемъ?—забросила дѣвочка головку и продолжала печальнымъ голосомъ:—думала о томъ, какъ бы мнѣ пойти далеко въ ту сторону, гдѣ садится солнце; тамъ бы я вышла на край неба и пошла бы все по нему, голубою гладкою дорогой до самой середины, посмотрѣла бы на мѣсяцъ и звѣзды, на землю оттуда! Тамъ такъ тепло и свѣтло, а здѣсь такъ холодно, такъ темно, Ахметочка!—проговорила она жалобно, обвивая его шею рученками.—Скажи мнѣ, можно эту дорогу найти?

— Что ты, что ты, Оксано,—погладилъ ее по головкѣ Ахметка,—если пойдешь на заходъ солнца, такъ никогда и назадъ не вернешься! До конца свѣта ногами не дойти, только на черномъ конѣ съ бѣлою гривой можно доѣхать.

— А гдѣ такого коня можно добыть?—сверкнула Оксана глазенками.

— Не знаю гдѣ. А тебѣ развѣ не жалко бы было и батька, и Ахметки?

— Жалко,—отвѣтила Оксана,—только я-бъ и его, и тебя видѣла оттуда сверху... вѣдь солнце видитъ всѣхъ насъ... А баба говоритъ, что и матуся на насъ сверху смотритъ... вотъ я бъ увидѣла и ее.—Дѣвочка помолчала и затѣмъ прибавила тихо, прижимаясь къ плечу Ахметки:—Ахметка, а у тебя мама была?

Ахметка обвилъ рукою шейку дѣвочки.

— Была, Оксано.

— А ты ее помнишь?—говорила Оксана, заглядывая Ахметкѣ въ глаза.

Лицо Ахметки приняло суровое выраженіе.

— Не помню,—отвѣтилъ онъ. Ее татаринъ увезъ, разсказывалъ мнѣ батько Богданъ, а когда наши разграбили улусъ, татаринъ не могъ забрать ее съ собою и убилъ, а самъ бѣжалъ и меня бросилъ. Батько Богданъ подобралъ меня и привезъ домой.

— А! такъ ты татарчонокъ?—уже совсѣмъ весело разсмѣялась Оксана, лукаво взбрасывая глазками на Ахметку.

— Не вспоминай объ этомъ, Оксано,—нахмурилъ брови Ахметка,—моя мать была козачка.

— Ну, не буду, не буду,—зачастила дѣвочка, замѣтивши недовольное выраженіе лица своего товарища, и ухватила его ручками за щеки,—не буду, Ахметка... Ну-жъ, не хмурься, а то я заплачу.—Но когда Ахметка уже улыбнулся и приласкалъ ее, она все таки спросила потихоньку, едва смотря на него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ:—А правда ли, что татаре родятся, какъ собачки, слѣпыми и не видятъ цѣлыхъ девять дней?

Личко ея было такъ комично въ эту минуту, что Ахметка не могъ разсердиться и отвѣчалъ разсмѣявшись:

— Не знаю, голубка, да вѣрно брехня!

— А правда-ли, Ахметка,—продолжала Оксана уже смѣлѣе, опираясь къ нему ручонками въ колѣни и засматривая въ глаза,—правда-ли, что за моремъ живутъ черные люди и ходятъ головою внизъ, а ногами вверхъ?

— Не знаю,—усмѣхнулся Ахметка,—старые люди говорятъ.

Но Оксана проговорила печально, надувши губы:

— Что-жъ ты ничего не знаешь, а еще козакъ! Нѣтъ ужъ лучше я уйду по голубой дорогѣ на небо, тамъ Богъ и ангелы живутъ: у нихъ тепло и свѣтло, они ѣдятъ на такихъ золотыхъ блюдахъ, вотъ такіе,—широко она развела руками,—золоченные вареники.

— Ахъ, ты, бѣдная дивчинка!—разсмѣялся Ахметка.—Да ты вѣрно и не вечеряла, а я тебѣ и гостинца привезъ отъ панны Ганны, да забылъ отдать.

Ахметка быстро выбѣжалъ изъ хаты и вернулся съ мѣшечкомъ въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ сыръ, сваришь себѣ завтра варенички, хоть не золоченые, а гречаные; они вкуснѣй золотыхъ будутъ. А вотъ и маслице свѣжее. Да постой, есть-ли у васъ картофель?

— Есть, Ахметка, тамъ въ коморѣ ссыпанъ,—обрадовалась Оксана, смотря на свѣжее масло и хорошо отдавленный творогъ.

— Ну, такъ я затоплю сейчасъ въ печкѣ,—весело говорилъ Ахметка, потирая руки,—мы спечемъ картофель и устроимъ такую вечерю, что и гетману хоть куда!

Когда веселый огонекъ вспыхнулъ въ печкѣ, затрещали и зашипѣли дрова, Ахметка отгребъ горячую золу, побросалъ въ нее картофель, затворилъ дверь, чтобы не дулъ вѣтеръ, и, придвинувши лавку, усѣлся съ Оксаной передъ печкой.

— Какъ тепло, какъ хорошо!—говорила Оксана, улыбающаяся, раскраснѣвшаяся отъ огня, протягивая зябльія ручонки къ огоньку и слѣдя за картофелемъ, спрятаннымъ въ горячей золѣ.—Ахметка, разскажи мнѣ хорошую, хорошую сказочку!

— Да я, голубко, не знаю.

— Нѣтъ, ты не хочешь, не хочешь!—надула дѣвочка губки.— Ты знаешь все. Скажи мнѣ, правда ли, что передъ Рождествомъ на святъ-вечеръ Христосъ летаетъ надъ землею и смотритъ, что дѣлаютъ дѣтки на землѣ, и если кто увидитъ Христа и попроситъ Его о чемъ, Онъ его просьбу всегда и исполнитъ?

— Правда!—увѣренно отвѣтилъ Ахметка.—Онъ летитъ на большой, большой звѣздѣ съ золотыми лучами, и всѣ звѣри въ лѣсахъ собираются на одну долину, чтобъ увидѣть Его.

Между тѣмъ ароматный запахъ печенаго картофеля распространился по всей хатѣ.

— Готовъ, готовъ картофель!—захлопала въ ладоши Оксана.

Ахметка сталъ его осторожно вытаскивать палочкой. Когда картофель немного остылъ, и Оксана утолила свой первый голодъ, Ахметка вытащилъ изъ кармана связку сушеныхъ яблокъ.

— А вотъ тебѣ, Оксано, еще и на закуску. Ну, не правда-ли, гетманская вечеря?

— Ахметочка, любый мой, какъ я тебя люблю!—крикнула Оксана, прижимая связку яблокъ къ груди и цѣпляясь хлопцу за шею руками.—Слушай, Ахметка,—говорила дѣвочка уже серьезно, грызя своими бѣлыми, какъ у молодой мышки, зубками сушеныя яблоки и подымая на него серьезные глазки.—Вѣдь правда, когда я выросту, ты женишься на мнѣ?

Молоденькое лицо Ахметки съ едва пробивающимися усиками вдругъ покрылось все густымъ румянцемъ; онъ отодвинулся отъ дѣвочки и бросилъ на нее косой взглядъ.

— Ты не хочешь, ты не хочешь!—вскрикнула Оксана, замѣтивши движеніе Ахметки, и на глазахъ ея показались слезы.

— Оксано,—заговорилъ Ахметка, беря ея руку и стараясь подавить проснувшееся вдругъ непонятное волненіе.—Ты это правду говоришь? Ты хочешь пойти за меня?

— Конечно,—вскрикнула радостно Оксана.—А за кого-жъ мнѣ пойти, какъ не за тебя?

— Такъ помни же, Оксано,—проговорилъ увѣренно Ахметка,—и жди меня: когда я сдѣлаюсь запорожскимъ козакомъ, я пріѣду и возьму тебя.

И дѣти вдругъ сдѣлались серьезны и замолчали, держа одинъ другаго за руки... А красныя, догорающія дрова освѣщали ихъ молодыя, задумавшіяся личики теплымъ живительнымъ огонькомъ...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами.

(Съ примѣчаніями М. К. Чалаго) [1]).

V.

Письма Кухаренка къ Шевченку.

1.

2 ноября 1844 г. Станица Уманьская.

Брате, куренный товаришу, Тарасе Григоровичу! Де ты въ Бога взявся? Годъ цилый, якъ прошу письменно своихъ чиновныкивъ, щобъ далы мени звистку: де ты дився, або де живешъ? Але хочъ бы одно слово объ тоби одъ ихъ получивъ. Теперь бачу, що ты живый и що въ Питери обритаешся. Спасыби тоби, брате ридный, що згадавъ есы мене. Скажи мени про себе трошки больше: якъ ты теперъ живешъ и при чому? Чи вы зьиздылы зъ Бориспольцемъ на билому коневи до чужеземцивъ? А я тутъ порадую Харьковську громаду: що ты охляпъ, незанузданною бидою пріихавъ зъ того свита у Питеръ. Що ты, брате, думаешъ зъ „Побытомъ“—напиши мени по правди, а я не тилько „Побытъ“, готовъ душу свою послать до тебе. Ждучи одъ тебе письма, на дозвильли напишу ще. Поклонысь одъ мене панамъ: Тыхорскому, Эльканови и Гулакови. Напиши, де Тыхорского хватеръ, може прійдеться писнуть и

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 2.

ему колы небудь. Прощай, брате, смачно цилую тебе, твій поки свитъ сонця Яцько Кухаренко.

2.

Екатеринодаръ 18 декабря 1856 г.

Здоровъ бувъ Тарасе Григоровичу! Письмо твое, мій старый друже, (отъ 1, 10 и 16 апреля) трійчи писане, дойшло до мене въ такій часъ, якъ Пранци, Британьци та Турки поганьци заходылысь воювать зъ нашимъ билымъ Царемъ. Тай до чорта жъ ихъ натовкалось паровыми байдаками въ Чорне, а потимъ въ Азовськее море. Сусиды наши поганы Черкесы тежъ загралы въ бисыка, пробій хочъ калавуръ кричи, николы й носа втерты. Одначе намъ Богъ помигъ, наставъ миръ и намъ якъ спершу зосталысь на забаву одни Черкесы, зъ ными намъ не вчитысь битысь. Изъ письма твого, брате Тарасе, я бачу, що буцимъ бы то я на коши въ Азовському войску, бо й пидписано на конверти: въ Азовъ—и видно, що те письмо довго ходыло, одначе знайшло мене въ Черноморіи. Теперъ розскажу якъ дiялось: зъ того року, якъ тебе спиткало лыхо, мени трапилось буты у Харькови; тамъ я одъ Могылы (Метлинскаго) взнавъ про твою гирьку долю. Могила мени росказавъ якъ знавъ, але ни одъ кого не можна було взнаты, де ты дився. Та вже ажъ въ 1851 р. мене послано въ Питеръ; тамъ я служивъ въ Департаментѣ военныхъ поселеній присутствующимъ съ правомъ голоса отъ Черноморского и Кавказского козачыхъ войскъ и тамъ у Питери я знайшовъ Элькана, то винъ, спасыби ему, давъ мени твого надрукованого „Гамалія“ и росказавъ, що ты, мій друже, находышся въ Оренбурзи.

Въ тимъ же 51 року въ ноябри мене назначено за Кошевого въ Азовське вiйско; тамъ прослуживъ я по октябрь 52-го року, а въ октябри мене назначено за Кошевого и начальника штаба въ чорноморське козаче вiйско. Оттутъ то, якъ спереду сказано, Пранци, Британьци та Турки поганци намъ дыхать не давалы. На кинци войны назначилы до насъ Кошевого, а я зостався начальникомъ штаба. Въ томъ же 56 року мене послалы у Москву одъ вiйска депутатомъ для присутствованія на коро-

націи, а тымъ часомъ, на мое мисто начальникомъ штаба назначено иншого. Повернувшись изъ Москвы и давши отчетъ въ чимъ треба живу теперъ у своимъ хутори безъ службы, поки найдеться.

Въ Москви Щепкинъ прочитавъ мени на память „Пустку", я заразъ одгадавъ. Хиба дыво пизнать мову Тарасову, знавши Тараса добре? Потимъ приходывъ до мене Щепкинъ на хватеру. Я ему прочитавъ твое письмо до мене. Винъ заплакавъ. Довгенько говорилы объ тоби, хто що знавъ, и поросходылысь.

Вси твои выгадки, друковани до твоеи лыхои годыны, у мене е. Та ще, якъ сказано, я добувъ Гамалію и Пустку, то що найдетьця опричъ сего, брате Тарасе, прошу списати и до мене прислаты, а якъ що е надруковане, то назваты его и сказаты видкиль выписаты.

Теперъ вернимось у Москву. Я, брате Тарасе, сподобився буты на коронаціи. Булы тамъ Пранци, Британци и Турки поганьци, та воны й поизчезнутъ, не побачать такого дыва. Теперь воны разобралы дило, та ажъ христятьця вкупи зъ Турками, що Богъ давъ миръ, а тобъ прійшлось имъ дохнуть зъ голоду. Теперъ воны у насъ купують пшеныцю, платятъ по 13 карбованцивъ за четверть.

Пиши, брате Григоровичу, до мене, чи тоби вернуть твои права и що якъ? Пиши сяко ту такому въ Екатеринодаръ. Посылаю 25 рублей. Купи соби могорича, бо бачъ и мени далы у Москви Станислава 1 ст. Стара моя и диты тоби кланяютьця. Дочку Гальку оддавъ замужъ торикъ, а ти два сыны, що ты знаешъ, служать обидва: старшій командуе ракитными командами, меньшій ще урядныкъ. Опричъ сихъ трехъ ще пятеро— стало всихъ 8: чотыри сыны и чотыри дочки. Будь здоровъ и щаслывый, якъ бувъ. Сёго тоби одъ души и серця желае тебе любящій и поважающій на вики

Яковъ Кухаренко.

P. S. Чи вцыливъ, брате, хочъ одынъ портретъ Головатого изъ переданныхъ тоби въ Питери? Якъ що е, то пришлы, будь ласкавъ.

3 [1]).

7 августа 1857 г.

Друже мій мылый Тарасе Григоровичу!

Въ послѣднихъ числахъ іюля я издывъ въ Одессъ, взявъ изъ института другу дочку и пріихавъ у двохъ до дому въ концы іюля. Тутъ засталы твое письмо зъ виршами [2]). Прочитавъ я его въ простыхъ очкахъ, переписавъ стыхи своею рукою, щобъ безъ омылкы читать було можно. Пошлю, якъ ты здоровъ кажешъ, старому Щепкину, та думаю послаты до Могилы и до Костомарова. Сей чоловикъ недавно обизвався до мене по одному дилу, такъ я зъ того знаю, що нашъ добрый знакомый Николай Ивановичъ Галка проживае въ Саратови [3]). Въ Одесъ я заихавъ моремъ. Въ Одеси и Вознесенскѣ я розсказувавъ добрымъ Южно-руснакамъ, съ которыми ричъ заходыла, де ты теперъ, мій друже, обритаешься, и показувавъ твое полычье (я его обробивъ въ Одеси, звычайно, якъ слидъ). Та й люблятъ же тебе на Украини, брате. Одынъ, по прозвищу Казачинскій, военный офицеръ, ажъ изъ самого Уманя.

На „Записки Южно-русскія“ославъ гроши у Питеръ. Вызволяйся брате, та пріизды на нашу козацьку Украину. Я теперъ не маю никуды далеко ихаты и буду дома,—або въ городи, або въ хутори (50 верстъ отъ города). Якъ що будешъ ихаты трактомъ Ростовскимъ, то шляхъ якъ разъ поузъ мій хуторъ, то заидь у хуторъ, може мене тамъ надыбаешь, а якъ що ни, не буду въ хутори, то скажи, щобъ подалы тоби на визъ чарку горилки, та глекъ молока, выпій и запій, та й поспишай до мене у городъ.

Не кидайся дила, сиречъ, не оставляй писаты. Погасыло кляте лыхо огныще твого талану, але добрый витерокъ повіявъ, позносывъ золу, знайшовъ искорку, ще не погасла, та й почавъ

---

[1]) Не зная объ оставленіи Ш—мъ Новопетровскаго укрѣпленія, Кухаренко пишетъ ему по прежнему адресу.

[2]) См. „Основа“ 1861. Октябрь. Листъ 3-й.

[3]) Псевдонимъ Костомарова Іеремія Галка.

роздуваты огонь, отже и гляды, якъ покотыть пожарами. Поплюй въ колочки, та й строй Кобзу смило, а дали грай; якъ гравъ есы!".

Твій Я. Кухаренко.

4.

Екатеринодаръ. Февраля 21. 1858.

Ажъ теперъ, мій стародавній друже Тарасе Григоровичу, я зобрався одвитыть на посланіе твое, писанне до мене зъ Астрахани ще въ августи прошлаго року. Письмо до тебе на имъя Еленева за Москаля, Ченця и Майскій вечиръ я писавъ; дывуюся, що ты не получавъ його (?).

Чи не соромъ тоби, друже мій стародавній, що твій братъ ридный да служить у насъ въ Чорноморіи, а ты не помусывъ мени й написаты! Годивъ два назадъ ябъ іому помигъ, бо я бувъ тоди на такому мисти, що пидчиненному могъ добро робиты, а теперь минулося... Сынъ мій старшій, що ты іого знаешъ, роспитавсь зъ артилерійскими офицерами, що въ ихъ служитъ твій братъ, сказавъ мени, а я заразъ: „подавай іого сюды!" Отъ и прыйшовъ, а я й питаю: „Якъ тебе зовуть?—Петро Шевченко!—Здоровъ Петре!—Здраствуйте! А я іому выйнявъ зъ запазухи твое полычьча тай показую іому, тай кажу: „А дывыся Петре, що се таке"?—И це мій братъ, каже. Тоди я давай іого садовиты, такъ не сидае, бо добре вымуштрованный сердега. Ну я бачу, що не посажу, почавъ іого роспытуваты: колы въ москаляхъ, де стоить и проч. Сказавъ я іому щобъ ходывъ до насъ, якъ пріиздытымуть (бо воны за 25 верстовъ отъ города) да ему карбованцивъ зъ 10 на обиходку, и оставивъ у сынивъ гостюваты. Посли того Петро навидуетьця до сынивъ у городи, бо я бильше живу на хутори.

Списокъ зъ „Москалевои Крыныци"ославъ у Москву до старого Щепкина, тай писавъ: гляды, кажу, старый, до тебе зъ того свита Тарасъ буде! Дякуе и не надякуетьця. Ты, брате, Тар. Григор. теперъ у Питери. Позбиравши таке, якъ Крыныця, Чернець, Майскій вечиръ и проч. що, тай тыснувъ бы въ друкарни: нехай идуть на свитъ Божій, а якъ що самъ не захо-

чешъ хлопоту, то чи не визметьця панъ Кулишъ? Винъ, видно, парняга добрый. Я его записки украиньски маю и читаю—не начитаюсь [1]).

Твій до вику Я. Кухаренко.

5.

Спасыби тоби, брате куринный товаришу Тарасе Григор., за памятку, що згадавъ мене, прославъ новыхъ Гайдамакъ. Шкода що не отдруковавъ ты за однимъ разомъ Пустки, Крыныци и прочого тобою мени присланнаго изъ того окаянного Петровського (укрѣпленія). А може въ тебе думка, позбиравши ще де чого, та тыснуты ще разъ? Нехай Богъ помогае на добре дило! Що пакъ ваша „Хата", що замысливъ панъ Кулишъ; де винъ теперъ обритаетьця? може поихавъ до Пранцивъ за козиною бородкою, щобъ мы іого не пизналы?

Изъ полычья твого, що въ „Гайдамакахъ", видно, що ты погладчавъ трохи въ Питири. Дай Боже, що бъ ты бувъ здоровъ и не забувавъ до вику кохаючаго тебе Якова Кухаренка.

8 марта 1866 г. Екатеринодаръ.

P. S. Моя стара зъ сынами кланяетьця тоби нызько.

6.

Старый Кобзарю и певный мійдруже Т. Г—чу!

Попереду письмо, а потомъ „Хату" получивъ я въ квитню 26 и заразъ, не читавши ій, сивъ отвѣтъ даты:

Хиба вы хату будовалы догоры ногами? Поставивши въ земли кроквы, выводыли стины? а „Основу" маете робиты на той рікъ? Чи може на тій основи зробите клуню та почнете молотыты? Нехай вамъ Богъ помогае! А я одославши оце письмо, пиду до дочки, тіеи, що ты знаешь—до Гандзи (вона теперъ у насъ гостюе), та будемо читаты „Хату": вона дуже до того

[1]) Упоминаемый въ этомъ письмѣ Петро Шевченко не больше какъ однофамилецъ Тараса и, какъ видно, большой плутъ. Пользуясь довѣрчивостью и добротою генерала, онъ рискнулъ подвезти ему москаля, чтобы выманить у него денегъ. У поэта было только два брата: Никита и Осипъ, которые въ москаляхъ не служили.

дотепна. Моя стара кланяетьця, тоби, брате. Сыны мои десь бьются зъ Черкесами, а я прибигъ зъ хутора въ свій городъ побачиться зъ своею симьею.

А нашъ закадычный Костомара у Питери пануе. Поклонысь ёму, Панькови Срезневскому, Гулаковы, Кукольнику (колы живый), Элькановi. Обнимаю тебе, мій друже! Будь здоровъ, та не забувай до вику поважающаго тебе

Якова Кухаренка.

26. Квитня 1860 року,
Екатеринодаръ.

VI.

Письма Бронислава Залѣскаго къ Шевченку 1856—1859.

1.

Друже мой дорогой! Я получилъ два куска шерстяной матеріи [1]) и въ слѣдъ затѣмъ коротенькое посланіе твое, и спѣшу хотя нѣсколькими словами привѣтствовать тебя и отъ цѣлой души благодарить за все. Кусокъ матеріи на вѣчную память о тебѣ я у себя оставилъ и искренно благодарю тебя. Но знаешь ли, который изъ двухъ остался у меня? вѣрно не угадалъ бы—и именно не тотъ, который я бы выбралъ—въ чемъ и Бюрно [2]) согласился со мною, но случился покупатель только на этотъ кусокъ—и я его отдалъ, а другой тоже очень хорошій оставилъ у себя. 25 руб. сер. сегодня же посылаю Ираклію [3]) для передачи тебѣ. Матерія пришла на канунѣ, отъѣзда Бюрно—онъ былъ почти безъ денегъ, а у него малый ребенокъ, четырехлѣтняя сирота, которую онъ воспитываетъ, и какъ ему ни нравилась матерія, онъ ее купить не могъ и я даже ему, зная его обстоятельства, не предложилъ ее. Купилъ этотъ кусокъ Вельяминовъ-Зерновъ [4]), въ одно время съ Б. оставившій Орен-

[1]) Два рисунка изъ восточнаго быта.

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ чиновъ (военныхъ) въ краѣ.

[3]) Ираклій Усковъ комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.

[4]) Владиміръ Владиміровичъ Вельяминовъ-Зерновъ—нынѣ попечитель К. у О—га.

бургъ навсегда, оріенталистъ и страшный любитель всего восточнаго.

Сова [1]) твой подарокъ принялъ со слезами—такъ мнѣ писалъ онъ,—вѣрно получишь объ этомъ отъ него посланіе, какъ онъ вернется въ свою хату; теперь его послали произвесть какое то слѣдствіе въ губерніи и по новости и непріятности этого занятія для него, онъ вѣрно и минуты свободной не имѣетъ. И я тебѣ послѣ напишу больше о Варнакѣ и княжнѣ [2]). Теперь у меня Сигизмундъ (Сѣраковскій), пріѣхалъ на недѣлю изъ степи и отправляется въ свой полкъ. Богъ вѣсть встрѣтимся ли опять въ жизни, и я теперь пользуюсь его присутствіемъ и долго бесѣдовать даже съ тобой не могу. Обѣ вещи очень хороши; хороши простотою и глубокимъ чувствомъ—вѣрностью.— Варнакъ еще выше, только писецъ поганый переписывалъ, не говоря о безчисленныхъ ошибкахъ, еще во многихъ мѣстахъ пробѣлы—то двухъ-трехъ словъ не достаетъ, то иногда и цѣлой строки. Жаль, очень жаль, что ты не просмотрѣлъ при отправленіи. Варнака къ Осипову [3]) я еще не посылалъ; жду на дняхъ вѣрнаго и хорошаго человѣка, которому хотѣлось бы его поручить, а нѣтъ, то пошлю Сигизмундомъ. Онъ ѣдетъ тоже въ Петербургъ и можетъ быть удастся ему сдѣлать тамъ что-нибудь для тебя. Къ Аркадію [4]) я давно писалъ о прошеніи на высочайшее имя и надѣюсь, что тебѣ Варвара (Репнина) въ этомъ не откажетъ. До сихъ поръ вредило тебѣ личное предубѣжденіе В. А. (Перовскаго); теперь мнѣ обѣщали, что будетъ сдѣлано представленіе, а отъ милосерднаго нашего государя можно ожидать милости и на твою несчастную долю. Алексѣй Ив. и Карлъ [5]) помнятъ о тебѣ, говорятъ очень дружески, но просить В. А-ча никто изъ нихъ не рѣшается. Теперь первый уже въ степи, послѣдняго нѣтъ тоже въ городѣ, живетъ на ху-

---

[1]) Польскій поэтъ Желиговскій.

[2]) Варнакъ и княжна—поэмы Ш—ка.

[3]) Художникъ Осиповъ—см. „Основа".

[4]) Аркадій Венгжиновскій.

[5]) А. И. Бутаковъ и Карлъ Ив. Гернъ.

торѣ, куплепномъ гдѣ-то недалеко отъ Кочевки [1]); его ждутъ сюда недѣли черезъ двѣ, и тогда я возьму у него альбомъ и карандаши и фотографію сдѣлаю, на что взялъ съ него слово, но разсчитывать на его помощь не могу. Сигизмундъ займется этимъ дѣломъ, какъ собственнымъ своимъ; у него есть знакомые и друзья,—можетъ быть и успѣетъ: Богъ поможетъ искреннимъ и чистымъ желаніямъ. Если бъ до сентября ничего не сдѣлалось, то помни, друже мой дорогой, что вначалѣ этого мѣсяца заѣдетъ къ вамъ генералъ Бюрно, зайди къ нему *непремѣнно*; онъ имѣетъ порученіе осмотрѣть вашу крѣпость, на возвратномъ пути изъ Пятигорска; это капризная иногда натура, но благородства рѣдкаго—артистъ и поэтъ; строилъ въ Севастополѣ тѣ батареи, которыхъ двухлѣтняя осада одолѣть не могла; а между тѣмъ съ нѣжностью матери занимается маленькой сиротою, и съ увлеченіемъ писалъ лунныя ночи, даже розу и бабочку на ней. Я увѣренъ, что всякій, кто узнаетъ его ближе, полюбитъ его цѣлымъ сердцемъ и проститъ, нѣтъ; забудетъ всѣ неровности характера и капризы для теплоты его души и высокихъ нравственныхъ качествъ. Я благодарю Бога, что встрѣтилъ такую личность на моемъ пути. А еще изъ Астрахани ты долженъ получить указаніе, къ кому обратиться съ просьбою.

Михаилъ [2]) получилъ фотографическій приборъ, и новыя его работы я посылаю тебѣ—на этотъ разъ только три изображенія: Сигизмунда и 2 экземпляра киргизскихъ мальчиковъ. Вскорѣ пришлю болѣе, потому что М. надѣется, ознакомившись съ приборомъ, получить болѣе удовлетворительные результаты.

Знаешь ли, друже мой, что и мнѣ мелькаетъ надежда увидѣть въ этомъ году мою старую мать и дорогую родину. Богъ знаетъ, сбудутся ли эти мечты или нѣтъ, но никогда еще не было столько надежды. Не возможно, что бы ты одинъ былъ

---

[1]) Перовскій, въ подражаніе Башкирамъ, устроилъ себѣ „Кочевку“ въ 120 верстахъ отъ Оренбурга: тамъ онъ проводилъ все лѣто, именуя Башкирію русской Швейцаріей.

[2]) Михаилъ Ѳаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ 30-хъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 г., впослѣдствіи капелланъ Оренбур. корпуса. Ссыльные поляки называли его: *ojciec prefekt*.

забытъ. Крѣпись еще духомъ, друже мой дорогой, прійдетъ еще лучшее время и для тебя.

Цѣлую тебя отъ цѣлой души. Пиши, а болѣе всего не забывай.

Пока я здѣсь, торопись съ кусками матеріи, ежели еще найдутся—и будь увѣренъ, что люблю тебя искренно и цѣлымъ сердцемъ.

Друже мой! письмо было готово, когда я получилъ извѣстіе о дозволеніи возвратиться на родину. Не могу писать ничего. Цѣлую тебя, радуйся моею радостью! 8 іюня 1856 г.

2.

3 Іюля.

Друже мой дорогой! Завтра уѣзжаю, а сегодня еще два слова на прощанье. Я получилъ письмо отъ Аркадія, к. меня извѣщаетъ, что Варвара взялась просить и хлопотать за тебя. На дняхъ же, когда я былъ на Кочевкѣ у Василія Алексѣевича, чтобы благодарить его за всѣ милости, Фрейлина Маріи Николаевны Гр. Толстая распрашивала меня съ участіемъ про тебя и сказала, что имѣетъ изъ Петербурга порученіе просить за тебя Василія Алексѣевича и прибавила, что онъ ей обѣщалъ, и что, вѣроятно, во время коронаціи и твоя горькая участь перемѣнится. Она вчера уѣхала обратно въ Петербургъ и вѣрно тамъ не забудетъ горестнаго твоего положенія.

Мнѣ отрадно, что въ минуту моей искренней радости и счастія, я могу и тебѣ послать хоть одинъ свѣтлый лучъ надежды.

Прощай, друже мой, и не забывай меня. Пиши на руки Михаила или по моему собственному адрессу, который можетъ тебѣ продиктовать Людвигъ.

Фотографія Михаилу не удалась. Карлъ постоянно на своемъ хуторѣ и поймать его было не возможно, потому прости, что я не сдержалъ своего обѣщанія и не присылаю фотографій, которыхъ у меня самого нѣтъ.

Еще разъ цѣлую тебя, да пошлетъ тебѣ Богъ утѣшеніе!

3.

18 сент. 1856 г.

Друже мой дорогой! Письмо твое или лучше сказать писульку я сейчасъ получилъ отъ добраго Михаила и благодарю и его и тебя, что не задержалъ у себя, тебя же, мой друже, за всю теплоту твоего сердца. Что мнѣ сказать тебѣ сегодня? Я 6 недѣль живу уже между своими, дышу роднымъ воздухомъ, смотрю на родные луга и лѣсочки, на все дорогое и на моихъ друзей и близкихъ, дороже всего—я счастливъ, какъ не былъ самъ счастливъ никогда. Но развѣ я могу говорить объ этомъ счастіи тебѣ, бѣдному страдальцу? это бы значило издали показывать хлѣбъ голодному. Ахъ, друже мой! какъ бы мнѣ хотѣлось подать и тебѣ этого хлѣба! видѣть и тебя на милой родинѣ—среди своихъ, такъ искренно тобою любимыхъ. Богъ милостивъ, и я питаю надежду, то судьба твоя въ этомъ году улучшится. Вообрази себѣ, что, когда я пріѣхалъ домой, меня встрѣтили четыре поколѣнія: мать отца, родители, братъ и сестра, и ребята сестеръ; этихъ послѣднихъ почти дюжина и всѣ мнѣ незнакомы, родившіяся въ моемъ отсутствіи—маленькія, хорошенькія дѣти. Богъ цѣлый міръ вывелъ вновь и меня привелъ любоваться его дѣломъ и возславлять его милосердіе. Какой прекрасный дѣтскій типъ для артиста! Одной сестры дѣти всѣ кароглазыя, другой, напротивъ, всѣ съ голубыми, какъ небо, глазами. Ты любишь дѣтей, и я не разъ говорилъ имъ уже, что у меня есть старый другъ, похожъ на св. Петра, который дѣтей оч. любитъ, они смотрятъ на знакомое тебѣ изображеніе апостола и спрашиваютъ: когда же другъ твой пріѣдетъ? и ждутъ тебя, друже мой, будутъ молиться, какъ молились за меня, о твоемъ возвращеніи.

Ты спрашиваешь меня, оставилъ ли я зауральскія степи навсегда? не думаю ли возвратиться? Нѣтъ, друже мой, Боже меня упаси—и что же я за сумашедшій, я радъ и счастливъ, что могу никуда не ѣхать и не думаю вовсе о поѣздкахъ, въ особенности въ пустыню. Всего хорошаго испытаннаго тамъ я никогда не забуду: и добрыхъ людей и садъ около Ново-пет-

ровска вспомню не разъ ради добраго друга, съ которымъ мнѣ тамъ пришлось побывать, но посѣщать опять эти мѣста не хотѣлось бы. Богъ знаетъ одинъ, гдѣ придется умереть, но хотѣлось бы лежать на своемъ родномъ кладбищѣ, и надѣюсь, что это мнѣ удастся. Однимъ словомъ, друже мой, я возвратился совершенно. Это нисколько не перемѣняетъ моихъ чувствъ для тебя, друже мой, надѣюсь, что ты въ этомъ не усумнишься.

Что касается до „матерій", то присылай мнѣ всѣ куски, какіе только имѣешь; мнѣ можно будетъ найти здѣсь охотниковъ. Удивительная вещь! Развѣ штемпель что нибудь доказываетъ? И я, друже мой, не большой знатокъ, а уже эту матерію узнаю всегда, съ перваго взгляда, не нуждаясь ни въ какомъ штемпелѣ. Однакожъ, не стоитъ объ этомъ говорить: земляки, требуя доказательствъ, все таки доказываютъ симъ любовь къ тебѣ, друже мой, спасибо имъ за то.

Варнакъ, приготовленный къ печати, т. е. переписанъ, остался у Совы, вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему экземпляромъ— онъ этого желалъ, потому что хотѣлъ передать его Михайлову, одному изъ теперешнихъ писателей, съ которымъ онъ оч. хорошъ, и который пишетъ во многихъ журналахъ. Когда я былъ въ Уфѣ, его тамъ не было, и потому Варнакъ остался на попеченіи Совы; ему тамъ будетъ хорошо, повѣрь, друже мой,—и онъ вѣрно не забудетъ и не затеряетъ его. Въ Москвѣ я познакомился съ нѣкоторыми издателями „Русскаго Вѣстника" и они желали бы имѣть что нибудь автора „Княгини". Вотъ и сообщенный мнѣ ими адресъ, для присылки предназначаемыхъ для этого журнала статей и сочиненій: Евгенію Ивановичу Якушкину въ Москву, въ 3-й мѣщанской, у Филиппа Митрополита, домъ Абакумовой.

Сигизмундъ (Сѣраковскій) въ Павловскѣ, прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, для поступленія послѣ въ Военную академію. Государь такъ былъ милостивъ, что въ этомъ ему не отказалъ. Мать моя искренно благодаритъ тебя за память. Всѣ мы любимъ тебя искренно, если Богъ дозволитъ тебѣ проститься тоже съ за-уральскою степью, то по

дорогѣ на родину заѣзжай, друже, въ мой уголокъ; не богато, но щиро встрѣтятъ тебя. Прощай насегодня!

Адресъ мой найдешь у Ираклія Александровича.

4.

2 марта 1857 г.

Друже мой дорогой! Давно я получилъ письмо твое съ 8 ноябр., но не отвѣчалъ до сихъ поръ потому, что ждалъ весны. Теперь пароходы должны уже посѣщать васъ, и я пишу къ тебѣ, друже мой дорогой, и цѣлую отъ полнаго сердца. Къ Сигизмунду я писалъ давно, и ты вѣрно получилъ уже сепію и другіе припасы. Матеріи я жду съ нетерпѣніемъ, присылай, друже мой, столько кусковъ, сколько имѣешь: у меня легко найдутся любители, и продажа подобныхъ произведеній не затруднитъ меня нисколько. Только, посылая матерію, напиши мнѣ, друже мой, куда и на чьи руки отправить деньги, дабы съ ними не вышло путаницы. Я осенью писалъ къ Ираклію и приложилъ къ письму записку къ тебѣ, но не получилъ до сихъ поръ никакого отвѣта. Теперь пишу ему подъ его адресомъ, надѣясь, что онъ не прогнѣвается за это. Еслибъ былъ не доволенъ, напиши, друже, и пришли другой адресъ, а у него попроси отъ меня извиненія.

Ты спрашиваешь меня, друже мой дорогой, какъ я устраиваю свою будущность: захочу ли сдѣлаться чиновникомъ или артистомъ? Если бъ это зависѣло отъ меня, то непремѣнно я бы избралъ послѣднее; но послушай, друже, и самъ обсуди: старики родители не хотятъ отпускать меня больше отъ себя, мать бѣдная столько лѣтъ ждала, тосковала, молилась—и бросить ее и отправиться въ *городъ* (а городовъ она болѣе всего боится для меня)—это было бы убить ее; я на то не могу рѣшиться, и ты бы мнѣ не посовѣтовалъ, не захотѣлъ бы подобной рѣшимости во мнѣ. Первый долгъ человѣка—исполнить ближайшія, первѣйшія обязанности,—сверхъ того, Богъ вѣдаетъ одинъ, былъ ли бы я истиннымъ артистомъ? Ты самъ какъ-то говорилъ мнѣ, что объ этомъ можно бы утвердительно сказать едва послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго ученія—и такъ я рѣшил-

ся, друже мой, не ѣду въ Петербургъ учиться, хотя Богъ видитъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, а остаюсь на родинѣ моей; въ службу гражданскую вступить не думаю; кажется, что буду хозяйничать. Не оставлю ни карандаша, ни книги—это уже потребность натуры—безъ нихъ я бы и жизни своей устроить не сумѣлъ; но не могу сдѣлать искусства единственною цѣлью жизни. Въ продолженіе цѣлой почти жизни приходилось мнѣ дѣлать не то, что я любилъ, къ чему меня влекло съ дѣтства, такъ придется и кончить путь сей—дай Богъ согласно съ Божескимъ, нравственнымъ закономъ. Я не жалуюсь, друже мой, на судьбу мою, я, напротивъ, очень счастливъ и благодарю Бога за все, но мнѣ бы хотѣлось разсказать тебѣ всѣ обстоятельства моей жизни, потому что я тебя люблю. Другой разъ напишу тебѣ больше, теперь пусть этого будетъ довольно обо мнѣ. Ты—поэтъ, ты все несказанное и недосказанное отгадать сумѣешь.

Нѣтъ ничего интереснѣе для меня *Блуднаго сына* [1]). Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать, какъ можно болѣе подробностей! Я очень хорошо знакомъ съ издателемъ „Виленскаго Альбома“, который къ парижскимъ литографамъ отправляетъ рисунки и выходятъ оч. хорошіе. Впрочемъ, теперь и въ Варшавѣ есть весьма порядочная литографія Фаянса. Меня уговариваютъ литографировать разные степные виды и рисунки, но я ничего хорошаго не имѣю, но могъ бы служить отцу „Блуднаго сына“ отъ полнаго сердца и души. Лѣтомъ я можетъ быть совершу путешествіе по Виліи—„матери литовскихъ рѣкъ“—съ карандашемъ и портфелью. Сооружается для того частная экспедиція, которая намѣрена издать описаніе рѣки въ историческомъ, археологическомъ, топографическомъ, гидрографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Меня приглашаютъ для составленія альбома видовъ. Ежели буду живъ и здоровъ, присоединюсь къ путешественникамъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ.

---

[1]) Притча о Блудномъ сынѣ, приноровленная къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія, въ нѣсколькихъ картинахъ. См. письмо Щ—ка къ Залѣсскому 1857 г. 10 мая.

Сигизмундъ писалъ, что видѣлъ въ Петербургѣ представленіе Перовскаго объ тебѣ. Бюрно боленъ, какъ мнѣ пишутъ изъ Оренбурга, но онъ объ тебѣ помнитъ. Да благословитъ тебя Богъ!

5.

30 мая 1857 г.

Друже мой дорогой! Письмо твое отъ 10 февраля я получилъ хоть оч. поздно и со слезами прочиталъ и прочитывалъ его нѣсколько разъ; но не меня одного такъ глубоко тронули слова твои—мать моя, эта святая женщина, не могла удержаться отъ слезъ и даже отецъ. Они тебя обнимаютъ, какъ брата, какъ сына; по праву почтенныхъ лѣтъ своихъ, они тебя благословляютъ, желая отъ глубины души всякаго тебѣ благополучія и добра, и прежде всего выѣзда изъ пустыни, среди которой ты изнываешь, и новой, полной жизни. Въ этомъ году послалъ мнѣ Богъ много, много счастія, болѣе, чѣмъ грѣшный человѣкъ могъ не только заслужить, но даже надѣяться; я еще до сихъ поръ не могу опомниться и иногда спрашиваю себя, не сонъ ли это все? Однакожъ, теперь, друже мой, ничѣмъ болѣе не могъ бы я обрадоваться, какъ свиданіемъ съ тобою; ежели бъ Богъ послалъ мнѣ еще эту величайшую радость, то былъ бы самый счастливѣйшій годъ моей жизни. А развѣ это воображеніе? пустая надежда? Нѣтъ, друже мой, не сегодня, то завтра мы съ тобою встрѣтимся. Богъ надѣлилъ насъ желаніемъ этимъ, любовію, Онъ дозволитъ и осуществитъ. Въ эту минуту, когда ты писалъ ко мнѣ и создавалъ чудную, сердечную поэму поѣздки твоей въ Петербургъ, на тебя сошло вдохновеніе,—и увидишь, Богъ пошлетъ жизнь, дѣйствительность созданію поэта[1]). Ты будешь въ академіи художествъ и ежели заѣхать въ Рачковичи не дозволятъ тебѣ обстоятельства, то я пріѣду въ Петербургъ,

[1]) Письмо Ш—ка, отъ 10 февраля 1857 г., писано подъ вліяніемъ радостной вѣсти объ освобожденіи его изъ неволи, сообщенной графиней Н. И. Толстой. На этомъ „фундаментѣ“ поэтъ создаетъ цѣлую поэму своей будущей поѣздки въ Петербургъ, по Волгѣ, въ Москву, оттуда почтовой дорогой въ Рачковичи, затѣмъ Академія, акватинта и т д.

а послѣ когда нибудь, отправляясь поклониться старому Кіеву и Днѣпру, ты заѣдешь и въ мой уголокъ, помолимся вмѣстѣ въ „Острой Брамѣ“, и старики мои со слезами благословлять тебя будутъ.

Послѣ письма, на которое ты мнѣ отвѣчалъ, я писалъ еще весной, разсчитывая, чтобы письмо мое пришло на берега вашего моря вначалѣ навигаціи, и тотъ разъ я адресовалъ уже чрезъ Гурьевъ. Ежели ты посланіе это получилъ, то знаешь уже, что я рѣшился сдѣлать. Такъ, друже мой, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Академію учиться божествен. искусству, я хозяйничаю. Не говори, однакожъ, „анаѳема!“ Мнѣ нельзя было иначе сдѣлать, не нарушая первѣйшаго изъ всѣхъ нравственнаго закона. Ты чудно хорошо меня знаешь, когда говоришь, что т. обр. сдѣлается „прорѣха, не зашитая дыра въ моей душѣ“, я въ истинѣ этого сказанія все болѣе и болѣе убѣждаюсь, но хуже еще было бы со мною, съ моей душою и жизнію, если бы слезы матери пали на мою совѣсть, если бы я заставилъ стариковъ моихъ грустить и тревожиться весь вѣкъ, послѣ 18 лѣтней по поводу моему тоски и грусти. Рѣшено, друже мой,—и перекрестившись я поставилъ ногу на новый свой путь. Живу въ деревнѣ и на долго не могу переселиться въ столицу, пріѣхать для того, чтобы обнять и поцѣловать тебя, присмотрѣться къ твоимъ трудамъ, обойти съ тобою всѣ галлереи, узнать творенія великихъ мастеровъ—это я надѣюсь сдѣлать. Жизнь въ деревнѣ во многихъ отношеніяхъ чудно хороша, я давно, очень давно не видалъ такой весны, не прожилъ такого мая. Какъ чудно поютъ соловьи! Какъ благоухаютъ рощи! Садикъ въ Рачковичахъ такъ цвѣтетъ, что на деревьяхъ не увидишь листочка—все переполнено жизни и любви и человѣкъ ближе къ природѣ и какъ то ближе къ Великому Богу, грудь становится теплѣе и сердце какъ будто сильнѣе бьется. Занятія около земли преисполнены тоже особенной поэзіи, и люди здѣсь какъ будто лучше городскихъ. Есть, друже мой, и другая сторона въ деревенской жизни—тебѣ она прекрасно извѣстна—но именно, кому Богъ послалъ прожить вѣкъ свой въ различныхъ судьбахъ, какъ будто для того, чтобы онъ выучился любить и уважать ближняго и чело-

вѣка, тотъ долженъ жить въ деревнѣ. О, какъ бы я хотѣлъ поговорить теперь съ тобою о многомъ, обо всемъ!

Я взялъ съ собою много оренбургскихъ эскизовъ и думалъ тогда, что ихъ употреблю еще въ дѣло, но проживъ весну въ прекрасной Литвѣ, я вижу, что не дотронусь до нихъ. Рисую и изучаю наши деревья. Я, друже мой, не въ состояніи создать „Блуднаго сына", напр., но мнѣ бы хотѣлось изучить этотъ уголокъ земли, для меня святой, а по крайней мѣрѣ, съ нѣсколькихъ рисунковъ красоту его представить. Есть же въ этой землѣ и особая мысль Создателя, ради которой она такъ, а не иначе устроена, т. е. создана—такіе въ ней деревья, такія воды, такая почва и даже облака. Еслибъ съумѣть выучиться всему этому и постичь основную идею Создателя! Мать понимаетъ голосъ ребенка, но можетъ ли дать постичь жизнь матери! Не останется ли для него закрытымъ и неизвѣстнымъ очень многое? Любовь одна можетъ послать вдохновенія: она ведетъ ко всему высокому и прекрасному, но не нѣмецкая, сантиментальная любовь, а дѣятельная, сильная, какъ понимаетъ ее св. Павелъ.

Сію минуту я получилъ письмо Сигизмунда; онъ мнѣ пишетъ, что ты свободенъ. Поздравляю тебя, друже мой дорогой, обнимаю, цѣлую, обливаю слезами радости. Согласно новому указу милостиваго монарха, ты возвращаешься ко всѣмъ прежнимъ правамъ, ты художникъ, ты можешь ѣхать въ Петербургъ окончить Блуднаго сына; ты можешь еще имѣть дни счастія. Да ниспошлетъ тебѣ Богъ все доброе и лучшее. До свиданія, друже! Не забывай меня и пиши, когда оставишь Ново-Петровкъ и какъ далѣе располагать будешь собою.

Родители мои поздравляютъ тебя отъ полнаго сердца, братъ—тоже, сестеръ въ эту минуту нѣтъ дома; дѣтей только двое—они скачутъ и радуются, что другъ ихъ счастливъ и пріѣдетъ.

Цѣлую тебя безконечно.

Матеріи я до сихъ поръ не получилъ еще.

6.

20 авг. 1857 г.

Друже мой дорогой! Двѣ твои посылки я получилъ хотя оч. поздно и теперь, по указанному мнѣ тобою адрессу, спѣшу

переслать тебѣ цѣну „Хіоскаго Горшечника“ и „молитвы по умершимъ“: именно: *семьдесятъ пять руб. серебр.* Другія три штуки проданы тоже, но деньги я получу черезъ недѣлю или десять дней и сейчасъ же вышлю ихъ тебѣ. Извини, что это длилось такъ долго: живя въ деревнѣ, подобныя дѣла не устраиваются такъ скоро, какъ въ городѣ, сосѣди не всегда любители изящнаго и покупателя нужно искать довольно далеко.

Что касается „каратаускихъ“[1]) видовъ, то я тебѣ, друже мой дорогой, напишу объ нихъ въ слѣдующемъ письмѣ. Издатель Виленскаго Альбома выѣхалъ за границу на цѣлый годъ и я вынужденъ искать другого любителя. Не хотѣлось бы мнѣ отдавать ихъ по одиночкѣ, разсчитывая все таки на кого нибудь, кто бы пожелалъ имѣть полный альбомъ; до сихъ поръ подобный ангелъ не нашелся, но я еще не теряю надежды.

Пишу въ торопяхъ и потому такъ коротко. Въ слѣдующемъ письмѣ найдешь отвѣтъ на другое твое письмо. Всѣ мои родные привѣтствуютъ тебя среди очаровательныхъ твореній искусства, среди новой жизни. Да благословитъ тебя Господь и посылаетъ тебѣ вдохновеніе и средство къ тому, чтобы работать— и ты будешь счастливъ счастьемъ немногихъ избранныхъ.

Не забывай меня! Окружатъ тебя теперь много умнѣйшихъ и лучшихъ людей—дай Богъ! Но вѣрь друже, что не многіе искреннѣе меня любить тебя будутъ.

Какъ придется тебѣ издать „блуднаго сына“, вспомни, что ты мнѣ обѣщалъ познакомить съ нимъ.

Прощай на этотъ разъ; черезъ десять дней опять напишу, а можетъ быть еще и увидимся.

До свиданія, друже мой!

7.

Друже мой дорогой! Третьяго дня я получилъ записку твою изъ Астрахани, а вмѣстѣ съ нею подоспѣли и заподалыя

---

[1]) Кара-Тау гора и лѣсъ невдалекѣ отъ Петровск. укрѣпленія, гдѣ Щ. рисовалъ вмѣстѣ съ Залѣскимъ.

деньги,—спѣшу переслать ихъ тебѣ 75 рублей за три куска твоей матеріи, столько же я переслалъ Михаилу Матвѣевичу (Лазаревскому) прежде, и ты ихъ вѣрно уже получилъ. Каратаускихъ видовъ мнѣ здѣсь продать не удалось—по одиначкѣ я ихъ отдавать не хотѣлъ, потому что всѣхъ бы не роздалъ, а на весь альбомъ не нашелся покупатель, хотя во всѣхъ моихъ странствованіяхъ въ послѣднее время альбомъ былъ моимъ спутникомъ...

Есть у меня здѣсь, т. е. въ Литвѣ, знакомая женщина съ удивительно развитымъ эстетическимъ чувствомъ, страстная любительница искусства... Она лѣтъ пять прожила въ Римѣ—тамъ училась живописи и скульптурѣ. Нигдѣ въ деревнѣ нельзя найти такого собранія гравюръ и разныхъ произведеній искусствъ изъ волшебной Италіи. Она меня познакомила съ Фюрихомъ и Каульбахомъ, потому что и Германія ей тоже извѣстна. Я ей послалъ двѣ первыя сепіи: дочь Хіоскаго Горшечника и сцену изъ казармъ—тогда ничего больше у меня не было. Вотъ что она мнѣ отвѣтила, благодаря за то, что я доставилъ ей удовольствіе имѣть что нибудь собственно твоего: „эти вещи очень хороши, но мнѣ жаль, что такой замѣчательный талантъ nie czerpie *не разобрано* z siebie, lub śmielej z tego, co go otacza—że jakby przytłumił rodzinny ideał, którego blesk w kilku linjach nieraz... Изъ этого ты, друже мой, можешь заключить, что она будетъ въ состояніи оцѣнить твои произведенія; ежели у тебя будетъ что такое, чѣмъ ты самъ будешь совершенно доволенъ, то присылай мнѣ, назначивъ разумѣется цѣну, а я отошлю, или лучше отвезу самъ этой знакомой, хотя она и живетъ въ 150 верстахъ отъ меня. Вѣдь и тебѣ пріятно будетъ отдать вещь, взлелѣянную въ душѣ, дитя твое тому, кто его приметъ съ любовію, какъ мать.

Напиши мнѣ хоть два слова о томъ, что ты получилъ всѣ деньги и что здоровъ и счастливъ. Прощай, друже мой дорогой, твой всегдашній Брониславъ.

Рачкѣвичи 15 сент. 1857 г.

8.

Слудкъ 5 ноябр. 1857 г.

Друже мой дорогой! Вчера я пріѣхалъ сюда изъ Рачкѣвичей съ отцомъ моимъ, к. захворалъ глазами, и нашелъ твои дорогія письма. Не теряя времени спѣшу по первой почтѣ послать тебѣ нѣсколько словъ въ надеждѣ, что они застанутъ тебя въ Нижнемъ надъ твоимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, хотя бы я желалъ скорѣйшаго разрѣшенія твоей участи. Сигизмундъ мнѣ писалъ, что добрый Ираклій (Усковъ) при отправкѣ твоей *наглупилъ* и что это остановило пріѣздъ твой въ столицу. Все таки я не думалъ, чтобы ты былъ еще въ дорогѣ, и меня поразилъ штемпель *Нижній-Новгородъ* на твоемъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы это покончилось поскорѣе. Сигизмундъ пишетъ, что онъ по твоему дѣлу бываетъ часто у гр. Настасіи Ивановны и что надѣется увидѣть тебя скоро на берегахъ Невы. Дай Богъ! Настасія Ивановна приняла его радушно, искренно, какъ мать, какъ сестра, и тебя ждетъ въ ея домѣ такой же привѣтъ. Потому и для многихъ другихъ причинъ я желаю для тебя поѣздки въ Петербургъ, однакожъ, такъ мало для меня надежды увидѣть тебя въ Рачкѣвичахъ, что я не могу разстаться съ этой мыслью, при всемъ моемъ желаніи всего лучшаго для тебя. А какъ бы это было хорошо, если бы ты, друже мой, заѣхалъ въ мой добрый уголокъ! Не найдешь здѣсь памятниковъ искусствъ, но найдешь теплыя сердца, которыя знаютъ тебя и любятъ съ давнихъ дней тебя, и тебѣ поэту, человѣку чувства и сердца, не было бы дурно между ними. Проживъ нѣсколько дней съ нами—высказавъ тебѣ все, что я думалъ и чувствовалъ безъ тебя, чему я могъ хоть въ маленькой части выучиться и чему выучиться не могъ, я бы повезъ тебя къ моей знакомой, о которой ты такъ прекрасно мнѣ пишешь. Она живетъ въ 140 верстахъ отъ меня и потому я не могу посѣщать ее часто, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ я буду ее навѣщать, чтобы подышать этой атмосферой изящнаго и прекраснаго, и какъ бы пріятно было мнѣ совершить зимой это путешествіе съ тобой. Ты хочешь знать ея имя и фамилію? Эта прекрасная женщина по имени Елена Скирмунтъ,

еще молодая, богатая и получившая самое тщательное воспитаніе. Мужъ у нея молодой и дѣльный человѣкъ, котораго она любитъ и уважаетъ. Натура Елены немного эксцентричная, и я бы желалъ видѣть ее или незамужнею, посвятившею себя одному искусству, или какъ жену немного болѣе человѣчественною; но такъ создалъ уже ее Богъ. Ты знаешь растеніе, котораго листья такъ удивительно чувствительны, что до нихъ дотронуться нельзя: ежели сядетъ на нихъ самая маленькая мушка—они свертываются. Есть что-то соотвѣтственнаго этому растенію въ натурѣ этой женщины. Она понимаетъ практическую жизнь... всѣ люди въ домѣ ее любятъ и она занята ихъ нуждами, больныхъ лѣчитъ, заботится всѣмъ; сверхъ того, не испугалась бы опасности—напротивъ, я думаю нашла бы въ ней удовольствіе; но наши страсти, все грубое и матеріальное ее пугаетъ,—это чистота воплощенная. Она глубоко религіозна, можетъ быть даже немного мистически религіозна. Училась многому и много знаетъ. Всѣ вопросы настоящаго времени ее занимаютъ, любовь къ родинѣ горячая, эстетическое чувство удивительное, однимъ словомъ, очень богатая и щедро одаренная натура. Можетъ быть и для какихъ-то физіологическихъ причинъ, ей даже непонятныхъ, жалѣетъ, что у нея есть мужъ, которому она отдаетъ полную справедливость, въ пользу котораго отказалась отъ значительнаго имѣнія, и жалѣетъ, что у нее есть дѣти. Одна анормальная ей сторона это та, что она недовольно мать,—это много—я согласенъ, но увѣренъ, что это происходитъ отъ какихъ то особенностей ея натуры. Она не создана для жизни, принадлежащей всѣмъ женщинамъ, и ты бы вѣрно нашелъ живое удовольствіе въ ея обществѣ и не осудилъ ее, какъ осуждаютъ многія ея сестры, которыя не въ состояніи даже понимать ее, при всей добротѣ своей. Я увѣренъ, что со временемъ, по самому чувству долга, она разовьетъ въ себѣ то, въ чемъ еще есть недостатокъ; теперь—это чистая, прямая, мыслящая и чувствующая все изящное женщина.

Но кромѣ ея, есть у меня еще другая знакомая, подруга ея, тоже глубоко религіозная и любящая цѣлой душою искусство. Она на дняхъ должна возвратиться изъ Рима, гдѣ прожила

нѣсколько мѣсяцевъ, училась искусству прежде въ Вильнѣ, потомъ въ Варшавѣ, наконецъ въ Дрезденѣ и Римѣ. Одна изъ замѣчательныхъ женщинъ у насъ. Мы бы и къ ней поѣхали, если бы ты пожелалъ.

Видишь, какъ бы мнѣ хотѣлось заманить тебя въ Рачкѣвичи. Однако, поѣзжай въ Петербургъ, тамъ найдешь болѣе: тамъ можетъ созрѣть и воплотиться твое созданіе, твоя евангелическая притча (Блудный сынъ).

Съ возвратомъ издателя Виленскаго Альбома разговорюсь съ нимъ на счетъ твоихъ приволжскихъ видовъ—не думаю, однакожъ, чтобы онъ ихъ тамъ помѣстилъ: для этого нужно бы иного, болѣе намъ близкаго или лучше сказать, менѣе чуждаго сюжета. Виды Акъ-Таю я давно отправилъ къ Сигизмунду и надѣюсь, что онъ ихъ тебѣ перемѣнитъ въ деньги. Здѣсь, при всемъ желаніи мнѣ не удалось. Прощай, друже мой дорогой! и люби твоего Бронислава.

9.

2 іюля 1859 г. Рачкѣвичи.

Друже мой дорогой! На дняхъ я узналъ отъ молодого Чарноцкаго, который встрѣчалъ тебя у гр. Толстой, твой адрессъ и хотѣлъ тебѣ писать, когда мнѣ отдали твое письмо. Я хотѣлъ сказать тебѣ, какъ искреннему моему другу, о величайшей милости Божіей, постигшей нынѣ меня. Въ Вильнѣ, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, я кажется на всегда прощался со всѣмъ дорогимъ въ жизни, вблизи той чудотворной иконы Божіей Матери, мнѣ довелось встрѣтить чудную женщину, которая согласилась быть спутницей моей на послѣдніе годы жизни. Я женюсь, мой милый Тарасе, и нахожусь въ такомъ блаженномъ состояніи, какого даже въ мечтахъ моихъ я не надѣялся на землѣ. Невѣста моя лѣтъ 25 высоко дѣвственная, нравственная и эстетически даже богатая натура. Она нѣсколько лѣтъ прожила за границей, искренняя подруга Богдана[1]), любящая все намъ дорогое, почитающая искусство и красоту во

[1]) Извѣстный польскій поэтъ Богданъ Залескій, братъ Бронислава.

всѣхъ созданіяхъ Божіихъ и глубоко религіозная. Она сама училась живописи, и мы скоро на нѣсколько мѣсяцевъ поѣдемъ за границу—любоваться произведеніями искусства. Новые горизонты дѣятельности, любви и труда раскрылъ Богъ передо мной.

Какъ истинный эгоистъ, я началъ мое къ тебѣ посланіе собственною моей исторіей, но я увѣренъ, что ты въ благородномъ сердцѣ твоемъ обрадуешься моему счастію. Да, друже мой, какъ ты теперь счастливъ и какъ я сочувствую твоему теперешнему, такъ мнѣ понятному счастію! Ты увидишь Кіевъ, широкій Днѣпръ, твои хутора, твою Украину—и все, все, твое! Да благословитъ всякое созданіе Господь Богъ и дивныя дѣла Его!

Тріо [1]) твое, друже мой, не знаю, гдѣ нынѣ находится, можетъ быть ты съ нимъ встрѣтишься теперь на родинѣ. Но у меня есть копія, но лишь та, которую я дѣлалъ въ Кара-Тау, я ее сохранилъ на память о тебѣ, друже мой; она, натурально, не замѣнитъ оригинала, но ты ее исправишь. По миновеніи въ ней надобности, ты мнѣ ее возврати, такъ какъ воспоминаніе, съ которымъ мнѣ тяжело было бы разстаться. Есть у меня еще подобная копія *Цыгана* и все, разумѣется, къ твоимъ услугамъ. Гравюръ твоихъ не прислалъ еще мнѣ Сова, но я надѣюсь получить ихъ,—во всякомъ случаѣ ты меня не оставишь безъ нихъ—правда мой друже? Многіе оцѣнятъ ихъ лучше, правильнѣе меня, но болѣе искренняго по сердцу привѣтствія они ей-Богу не найдутъ нигдѣ, и помни, что нынѣ не одинъ я буду любоваться ими, а вдвоемъ.

Почти три недѣли тому назадъ я далъ моей невѣстѣ фотографію съ этого знакомаго тебѣ св. Петра, рисованнаго, помнишь въ Кара-тау; фотографія отправлена къ Богдану, вмѣстѣ съ однимъ письмомъ твоимъ, именно тѣмъ, гдѣ ты упоминаешь о книжкѣ его стихотвореній. Онъ хранитъ нѣсколько твоихъ рисунковъ и проситъ убѣдительно достать ему твой автографъ, во имя любви моей для обоихъ васъ, я разстался съ этимъ письмомъ.

Возвратившись въ Петербургъ, напиши мнѣ друже, у меня теперь такъ преисполнено сердце, что я совершенно не

[1]) Акварель—Т. Г. Ш—ка.

способенъ писать длиннаго письма, но за то люблю всѣхъ моихъ друзей, кажется еще искреннѣе.

Письма твои найдутъ меня всегда, гдѣ бы я ни былъ, если ихъ адресовать будешь *чрезъ Слуцкъ въ имѣніе Рачкѣвичи.*

Цѣлую тебя отъ цѣлой души твой Брониславъ.

Примѣчаніе: Въ концѣ этого послѣдняго письма приписка:

20 іюня Спб. Третьяго дня я получилъ это письмо съ картинкою, которую оставилъ до твоего пріѣзда (изъ Малороссіи). Кажется, на слѣдующей недѣлѣ я уѣзжаю домой. Твой М. Лазаревскій.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.

На отъѣздъ изъ Полтавы Н. М. Л. 22 мая 1842. (Николая Михайловича Лонгинова).

А докижъ намъ у Полтави
Быть байдыки, Пане!
Наробывъ есы вже славы:
Чы надовго стане!
Порострынькавъ все дивчатамъ,—
Дукачи й намысто,
А хлопятамъ, небожатамъ—
Хочъ выместы... чысто...
Нема шпоньки, немай стричкы—
Комиръ зашморгнуты..
Ну! вже утявъ ты намъ сичкы;
Ечнымъ помянуты!
А ну? выверны кешени;
Що тамъ е такого?
А вы хлопци, держить жмени...
Ай! бигъ-ма ничого!

—

22 мая 1842 г. въ Полтавы.

Голывся я на тыждень разъ,—
И никому й байдуже!
Прыихавъ *Вимъ*, виддавъ прыказъ:
„Голысь що дня, Петро, бо гыдкый дуже".
Одже жъ що дня я и голюся,
Ажъ пасока юшыть изъ бороды;
То гребинцемъ чесавшись уколюся,
То глянь,—вытягую зъ воды
Гарячои свій палець
Вже перетопленный на смалець.
Ходывъ по паночокъ, накинувши свытыну

„А що се сучый сыну?“ загуркотавъ *нашъ панъ*,
„А ну! Мерщій лышъ одягайсь въ жупанъ!“
Одежъ, зъ тои поры не я одынъ, а й *Пани*,—
Вона у кофти, я жъ зъ гудзыкамы въ жупани.
Имо було соби якъ тилько въ викна свитъ,
Що иногди було ажъ розипре жывитъ;
Теперъ *Винъ* до горы все повернувъ ногамы...
Нехай Святый Духъ буде зъ намы!..
Теперъ вже череду жене изъ поля дидъ
А *Винъ*—гляды—тогди насъ клыче на обидъ!

—

Бувало,—смерклося—то мы и до хропка́,
Теперъ тогди *Винъ* тилько збытень смокче,
Куіовдыцця, не исть и спать не хоче,
Бо поведенція Московська, бачъ, така!

—

Ой! щобъ Васъ! Эй! Андрію!
Сказавъ бы щось,—та не посмію...
Та вжежъ побачымо,—яку тамъ цацю
Вы прывезлы за сю намъ працю?

20 іюня 1851 г. Полтава.

Письмо Андрею Андреевичу Вагнеру.

Жена моя, достойно уважаемый Андрей Андреевичъ, свидѣтельствуя вамъ искреннѣйшее почтеніе, радостно, къ радости моей извѣщаетъ меня, что почтенные родные ваши, Гофманны, избрали домъ мой для постояннаго въ немъ квартированія и содружества съ нами. Полагая, что и вы раздѣлите съ нами удовольствіе подобнаго *сожизнія*, поспѣшу признательно обнять васъ за прочтенную мною *рукопись*: говорю поспѣшу, *колы то поклыче*, а колы наше не въ ладъ, то мы зъ своимъ и назадъ!

Якъ тилько задзвонять чотыры годынкы
Такъ мы й шморгнемо въ высокіи будынкы,
Та любыхъ панночокъ
Засадымъ до книжокъ:
Нехай гуртомъ голосять,
Та хочъ борщу Петрови просять.

П. А. Г. 21 іюня 1851 г. Полтава.

—

Послухавъ жинку,
Та взявъ на переминку
Пистревіи изъ Харкова штаны,

Такъ, одже,—бачъ,
Хочъ сядь—тай плачъ:
Щось не вподобалысь іому воны!
И осьміявъ,
И ошпувавъ,
Мережани штаны на всю Полтаву
Ни защо, ни прощо, пустывъ у славу.
Колыбъ тожъ вже Самъ тилько *Вимъ*,
Той силькось. Вжебъ—байдуже!
А той *Вона*, излизшы на ослинъ,
Розкудкудакалась щось дуже,
Та надъ Петромъ ну! реготать,
Петра на глузы пидымать;
Чарки й пляшки, шклянки перетовкла видъ смиху,
Росхлюпала на скатерть сыривець,
Тогди злякавшыся, та, на простець
Ну драла!.. пидъ свою махнула стриху!

23 іюня 1851 г. Полтава.

Ой![1]) мени тяжко!
Ой мени нудно!
Якъ безъ роботы жыты мени трудно!
Ой пиду я манивцямы
Та нудьгу розважу;
Чы не стринусь зъ панночкамы;
Може слово скажуть.
Охъ мени важко!
Ой мени нудно!
Ахъ безъ роботы жыты мени трудно!
Не зустривсь я съ панночками
Воны вси въ свитлыци,
Шыють кохты зъ фальборами
Лагодять спидныци.
Охъ! мени тяжко!
Охъ! мени нудно!
Якъ безъ роботы жыты мени трудно!
Ой пиду я у садочокъ,—
Часъ прокараю,
Та сяду я пидъ клыночокъ,
Писню засциваю:

—

Ой покынувъ Петро хатку
И жинку небогу,

[1]) На голосъ Малороссійской козацкой пѣсни: „Ой пиду я до владыки, попа позывати“...

Помандрувавъ безъ оглядку
Въ Полтаву—въ дорогу.
Ой, вернись назадъ, Петрусю!
Швыденько вернися!
Не вернесся? Утонюся..
Тогди—не журыся!
Помандрувавъ... вона жъ зъ хаты.
Дитки запищалы!
Огъ теперъ вы, каже маты,
Сыротками стали.

Cette bagatelle ne peut avoir que l'intérêt du jour, cher et estimable Андрей Андреевичъ!

Vous n'ignorez pas, que je suis désoeuvré aujourd'hui. Il a fallu remplir le vide de ma matinée; c'est ce que je viens de faire aussi bien que mal, ajant toute fois liquidé la dette de ma correspondance avec ma femme et mes enfants. Mettez moi (швырните меня) aut pieds de son Excellence, notre ange-tutelaire. Salut! estime et amitié. P. A. G. 26 іюня 1851. Полтава.

Андрію! Андрію!
Розмирковать не вмію,
Чы ждать іого?
Самъ тямышъ—отъ того
Що стричкы черезъ плечы?
Чы може и не ждать,
Та гавкать почынать,
Колы воно до речи?
Бо самъ сказавъ,
Щобъ почынавъ:
Нимеччына іому щось не до шмыгы;
Такъ ось боюсь, щобъ не пиднисъ
Петрови впнъ пидъ нисъ
Якои тынхвы або хвыгы
Salut! estime et amitié! 29 іюня 1851 г. Полтава.

—

А що жъ оце Андрію?
Яку тамъ веремію
Пиднявъ ты на *Веренстытутъ?*
Пытаемось: де ты? Чы тутъ?
А ты—на перелогы
Знай охкаешь, задравшы ногы!
Та вже якъ не миркуй,
А самъ на себе пожалкуй!
Не разъ, не два заплачешь,

А дыва больше ты такого не побачышъ.
Огъ! Якъ розставылы въ свитлыци вси цымбалы,
Такъ на шистьнадцать рукъ метелыци й загралы,
А тутъ скрыпкы й дудкы,
Сопилкы й кобзы вси якъ намъ заголосылы,
Та въ мидни тарилкы
Якъ брязкнулы, загромотилы,
То-будь я песькiй сынъ,—
Колы въ свитлици хочъ одынъ
Усыдивъ на ослинци!
Та вжей прыдумалы iому гадючи нимци!
А ихъ то бачышъ два браты;
Аджежъ ихъ знаешь ты!
Оджежъ й умовылысь: „ты, каже, все рукамы,
Въ свитлыци по надъ панночкамы,
Якъ будутъ грать, махай!“
Ну силькось и нехай!
Такъ ты жъ зъ дивчатами спивай.
Огъ тожъ воны якъ сталы,
То такъ изъ нымъ и заспивалы:
Мисяць въ хмары закотывся,
Тай стало темненько
Чогожъ Петро зажурывся
И болыть серденько?
Не ховайся до пивночи,
Мисяцю червоный!
Не выплакуй свои очи,
Козаче моторный!
Тече ричка все тыхенько
И моря шукае:
Ой! такъ и мое серденько
До жинки здыхае!

30 iюня 1851 г. Полтава.

Je suis mal à mon aise, cher et estimable Андрей Андреевичъ! A mon grand etonnement, vous n'avez-pas été de la soirée musicale d'hier. Eh bien! Vous le regretterez toute votre vie. M-lle Haha a été admirable, incomparable! Toutefois je suis triste. Mais dans mes joies aussi bien que dans mes chagrins, je fais des voeux pour votre santé et votre prosperité.

Булы жъ мы й въ Святыгорськымъ
И церковъ бачылы змурованну Самборськымъ
И плавалы въ рыдвани на Донци,
Розмоклы на кысиль кныши и буханьци,

А Винъ надъ намы, знай, въ води жартуе,
Регоче и кепкуе!
Ну! правды никуды дивать:
Вже е защо сполать!
Натуры доброи видъ москаля набрався
Того й гляды щобъ ще у море не попхався!
Удасться жъ отъ таке! Ни сорому, ни ляку!
А скильки жъ голодомъ Винъ душъ запропастывъ
Чы я жъ черезъ іого зъ ченцямы не постывъ;
Отъ тилько и дае що днемъ на перемогу,
А ничью щобъ? Ей Богу!
Хочъ бы тоби загадавъ
Та хочъ развивъ изъ пьять погодовавъ!
А! Господы! Колыбъ уже до жинкы!
Наився бъ на весь рикъ, надудлывся бъ горилки.

12 іюня 1851 г. Капитолыкъ.

Де ты бродышъ, моя доле!
Не доклычусь я тебе;
Доси можно дыке поле
Прыгорнуты до себе.
А тебе ось не вблагаю
И прохавъ я и прошу;
И пытаюсь, и шукаю;
Тилькы серце я сушу.
Чы на мори ты зъ купцямы
За крамъ личышь барыши?
Чы въ будынкахъ изъ панамы
Исы ласощи й кнышы?
Чы на неби изъ виконця
Сучышъ дули харпакамъ,
Чы пры мисяци безъ сонця
Четешъ кучери зиркамъ?
Чи у поли на долыни
Дыкимъ макомъ ты цвитешъ:
Чы у лузи на калыни
Ты зозулею куешь?
Ой, оглянься хочъ разочокъ,
Моя доле, на мене!
Я слизу тоби виночокъ,
Прыгорнуся до тебе!

Яко ащебы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ (церк. слав. шрифтомъ).

Получено 3 февр. 1852 г. въ СПБ.

Пишла слава
Про Станислава.

—

Свитыть мисяць у виконце
Та въ очяхъ темніе!
Сяе въ неби ясне солнце,
Та серця не гріе!
Колыбъ шыдче вже отъ тая.
Звиздочка засяла,
Отъ тогдибъ то болисть злая
Камнемъ зъ серця спала!
Ой, дежъ вона забарылась?
Де вона блукае?
Чы въ шынку де похмелыдась
Тай тамъ спочывае?
Та вже нехай хочъ похмильну
Та ведуть швыденько!
Утнемо жъ мы ій весильну,
Прыймемо гарненько!
Ой, давно бъ вона небога
Въ Харкови блыщала,
Такъ отъ! зализна дорога
Усе поносвала!
Настроилы сучи нимци
Возивъ зъ чавунамы;
Народъ сыдыть на ослинци,
А тутъ.. Госпидь зъ намы!
Безъ воливъ и безъ конякы
Колеса махають!
Бо нехтожъ—самы чортяки
Рыдванъ попыхають!
А зустривсь зъ другимъ обозомъ?
Утруть тоби маку,
Зимнуть всього зъ твоимъ возомъ
На шпаньску кабаку!

Telle fut, cher et estimable Андрей Андреевичъ, la missive que j'ai espediée à mon venerable bienfaiteur du 12 janvier Puisse-t-elle derider pour un instant votre front?

23 января 1852 г. Харьковъ П. А. Г. Получено 3 февр. 1852 г. въ СПБ.

Слышану сотвори мнѣ заутра милость твою, яко на тя уповахъ.

Ой дежъ вона залетила,
Обицяна Галка Била?

Мабуть Харкивъ промынула!
Чы не въ вырій лышъ шморгнула?
Погана справа:
Нема Станислава!
Пысавъ панъ: звизду давъ
И червону стричку.
Отъ я й ждавъ.. дулю взявъ,
Щей поставывъ свичку [1])!
Ой! Схоплюсь! Утоплюсь!
Повишусь на гильци,
Або смерть, якъ напьюсь,
Найду я въ горильци!
Поскупывся цяцьки
Прислать на свытыну,—
Прысылайже гвиздки—
Забыть домовыну!
Не турбуй, не рятуй!
Ни вже не оклыгну!
Таки виру... не здвуй!
Щей ногою дрыгну!
И святыхъ не склыкай:
Вылають на славу!
Лучче грывню выймай
На здвинъ Станиславу!

Telle fut ma seconde jeremiade que j'ai envoyée à mon ange—tutelaire du 20 janvier courant, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ. Puisse-t-elle trouver un echo dans votre coeur? П. А. Г. 23 января 1852 г. Харьковъ. Вотъ уже минуло 24 дня съ тѣхъ поръ, какъ грамота подписана, а св. Станислава нѣтъ, какъ нѣтъ. Это необъяснимо! Не постижимо!

Si vous n'avez plus bèsoin, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ, des originaux, que je vous ai remis hier, vous m'obligeriez, si vous vouliez me les transmettre par le porteur de ce billet. J'en ai besoin pour dresser ma petition au nom du Conseil de l'institut afin qu'il veuille les faire enregistrer dans ses actes. Je n'ose pas franchir le seuil de la porte de son Excellence Николай Михайловичъ, la sachant obsedée par un cortége de pleureurs et de pleureuses.

---

[1]) По полученіи радостной вѣсти мы служили благодарственный Богу молебенъ 8 и 16 января.

Блаженни плачущіи,
Яко тіи утѣшатся.

Salut, estime et amitié. П. А. Г. 2 іюля 1851 г. Полтава.

XIV ода Горація, кн. 2-я.

Eheu! fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni; nec pietas moram,
Rugis et instanti senectae
Afferet et cet.
Ой часъ бы, Грыцьку, нашъ, ой! часъ пошановацця:
Не все жъ намъ, братику, не все нарубковать;
Не все зъ дивчатамы гасать и женыхацця,
И тютюнкову[1]) день и ничъ въ шынку круглять!
Бачъ—пыку зморщкамы—мовъ лемишемъ зъорало!
Ось ну! Помацай гырю лышъ:
Чы бачъ-якый—мовъ паршамы зстругало
На тимьи здоровецькый плишъ!
Отъ старисть! Схаменысь! а ты соби байдуже!
Ось, ось скандзюбыть въ сукъ, хочь напрямець якъ сій.
Та вже якъ яровавъ, мовъ огыръ, нашъ Андрій,
Ай той подався дуже!
А тамъ, козаче, зыркъ! пивидсиль, нивидтиль,
Кырпата свашка—гулькъ у хату!
Добрыдень, скаже, хлибъ та силь!
Здоровеньки булы зъ весиллямъ, свату!
А тамъ и солухивъ весильныхъ якъ утнуть!
Лежыть Грыцько, обдувся—якъ барыло!
Огъ и догравсь! Сюды, туды, верть-круть!
А тутъ Грыцька въ супоню и скрутыло!
Що думка, може, бачь така,
Щобъ отъ кырпатои[2]) гидзою откупыцця?
Тыкнуть на часточку попови пьятака,
Тай дейно довику зъ дивчатамы казыцця?
Що? може напечешъ горячыхъ буханцивъ,
Заколешъ пидсвынка та мьясомъ нагодуешъ
Каликъ, сыритокъ и старцивъ,
Та тымъ и пельку ты кырпатій зашпунтуешъ?

Ни, голубе! Вже не такымъ тузамъ
Кабаны кырпа втерла!

---

[1]) Водка изъ бочки, подъ которую кладутъ листья табаку-бакуна.
[2]) Смерть.

Вже Бонапартъ якъ давсь въ знаки и москалямъ,
Да и того на дно до пекла вперла!

—

Воно то—ничого гриха таить—гульвиса—
На часточку не ткнувъ николы й двухъ шагивъ,
Лупывъ нимоту й дравъ, та вжежъ и дравъ изъ биса,
Поки не скуштовавъ московськихъ стусанивъ!
Ну а Сирко? Богданъ? Мазепа и Палій?
Хыба попамъ, старцямъ обидивъ не справлялы?
Хыба церквъ, дзвиныць не муровалы?
Хыба не ставылы хрестивъ на стовповій?

—

А дужежъ тымъ воны отъ смерты откупылысь?
Любисинько лежать тамъ, де и всимъ лежать!
Чя срибломъ сукни ихъ, чы диркамы свитылысь
И дрантя, и ребронъ—все робакы зъидять!

—

А втикъ, щобъ въ москали на сей рикъ не схопыли.
Впровторять—такъ якъ разъ—въ погонци черезъ рикъ!
Не вмеръ—болячкы задавылы!
Та ба! Такъ одже-бачъ утикъ!

—

Колы на панщини душа не опряглася,
Колы то Господь боронывъ;
То въ животи—гляды—горилка занялася,
Або хто бебехы за жинку одсадывъ!

—

Та вже нашъ дякъ чыта у книжци не дурницю,
Що доведецця всимъ по повній выпывать;
Изъивъ Адамъ изъ Евою кысыцю,
А намъ прыйшлось за ихъ оскому прогонять.

—

Пындючыть нисъ Остапова Горпына
И знай—все мацае на шыи свій дукачь;
А тутъ не зуздрыцця—спитка лыха годына,
Тогди хочъ сядь—тай плачь!

—

Трищать одъ збожжя въ Опанаса
Засикы, клуни и токы;
Дере на насици Панько свій медъ на Спаса;
Кацапамъ отдае на спускъ свои ставкы;

—

А все бридня: покынешъ любу жинку,
Чумацьку снасть, воливъ и кильку паръ плугивъ,

И вирне наймыта, и дрибную дытынку;
Покынешъ все, кажу, на радисть ворогивъ!

—

А той, що знай-збиравъ и товкся головою,
На що серце въ сырій земли засне!
Отъ тилькы коржыкивъ та колыва зъ сытою
На помынкахъ душа ряды въ годы лызне!

—

А тамъ—гляды—по смерты въ хату й вперлы.
До жинки съ пару москаливъ!
Пишла куёвдыцця! Якъ не було—все втерлы
А дитвы мыркають безъ свытлы й постоливъ;
Конючять хлиба шматъ пидъ викнамы зъ торбамы,
О паплюга! Та се ще й такъ и сякъ;
Отъ лыхо: всю твою горилку зъ бахурамы
До щенту выпыла тай трубыть у кулакъ!

(Изъ тетрадки, на которой сдѣлана надпись: Cahier, copié par El. A. G. 1836).

Рукопись „Справжня добрость“ на 6 четвертушкахъ; въ концѣ приписка: cette pièce, commencée l'an 1817, ne fut jamais ni continuée ni achevée. Переписалъ авторъ 7 іюля 1836 г.

Сыдыть Петро у Полтави
Въ стани зъ почтарямы;
Теперъ Петро нашъ не въ слави,
Вже не зъ панночкамы!
Колысь було якъ забряжчыть
Въ браму у будынку,
Такъ пани Зассъ и закрычыть:
Мерщій горилкы зъ шынку!
Тягнить Петра на вечерю
Любіи дивчата!
Ставте на стилъ вы тетерю,
Та рижте курчята!
Теперъ Петро у Полтави
Въ стани зъ почтарямы;
Теперъ Петро вже не въ слави;
Годи зъ панночкамы!

А куды жъ вы мене, Андрію, загарбаете? Куды мене дынете? Куды мене запровторыте? Яку хату помеломъ моимъ будете мести? Яку дирку мною заткнете? 24 іюня 1848 г. П. А. Г.

Въ Капитоновкѣ, 9-го іюня 1851 г. (имѣніе Н. Мих. Лонгинова, близь г. Изюма).

Надудлывсь чаю
Тай самъ не знаю,
Якъ злизты зъ драбынкы
У паньски будынкы!

—

Обдувсь, якъ барыло
Тай ногы скрутыло,
Ледва ворошуся
Та исткы прошуся.

—

Колыбъ догадалысь
Та швыдче збиралысь
Що тамъ е—посыдать
А тамъ и обидать.

—

Можебъ, видъ серця трошки одлыгло,
Бо ждать, Ей Богу! такъ давно обрыдло!
Тай докыжъ ій спаты
И въ лижку лежаты?

—

А нуте, хлопьята!
Мерщій на стилъ курчата!
Та дайте горилкы
Чы то намъ скилькы!

—

Чоловикъ не скотына,
Отъ! якъ дытына—
Лызне зъ пивъ-видерця,
Абы глыстивъ прогнать видъ серця!

П. А. Г.

Петро мужыкъ не покорный
Та вдавсь соби проноза зъ биса:
Здаецця зъ пыкы и дурный
Та годзынковатый гульвиса.
Отъ! Гедзь напавъ Петра! Не спыть, не исть николи
Бажае бачыть Пьятембурхъ
И—знай—черка пысулькы до Мыколы,
Нехай, каже, покы не выпре зъ мене духъ,
Хочъ разъ тоби я поклонюсь:
Нехай на Пьятембурхъ доволи надывлюсь.
Мыкола гарный, любый панъ,
Черка ему: „надінь ты, Петре, свій жупанъ,

А на жупанъ зъ видлогою свитину
И решетыловскій кожухъ
И хлиба де яку шматыну;
Тай чымчыкуй що мога въ Пьятембурхъ".
Отъ нашъ Петро уже и въ Пьятембурси
Въ свитыни новій и въ кожуси!
Петра за гостя прыняли;
Петра у моды повели,
Чого Петрова душка забажала,
Усе побачыла, всёго покуштовала...
Петро, мовъ еднораль, мижъ панствомъ выступае,
Передъ Петромъ москаль ручныцю пиднимае;
Петрови въ тарилкахъ пидносять паньску страву
Та що й казать! Петро пишовъ у славу!
Але Петрови вже нудненько щось стае;
Петро буцимъ то сяде, то встае;
Все груды мацае, кородыцця и кашля
И ныщечкомъ пидъ нисъ соби скрывышысь кашля
Петрови стричку и хрестъ Мыкола втеребывъ,
Петра Мыкола въ двиръ до Самои водывъ;
Петро буцимъ повеселивъ,
Та випьять здуривъ
И свитомъ нудыть,
Другихъ и самъ себе посередъ ночи будыть;
Петра напалы перелогы;
Петра зъ нудьги не носять ноги;
Въ Петра буцимъ усе въ господи умира;
Въ Петра вси хвори тамъ—и жинка й дитвора!
Петро прытьмомъ до дому до двора!
Мыкола панъ швыдчій Петровій жинци
Въ царыци выпрохавъ намисто въ сто червинцивъ;
Петро упьять повеселивъ,
На вси чотыри поглядивъ,
Тай, паночку, сказавъ: здоровижъ оставайтесь
И въ Пьятембурхъ мене вже бильшъ не сподивайтесь.

Cet impromtu fut composé à S. P—bourg 3 mars 1833 dans la maison de S. E. m. de Longuinoff, secraitaire d'Etat de S. M. Jmperiale au moment, où l'auteur prit son congé de S. E. revenir à Kharkoff.

Возрадуюся и возвеселюся о милости твоей, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, спаслъ еси отъ нуждъ душу мою; и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои.

Тай гарна жъ та галка била,
Що до Петра прылетила!
Чого жъ мени журытыся?
Хыбажъ ище трясьци!
Тилькы Богу молытыся,
Щобъ жыть въ твоій ласци.
Чого божавъ—усе ты давъ:
На нивъ вику стане;
Абы лышень ты виковавъ
О! Мій любый пане!
Черезъ плечи почепывъ ты
Стричку червоненьку,
А надъ серцемъ прышпылывъ ты
Звиздочку ясненьку;
И на радощахъ серденько
Пидъ звиздою бьецця,—
Що ажъ стричка та частенько
На грудяхъ трясецця!
Та й гарна та галка била
Що до Петра прылетила
И на грудяхъ іому сила!
„А пожывемъ, якъ, самъ кажешъ“,
„Щей Гальку достанемъ“.
Ну! Тамъ соби якъ самъ зважышъ..
Мы спорыть не станемъ!

П. Артемовскій-Гулакъ.

13 февраля 52. Харьковъ.

Истязалъ еси беззаконіе мое и грѣхи моя изслѣдилъ еси, руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя; потомъ же, преложивъ, поразилъ мя еси. Іова, кн. I.

1.

Ну! вже такы
Далась въ знакы
Мени та галка била!
Мовъ чырякы
На печинкы
Отъ такъ прытьмомъ и сила!

2.

Було вси дни
На черени
Пряжусь та позихаю,
Та шисть разивъ
До пырогивъ
Изъ печи я злизаю.

3.

Ряды въ годы
До бороды
Було доходыть дило...
Отъ розскубешъ,
Въ жмени помнешъ,
Та й впьять у просо смило!

4.

Було й сопешъ,
Було й хропешъ,—
Другымъ й соби байдуже...
Такъ отже, бачъ!
Хочъ сядь тай плачъ!
Отъ треба Галкы дуже!

5.

Звизду прыславъ
Тай наказавъ,
Що бъ що дня я голывся,
Перыну славъ,
Пыку вмывавъ
И що дня чепурывся!

6.

Ой випъ мене
Зъ свята зжене
Московською пенею!
Отце бида
Отта звизда!
Нехай тамъ Господь зъ нею!

7.

Ну й зхаменусь!
И пидголюсь!
Чого тамъ разходывся?
Та якъ пидъ часъ
На мисяць разъ
И безъ того голывся!

8.

Тилько не лайсь —
Та не звущайсь,
(Бо кепьска выйде справа,
Якъ зашморгнусь
Та й почнюсь
На стричци Станислава)!

Колы моеи розмовы не втнете, за що жъ мене кобеныте? Колы моихъ виршей не чытаете, за що жъ мене потрипуете и лаете? Отъ! бачъ, зминывся тай зледащывся? Та надъ якымъ же гаспыдомъ буду я працюваты и бебехи надрываты? Була робота—була й охота; лежавъ на шыи обовьязокъ,—ну й роботы було чы мало вьязокъ. Було дило—ну й робыть кортило; а колы теперъ видъ обовьязку на втикачи, такъ поневоли треба лежаты на печи. Отъ! и лежымо, и имо, и пьемо, и спымо! и встаемо та впять лежымо, и имо, и пьемо и спымо! Запряжить въ дило, потягнимъ смило, накыньте ярмо—той повземо. Чы ясно, чы хмарно, намъ и такъ гарно. А хлиба треба? Упаде зъ неба. А въ неби не стане? Жинка достане; нехай конючыть—та дитокъ учыть! А мы соби на думци,—та сіого буцимъ и не вважаемо и, тее то якъ іого, такъ соби и пануемо и нисъ до горы пындючемо и—знай то и дило, що мацаемось за груды, чы вона—отъ та била Галка стырчыть, та сяе, та народъ лякае? Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Марта 1852. г. Харьковъ. Изъ письма его къ Н. М. Лонгинову.

(Копія).

На побѣды русскихъ надъ турками, одержанныя ген.-лейт. Андроникомымъ въ Азіи 14-го и вице-адмираломъ Нахимовымъ 18 ноября 1853 г. на портѣ Синопа.

Сыдыть Абдулъ
Губы надувъ
И гадку гадае:
Що тамъ—мое
Турецькее
Війско поробляе?

—

Скилькы жъ воно—
Въ море на дно—
Москаливъ пустыло!
Скилькы рыбьятъ
Зъ ручныць, зъ гарпатъ
Трупомъ положыло!

—

Ой вже жъ тіи
Турецькіи

Війска розчухралы!
Вже жъ надъ нымы й
„Со святымы“
Дякы одспивалы!

—

Вжей въ Пьятенбурхъ
Гинець Явтухъ
Чкурнувъ, що мавъ силы—
Зъ листомъ объ тимъ,
Що туркамъ всимъ
Тынхву въ нисъ встромыли.

—

Сполать тоби
Въ Руській земли
Андронче козаче!
Ты бусурманъ
Зьявъ на гананъ
Нехай Абдулъ скаче!

—

Сполать тоби,
Въ Русській земли,
Нахыменку хвацькій,
Що попалывъ
И потопывъ
Байдакы Султаньски.

—

Та вжежъ лызнувъ
Та вжей мазнувъ
Султана по пыци!
Провивъ шрамкы!
Будутъ втямкы
На морди сыныци.

—

Такъ, бачъ, Султанъ,
На сей изъянъ,
Щей морду пындючыть,
На паноцця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучыть.

—

Сучытъ арканъ
Дурный Султанъ,
Тай скручуй тугенько,

Бо туркамъ всимъ
Высить на имъ
Прыйдецця довгенько.

П. А. Г.

На разбитіе ген.-ад. Бебутовымъ 19 ноября 1853 г. въ Азіи 36 тыс. турецкаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ Абди-паши. Посланіе П. И. Л—вой въ отвѣтъ на ея записку съ первымъ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ.

Що тамъ у хрона,
Пани, сокочешъ?
Якыхъ тамъ виршивъ
Вихъ мене хочешъ?
Спивавъ тоби я
Андронка славу,
Спивавъ козацьку
Нахымка справу,
Спивавъ, якъ турчынъ
Зъ нымъ счепывся,
Що й самъ не радъ бувъ,
Не одхрестывся;
Спивавъ я соромъ
Въ ганьбу Султаньску,
Стоптану силу
Іого поганьску;
Такъ отъ же тоби
Сіого ще мало!
Хыбажъ Меджиду
Ще гирше стало?
„Ой стало гирше
Видъ того часу,
Якъ турчынъ зъ ляхомъ[1])
Удравъ до лясу;
Якъ Бебутъ дався
Въ знакы невири
Взявъ станъ й гарматъ
Двадцать чотыри“.
Отъ це до шмыгы,
Любая пани,
Такъ се Бебутъ ихъ

[1]) Въ замѣну радостнаго извѣстія объ этой блестящей побѣдѣ П. И. Л—ва непремѣнно требовала въ отвѣтъ малороссійскихъ стиховъ.

[2]) Извѣстно, что въ разбитомъ корпусѣ Абди-паши находилось много отчаянныхъ польскихъ политическихъ коноводовъ.

Выхлеставъ въ бани?
Нехай же дурни
Здорови зносятъ
Та й ще въ Бебута
Парку поросять!
Поки жъ той турчынъ
Зъ невдячнымъ ляхомъ
Чухраютъ лисомъ,
Не бытымъ шляхомъ,
Я изъ гарматъ ихъ
Запалю люльку
И заспиваю
Таку имъ думку:
Якъ до тебе, Меджыде,
Отъ ця звисточка прыйде,
Що нашъ бравый князь Бебутъ
Давъ Абди-паши капутъ,
То не дывись вже, мовъ той сычъ,
А въ сирка очей позычъ,
Та прыйды и повынысь,
Нызько въ ноги поклонысь,
Въ церкви Богу помолысь,
Та недуже той скупысь
И на сповидь кинь грывняку,
Щобъ Бебутъ не втеръ ще маку;
Побожысь тай дай зарику,
Що до смерты, що до вику
Не заченышъ бильшъ николы
Билого царя Мыколы.

12 декабря 1853 г., Харьковъ.

Совѣтъ султану на затью его перенести свой дворъ, знамя и сорочку Магомета въ Адріанополь. (Копія).

Ой! не мандруй, султане,
До Адрынополя
Бо тамъ тебе зостане,
Лыхенькая доля!
Ой не бажай, султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи та стане
Гирша одъ гирчыцы!
Не розвертай, султане,

Хоругвы Магмета:
Москаль зъ древна хочъ стягне,
Хочъ пробье зъ мушкета!
Не розвишуй, султане,
Сорочкы пророка:
Москаль сцупыть—якъ гляне,
Охъ! буде морока!
Ой не схыляйсь, султане,
Дэ Балканивъ ухомъ,
Бо зъ ихъ віе погане...
Кулевчынськымъ духомъ!
Нехай твій нисъ, султане,
Въ горы й не сягае,
Бо зъ гиръ Дыбычъ якъ встане,
До смерты злякае.
Не поглядай, султане,
На чорнее море:
Въ чорнимъ мори въ тумани
Плыве твое горе!
Бачъ! въ Сыноніи, султане,
Клубкы дыму вьюцця!
Отъ тожъ твои моряне
Зъ Нахыменкомъ бьюцця!
Бачъ!.. якъ море, султане,
Одъ ихъ гарматъ стогне?
Твое війско кохане
Зъ байдаками тоне!
Ой! не дывысь, султане,
За море—къ Ацхуру;
Тамъ доставъ вже и достане
Турчынъ хлосту въ шкуру;
Не посылай, султане,
Війска къ Аршачаю,
Бо вернецця въ Карсъ пьяне
Видъ русського чаю!
Не наклыкай, султане,
На русскихъ Шамиля,
Бо й винъ лебонь не встане
Зъ Даргського похмилля[1])!
Не поможуть, султане,
Праньци й Яглычаньци,
Москаль свого дотягне
Не въ вечиръ, такъ въ раньци!
Такъ спыжъ дома, Меджиде,

[1]) Дарго—бывшее гнѣздо Шамиля, взятое и разрушенное русскими въ 1845 г.

Мы буркать не будемъ,
А якъ москаль надійде,
Мы тогди й розбудимъ.

П. А. Г. 16 декабря 1853 г., Харьковъ.

Воззваніе къ Франціи по случаю ея союза съ Англіею въ 1853 г. противъ Россіи по восточному вопросу. (Копія).

Чого вы праньци [1]) розсвербылись?
Якый васъ гаспыдъ розчесавъ?
Буложъ вже трошкы й заструпылись,
А тутъ уньять васъ гедзь напавъ?
Ой не своимъ вы глуздомъ, праньци,
За сю дурныцю узялись!
Васъ пидцьковалы Яглычваньци,
Що вамъ не разъ въ знакы далысь!
Хыба жъ не зъ нымы въ давню сварку
Вы зшкварылы на шышлыку
Орлянську панночку Одарку [2]).
А хтожъ вамъ раду давъ таку?
Воны, воны! Дурни вы праньци!
Та що давныцю й спомынать?
Та ще й неподавно... погаьци
Далы вамъ перцю скоштувать?
Чы щежъ у Трахвалгари трохы
Утерлы носа вамъ воны?
Стяглы зъ васъ плюндры и панчохы,
Спалылы байдакы й човны...
Та що й казать? а въ Абукыри
Хыба не выщыпалы вамъ
Чупрыну всю воны изъ гыри?
А хочъ бы й дядько вашъ и самъ?
Хыба жъ іому ще мало сала
Воны за шкуру залылы!
А зъ Ватеря якъ давъ винъ драла...
Хыба жъ зъ запечи не стяглы?
Хыба не вперлы на Олену,
Пославшы скаучать надъ нымъ

---

[1]) Французами называютъ ихъ наши Калмыки (Москв. 1854, №№ 1 и 2).

[2]) Іоанна д'Аркъ, орлеанская дѣва, сожженная на кострѣ, по приговору французскаго духовенства.

Собаку яглыцьку скажену [1])
Поки й не ставсь надъ нымъ кысымъ?
Се Пальмерстинъ! Се винъ, псяюха!
Винъ васъ пидвивъ пидъ монастырь.
Ой! Втопыть же винъ васъ по уха!
Ну! Вышкварыть изъ васъ винъ жыръ!
Згадайте жыда Пацяпына [2])!
За що на грекивъ винъ озлывсь.
За що винъ, навиженна пыка,
Мовъ рыпьяхомъ до ихъ вчепывсь?
За те, що въ мори Грецька сыла
Попережала ихъ човны
Ы крамъ свій продавать возыла
Куды й возылы свій воны.
Отъ! Пальмерстинъ, якъ гайдамака,
Спалывъ вси грецьки байдакы,
Загарбавъ гроши ихъ—собака,
Цяцьки и срибни образкы.
А щобъ не румсалы Ахвыны
За срибни образкы й цяцькы,
Винъ злипленыхъ прыславъ имъ зъ глыны
Такихъ, якъ аккуратъ, божкивъ [3]).
А тежъ Омельково весилля [4])?
Хыба жъ воно вамъ не втямкы?
Хыба жъ васъ Палмерстинъ съ похмилля
Не обертавъ на вси боки?
Згадайте, якъ Пелыпъ зъ столыци
Давъ драла, що и очкуръ згубывъ?
Ни жупанка, ни паляныци
Зъ господы винъ не захопывъ!
А що жъ то у іого будынкахъ
Добра и худобонькы було!
Въ коморахъ сала, срибла въ скрыньякахъ,

---

[1]) Въ трагической развязкѣ великой наполеоновской драмы участь плѣнника св. Елены не разъ сравнивалась съ судьбою Прометея, а Сэра Гудзона Ло—съ коршуномъ, его терзавшимъ (От. Зап. 1853, ноябрь, отд. VI, стр. 1).

[2]) У кого не въ свѣжей еще памяти извѣстная претензія жида Пасифіено, послужившая неразборчивой политикѣ Пальмерстона предлогомъ къ нанесенію греческой торговлѣ, а съ нею и благосостоянію Греціи рѣшительнаго удара.

[3]) Извѣстно, что вмѣсто увезенныхъ англичанами изъ Аѳинъ въ Лондонъ драгоцѣнныхъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, они прислали грекамъ гипсовые съ нихъ снимки и тѣмъ въ грабежѣ расквитались. (Independance Belge 1853 г.).

[4]) Le mariage d'Espagne du duc d'Aumale, извѣстный испанскій бракъ герцога Омальскаго, надѣлавшій столько тревоги Вестминстерскому кабинету со всѣми его послѣдствіями для династіи орлеанской съ 24 ф. 1848.

А все жъ то марно такъ пишло.
А скилько образкивъ Версальскихъ!
Малярскихъ куштивъ и божкивъ!
Паперивъ та книжокъ школярскихъ,
Нивъ, лукъ, ягнятокъ и коривъ?
Все дномъ у верхъ перевернулы
Мудри Роленкы та Бланкы,
А тамъ у Лондинъ и шморгнулы,
Тай гавкають мовъ ти сирки!
Отъ! Палмерстинъ тамъ ихъ и водыть
Де треба пидцькувать кого:
Тутъ плюндры нимцеви пошкодыть,
Тамъ вырвать лытку у того...
Сихъ цуцыкивъ тамъ багатенько,
А зъ ихъ найскаженныши си:
Кошутко, Кланка та Маценко.
І сказано... собакы вси.
Одынъ—знай—гавка на венгерця,
Другый на москаля гарчыть;
Той на цесарця пиныть зъ сердця,
А Палмерстинъ цькуе й мовчыть.
Мовчыть—та двохъ навчыть, поганый,
На думци жъ оберта свое
И въ *кузни Хворенскій* кайданы [1])
На мыръ хрещеный винъ куе.
Зъ чужои славы перелогы
Іого хватають за жывитъ;
Одъ заздрощивъ трясуцця ногы,
Пройма іого цыганскій питъ.
Видъ думокъ тимья все въ пирплыцяхъ,
Запалы въ лобъ, якъ въ ліохъ, банькы,
Гадюча шкура въ жовтяныцяхъ;
Стягнуло кендюхъ и кышкы.
Не спыть винъ въ день, не спыть и ночи,
А що найгирше дошкуля
Іого и шыломъ коле въ очи,
То слава Білого царя!
Ни, каже, не зможу николы
Знесты, хочъ ты мене заризъ,
Важенькои рукы Мыколы.
Бачъ! Що пидсуне те и ижъ!
На що орудуе винъ, каже,
Всимъ свитомъ и до всихъ добравсь?

---

[1]) Англійское Foreing office, такъ прославленное въ наше время подкопными дѣйствіями разрушительной политики Пальмерстона.

Тыхъ маслечкомъ по губкахъ маже,
Другимъ втямы до суду давсь?
На що, въ угорьскую пожогу [1])
Пальводивъ угамовавъ?
Цесарцеви послявъ пидмогу?
Голштынській справи раду давъ?
На що винъ пышнымъ мосцяпанамъ
На *kark* [2]) шляхецькій наступывъ
Ы ихъ сеймове nie pozwalam [3])
Въ Сыбирь погрицца одпустывъ?
На що винъ Русалымську [4]) справу
Ы грецькій людъ въ опеку взявъ
Ы ажъ у Сыръ-Одарчынъ [5]) къ сплаву
Війска зъ гарматамы послявъ?
Се бачъ, въ земельку винъ Ындычу [6])
На наше безголовье пре!
Отъ тымъ то, праньци, вамъ я кличу
Гвалтъ! Турка Билый царь дере!
Якъ бачъ! Безъ спросу Ягычванцивъ
Абдула за чубъ винъ скубе!
Де схопыть—бье винъ бусурманьцивъ
Ы скарбъ ихъ до казны гребе!
Нужъ, праньци, стягнемъ, каже, силу,
Мы—наши, вы—свои човны,
Да пошлемо ихъ въ Дарданылу
Хай кышкають Москву воны?
Отъ! кышкають воны въ Безыци [7])
Кышъ! Москали! А москали
Частують турчына по пыци
Ы бьють на мори й на земли.
Що за прычына! Кажуть праньци
Ось! Поплывемъ лышъ пидъ Стамбулъ
Ну! Силькось!.. Поплыны у раньци,
На зустричъ выйшовъ имъ Абдулъ.
Здоровъ Абдуле! Що чуваты?
Багацько жъ москалывъ уклявъ?
Щобъ васъ нечыста клала маты?
Своимъ сватамъ Абдулъ сказавъ.
Пидсилы вже мени вы лыты

---

[1]) Угорская пожога=Венгерскій мятежъ.
[2]) Kark по польски: шея.
[3]) Nie pozwalam—извѣстное liberum veto на шумныхъ сеймахъ.
[4]) Русалымська справа—вопросъ объ Іерусалимѣ и св. мѣстахъ.
[5]) Рѣка Сыръ-Дарья.
[6]) Земелька Ындыча—Индія, откуда и названіе индыкъ.
[7]) Безика=гавань у Дарданелъ.

Е чымъ катюгъ васъ помынать!
Стяглы зъ мене усе до ныткы,
Та ще й на глумъ ну! пиднимать!
Объилы городъ волоцюгы,
Шынкы й трактыры обпылы
Ы съ перепою одъ натугы
Кышкы вамъ въ пельку пидплылы [1]).
„Та нубо! нежартуй! розсказуй!“
Яки тутъ жарты? хай вамъ бисъ!
Та вже соби якъ не розмазуй,
За васъ я дулю взявъ пидъ нисъ!
„А якъ же се“? Отъ такъ попросту:
Бебутъ зъ Андронкомъ на земли,
Нахымко давъ на мори хлосту,
А жъ въ голови гудуть чмели!
„А ты жъ намъ що дасы за працю“?
Тры вырвы въ шыю, зли сыны!
Та на дорогу глечикъ смальцю
Щобъ швыдче йшлы до сатаны!
Ни се, Абдуле, кепьска справа!
Мы сцупымъ Кандзькій остривокъ [2])“
„А праньцамъ“? „Въ заробитку слава
Та на дорогу батижокъ?“
Батигъ имъ знадобыцця й дома
Своимъ гульвисамъ шкуру драть,
Щобъ бунтовать зійшла оскома
Ы туркомъ москаля лякать,
Мени жъ зоставыте вы, псякы,
Хочъ на тютюнъ? Та, ну, не хнычъ!
Мыкола втре тоби кабакы,
А ты поставышъ могарычъ!

20 декабря 1853 г. Харьковъ. П. А. Г.

(Копія).

Послѣдній экзаменъ, произведенный мною воспитанницамъ Полтавскаго института въ январѣ и февралѣ 1854 г.

У Полтави, въ славнимъ мисти [3])
Будынкы биліють;

---

[1]) Съ какимъ безчинствомъ англійскіе матросы вели себя въ Константинополѣ въ послѣднее время до выхода союзнаго флота ихъ въ Черное море—о томъ неоднократно повторено было какъ въ иностранныхъ, такъ и въ отечественныхъ газетахъ

[2]) Островъ Кандію, около котораго съ такимъ самоотверженіемъ давно уже ухаживаютъ англійскіе комиссары въ видахъ цивилизаціонной политики Пальмерстона.

[3]) Мисто—городъ.

Въ тихъ будынкахъ дивчатъ зъ двисти,
Якъ макъ, червоніють.
Вовтузяцця жъ ти дивчата
Та не зъ парубками:
На лавочкахъ пташенята
Сыдять надъ книжками!
Зъ стембулкою [1]) въ пальченятахъ
Стихъ [2]) свій у часловци
Промовляють—пастенята—
Ажъ трыщыть въ головци!
Чогожъ взялись такъ дивчата
За той стихъ въ часловци?
Щобъ погладыла ихъ маты
Гарно по головци!
Хто жъ ихъ маты? Хто родына
Объ ихъ печалыцця?
Ихъ родына—Украина,
А ненька—царыця.
Гребе квочка на смитаначку,
Курчатокъ скыкае:
Кличе й ненька сыриточку,
Въ свитлыцяхъ ховае.
Няньчыть іи й доглядае,
Одверта, що шкодыть,
Обчисуе й одягае,
До глузду доводыть.
Чкурнувъ почтарь до царыци
З лепортомъ що сылы,
Що панночкы, въ товстій книжци
Вже стихъ свій довчылы...
Ну! чухрай же й ты, Гулаче,
У Харькивъ, що мога:
Тамъ зъ дитками жинка плаче,
Жде тебе небога!

(Все это извлечено изъ рукописи, хранящейся въ Петербургѣ, въ имп. публичной библіотекѣ).

[1]) Стембулка—указка.
[2]) Стихъ—урокъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА.

Исчезновеніе старыхъ рукописей, фамильныхъ бумагъ и писемъ—явленіе столь обычное, что мы почти не обращаемъ уже на него вниманія и перестали возмущаться имъ. Въ обществѣ мало культурномъ, какъ наше, и въ эпоху полнаго перелома всего строя жизни, какова наша эпоха, этимъ свидѣтелямъ прошедшаго даютъ мало цѣны, легкомысленно не дорожатъ ими. Старинныя бумаги сохраняются или случайно, или тамъ, гдѣ, какъ въ кладовой Плюшкина, сохраняется все,—отъ стараго календаря до старой подошвы... Въ одной изъ подобныхъ кладовыхъ наткнулись мы на рукопись стихотвореній поэта дилетанта начала нашего вѣка, не столько характерныхъ самихъ по себѣ, сколько типичныхъ для времени и среды, къ которой относятся, ея тогдашней физіономіи, умственнаго уровня. Нѣсколько замѣчаній, излагаемыхъ ниже, касаются, поэтому, менѣе самого автора и его произведеній, чѣмъ того времени, его условій и духа.

Иванъ Андреевичъ Горленко, авторъ стиховъ, принадлежалъ къ извѣстной малороссійской фамиліи и происходилъ по прямой линіи отъ полковниковъ Прилуцкихъ Лазаря и Димитрія Горленковъ. Онъ владѣлъ довольно значительнымъ состояніемъ на окраинѣ нынѣшняго Прилукскаго уѣзда, которымъ занимался спустя рукава и которое къ смерти его уменьшилось болѣе, чѣмъ на двѣ трети. Въ первомъ бракѣ онъ женатъ былъ на Скоропадской. Второй бракъ былъ изъ неудачныхъ и значительно ускорилъ его кончину.

По преданьямъ, онъ отличался большою „поэтическою лѣнью“ и малымъ пристрастіемъ къ хозяйству, охотно и подолгу гостилъ у родныхъ и друзей, писалъ стихи легко и много, немножко служилъ и усиленно предавался философскому раздумью, утопая въ волнахъ синяго дыма, несшагося изъ чубука его длиннѣйшей трубки, и обезпеченный дешевою и привольною жизнію въ условіяхъ крѣпостнаго права. Онъ не былъ отнюдь представителемъ несноснаго типа графомановъ, людей помѣшанныхъ на авторствѣ безъ всякихъ къ тому данныхъ и права... Какъ увидимъ, онъ очень не дурно владѣлъ стихомъ, къ сочинительству имѣлъ призваніе и подходящій складъ ума, владѣлъ достаточной, къ сожалѣнію слишкомъ достаточной,—литературной подготовкой. Но всѣ эти черты у него—средняго, не оригинальнаго пошиба; въ нихъ чувствуется умная подражательность и ни капли творческаго дара. Всѣ эти данныя позволяютъ намъ относиться къ нему, какъ къ типичному обращику стихотворца-обывателя эпохи Карамзина и Жуковскаго, изъ подъ вліянія которыхъ онъ не выходитъ въ своихъ стихахъ. Какимъ образомъ такого подражателя произвела среда, бывшая еще недавно козацкою, и малороссійская деревня, столь далекая отъ пруда, гдѣ утонула бѣдная Лиза, и горницы, гдѣ гадала Свѣтлана?

Это было новое поколѣніе малороссіянъ изъ „старшины“, воспитанное уже на русскомъ языкѣ, въ русскихъ образцахъ и пріемахъ ученія. Силы слабыя, подражательныя—всегда ищутъ готовыхъ литературныхъ образцовъ, готовую форму, подъ которую подгоняютъ свою духовную производительность. Она требуетъ выраженія, но она блѣдна и недостаточно могуча, чтобы создать нѣчто свое, отразить и претворить окружающее и выразить его въ своебытныхъ формахъ и образцахъ. Старая малороссійская книжная словесность, оставшись школьной и буквенной, образцовъ такихъ не дала, и поэтическія струйки потекли по руслу, проторенному русскими сентименталами и романтиками, руслу тогда новому и привлекательному, вскорѣ ставшему избитымъ и приторнымъ. И вотъ мы читаемъ „фантазіи“, посланія и думы Ивана Горленка, удачно и близко под-

ходящія къ тону, складу и голосу многочисленныхъ „пѣвцовъ“ альманаховъ, сборниковъ и ежемѣсячниковъ, въ одномъ изъ которыхъ („Демокритъ“) принимаетъ участіе и нашъ авторъ, и нисколько не выдѣляющіяся изъ общаго хора, какъ не выдѣляются изъ него заурядные голоса „партій“, на которыя онъ раздѣленъ.

Солнце въ западѣ скрывалось,
Робкій вечеръ наступалъ,
Все уныло отражалось,
Рощу вѣтеръ колыхалъ.
На утесѣ, надъ рѣкою,
Скромна хижина стоитъ,
Тамъ тѣнистою главою
Сановитый дубъ шумитъ...
Тамъ, вечернею порою,
Я люблю, когда я *самъ*,
Говорить съ моей душею,
Дать свободный ходъ мечтамъ.
Ахъ, за что-жъ мой духъ смиренный,
Ты мнѣ въ счастьи отказалъ?
Посмотри: вкругъ злакъ зеленый,
А давно-ль тутъ снѣгъ лежалъ;
Есть всему чреда въ природѣ,
И чреда по временамъ:
И невзгодамъ, и погодѣ,
И веселью, и слезамъ...
Лѣсъ чернѣетъ за горами,
Свѣтитъ мѣсяцъ въ небесахъ,
И сребристыми лучами
Искры мечутся въ волнахъ.
Въ жильяхъ огоньки мерцаютъ
Такъ, какъ звѣзды вдалекѣ,
Струй жемчужны брызги таютъ,
Мчится кто-то въ челнокѣ;
Дерзновенною рукою
Онъ весломъ своимъ гребетъ,
Съ несклоненною главою
Заунывную поетъ.
Онъ поетъ, но не страдаетъ,
Хоть унылое поетъ,
Къ брегу путь свой направляетъ,
Скоро, скоро приплыветъ,
Приплыветъ... А я, несчастный,
Гдѣ-же берегъ мнѣ сыскать,
Чѣмъ утѣшить духъ мой страстный,

Чѣмъ отраду сердцу дать?...
Цѣли жизни содрогаясь,
Я для слова онѣмѣлъ.., и т. д.

Это озаглавлено: „Хижина въ Ярошовскомъ саду“. Какія общія черты въ описаніяхъ и въ пейзажѣ, какая литературная условность во всемъ и вѣрность излюбленнымъ образцамъ! И этотъ садъ, и эти дубы сохранились до сихъ поръ, и извѣстны намъ; видно даже мѣсто, гдѣ стояла „хижина“,—хотя многоемногое измѣнилось съ того времени въ этомъ живописномъ уютномъ уголкѣ. Гдѣ былъ огромный прудъ, образованный рѣчкою Лисогоромъ, перерѣзанною плотинами, тамъ теперь болотистый лугъ, поросшій вербами, „чернѣвшій за горами“ лѣсъ давно съѣденъ алчными къ наживѣ Іудеями, о томъ, что тутъ могли стоять огромныя водяныя мельницы, несомнѣнно свидѣтельствуютъ лишь торчащія изъ земли *пали*... Стараго дома, гдѣ жилъ стихотворецъ, не существуетъ давнымъ давно. Одинъ только запущенный, старый садъ, съ громадными дубами и ясенями, съ липовыми бесѣдками, съ чащами рибису, сирени и барбарису, съ разлогими, живописными, но уже погибающими, яблонями и грушами, одинъ этотъ садъ напоминаетъ былое. Да также свѣтятся вечеромъ огоньки въ хатахъ противоположнаго берега, какъ свѣтились они, когда по рѣкѣ плылъ воспѣтый стихотворцемъ философъ, „пѣвшій унылую пѣсню, но не страдавшій“, бывшій вѣроятно никѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ дворовыхъ людей поэта, возвращавшійся этимъ ближайшимъ путемъ изъ лежащаго по другой сторонѣ пруда большаго села Ярошовки...

Авторъ стиховъ какъ бы завидуетъ ему, какъ бы предпочитаетъ его судьбу своей судьбѣ. Ничего не было-бы легче, какъ накинуться на него, по этому поводу, съ цѣлымъ ворохомъ гражданскихъ обличеній, проведя рѣзкую параллель судьбы тогдашняго раба и владѣльца. Но какой смыслъ этихъ обличеній заднимъ числомъ? И правы ли тѣ писатели, которые за ненормальными общественными отношеніями былаго, не хотятъ въ обличаемой ими сторонѣ совсѣмъ ужь признавать никакого человѣческаго образа, и въ рабовладѣльцѣ видятъ только рабовладѣльца, и ничего болѣе? Законодательный и общій строй времени необыкновенно вліяетъ на весь складъ понятій средняго

человѣка. Только исключительные умы возвышаются надъ уровнемъ нравственныхъ понятій своего вѣка. Люди средніе и заурядные принимаютъ ихъ, какъ общепринятую истину. Перемѣна совершается тогда, когда взглядъ просвѣщеннаго меньшинства станетъ преобладающимъ. Въ исторіи, поэтому, едва ли терпимъ легкій пріемъ приложенія современныхъ взглядовъ къ явленіямъ прошлаго. Многое ли изъ считаемаго несомнѣннымъ въ наше время устоитъ передъ судомъ человѣка конца двадцатаго вѣка или даже его середины?

Но, помимо подражательнаго мотива несостоятельности жизни и происходящей отсюда тоски, въ приведенныхъ стихахъ намъ чувствуется искра какой-то дѣйствительной неудовлетворенности. Ненормальность, тяжесть и пустоту жизни долженъ былъ, хотя смутно, чувствовать въ то время человѣкъ несомнѣнно добрый, какъ авторъ этихъ стиховъ, ничуть не созданный для роли угнетателя или тирана. Онъ не давалъ лишь себѣ яснаго отчета въ своей тоскѣ, отчета въ окружающемъ, нормальность котораго была узаконена для него общими и господствующими взглядами времени и среды, въ которыхъ онъ жилъ.

Въ стихотвореніи „Жатва“ онъ рисуетъ опять идиллическую картину уборки крестьянами хлѣба. По условному типу подобныхъ литературныхъ описаній той эпохи,—это—почти праздникъ, гдѣ жнущія крестьянки образуютъ „словесныхъ пчелокъ шумный рой, другъ друга превзойти старяясь“, гдѣ дѣти играютъ цвѣтами, „молодые забавники“ увиваются возлѣ юныхъ красавицъ, и работа дѣлается, какъ бы шутя. Литературные образцы, узаконенные, незыблемые, совсѣмъ заслоняютъ отъ стихотворца дѣйствительность, которую другой истинно-народный поэтъ, пятьдесять лѣтъ спустя, изобразилъ совсѣмъ въ иномъ видѣ въ извѣстной піесѣ: „На панщыни пшеныцю жала“...

Въ стихахъ своихъ нашъ авторъ постоянно возвращается къ роднымъ мѣстамъ, то называя ихъ собственными именами, то слегка измѣняя названія. Но этихъ мѣстъ въ описаніяхъ его мы не видимъ. Условность и подражательность—играютъ тутъ, конечно, большую роль; но надо вспомнить, что и вообще-то живописный, описательный родъ почти не существовалъ еще въ то время ни въ одной литературѣ. Дорогу ему проложили ро-

мантики, съ своими описаніями необычайныхъ странъ и временъ, и окончательно разработали его лишь реалисты.

Стихотворцу десятыхъ годовъ не по плечу была передача облика и впечатлѣній роднаго края. Эти безбрежные горизонты, рѣющіе въ сіяньи лѣтняго полдня, задумчивые дубовые и липовые лѣса, которыми одѣты холмы той мѣстности, широкія дороги и бѣлѣющія хатами села не нашли въ немъ своего живописца. Мѣста „простыя“, безъ вычуръ,—„ни замковъ, ни морей, ни горъ“,—но, помимо своей мягкой, благородной, „простой“, понятной и чужому глазу прелести,—какъ много говорятъ они уроженцу того края, слитому съ ними всей жизнью, гдѣ въ каждомъ уголкѣ мѣстности осталась часть его души, въ ея лучшіе, свѣжіе годы... Но для этого надо *видѣть* и сознавать, а бѣдный плѣнникъ чужихъ литературныхъ формъ не видѣлъ, а только инстиктивно стремился къ чему-то, скованный своими образцами, какъ Прокрустовымъ ложемъ.

Найденная нами тетрадь стиховъ, характерной синей бумаги, довольно увѣсиста. Пьесы лирико-дидактическаго характера слѣдуютъ одна за другой: Осенняя ночь, Дубъ, Земное счастіе, Вечеръ въ Посудичахъ (имѣніе дружественной автору семьи Марковичей), Мой день въ Орловкѣ, Посланіе въ Пекинъ о разности людей, Діогеновъ фонарь, Жизнь, Трубка и табакъ, Мечта, Утро въ Ярошовскомъ саду, Леньковскій день... Нѣтъ надобности приводить изъ нихъ выписки. Стиль этотъ давно извѣстенъ, а содержаніе стиховъ—все тоже личное томленіе, тѣ-же перепѣвы излюбленныхъ авторовъ, тѣ-же лишенныя характера описанія. Текущая жизнь и дѣйствительность какъ бы не касаются пѣвца, онъ какъ бы умышленно сторонится и уходитъ отъ нихъ.

Онъ сдается намъ представителемъ тѣхъ добрыхъ, но слабыхъ людей, которые неспособны на зло, но безсильны и для дѣятельнаго добра, и которые, чувствуя неправду въ жизни, не вооружаются противъ нея, а лишь отъ нея сторонятся, стараются ея не видѣть.

Во второй своей супругѣ Иванъ Андреевичъ нашелъ замѣстительницу тѣхъ „крутыхъ“ сторонъ характера, которыхъ не доставало въ немъ самомъ. Стихотворецъ впрочемъ не

искалъ такого характера, а напалъ на него случайно, увлекшись, какъ эстетикъ, красивою внѣшностью. Новая супруга отнеслась къ хозяйству *серьезно*, отчего запищали подвластные мужики и бабы, но кладовая наполнилась до верху всякимъ добромъ, а въ шкатулкахъ появились пачки ассигнацій. Откуда берутся въ „прекрасномъ“ и „слабомъ“ полѣ эти характеры-кремни, эта не знающая предѣловъ алчность, и бездушіе, какимъ рѣдко отличаются, прославленные своей безчувственностью, мужчины? Но характеры эти, всѣ устремленные на корысть, на мелочь жизни, очень не рѣдки въ прекрасной половинѣ нашего рода, и въ исторіи крѣпостнаго права роль ихъ чрезвычайно замѣтна. Если такой женщинѣ попадется мужъ изъ людей порядочныхъ и мягкихъ, онъ совершенно оттирается ею на второй планъ. Такія особы поправляли и составляли состоянія на радость потомкамъ, которые непрочь пожалуй поліберальничать теперь насчетъ „ужасовъ крѣпостнаго права“.

Намъ рисуется такая картина изъ послѣднихъ годовъ жизни нашего стихотворца: онъ давно сдалъ все хозяйство на руки жены, не вникаетъ почти ни во что, но время отъ времени долженъ фигурировать въ качествѣ главы дома и верховнаго распорядителя по управленію. Чудное майское утро, въ которое, казалось, въ человѣческую голову, среди этого праздника природы, не могла бы даже зайти мысль объ угнетеніи. Не таково, однако, мнѣніе „внимательной къ хозяйству“ супруги нашего стихотворца. На крыльцѣ дома она творитъ судъ и расправу съ провинившимися по ея мнѣнію наканунѣ мужиками. Она зоветъ мужа, чтобы онъ, властью хозяина, распорядился поучить, „какъ слѣдуетъ“, Степана или Максима. Съ неизбѣжной трубкой, выходитъ онъ на балконъ. Солнце сіяетъ такъ ласково, еще блещетъ роса на травѣ, чирикаетъ вольная птичка... „Ахъ, мой другъ, дѣлай, какъ хочешь!“ говоритъ онъ женѣ и спѣшитъ въ комнаты записать мелькнувшую въ умѣ счастливую риѳму...

В. Г—ко.

Къ исторіи мѣстечка Борисполя полтавской губерніи.

Въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ [1]) при разсказахъ о событіяхъ XI и XII вѣка неоднократно встрѣчается топографическое названіе: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*. При этомъ точнѣе не опредѣляется, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ: городъ или село, озеро или болото, рѣку или ручей и т. д.? Въ одномъ только случаѣ видно, что къ неопредѣленному: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*—примыкало *поле*, слывшее подъ именемъ *Летскаго*, *Летьскаго* или *Лядьскаго*. Вотъ мѣста изъ лѣтописей, относящіяся къ интересующему насъ названію:

1) Лѣтомъ 1015 года сынъ Владимира Святаго, князь Борисъ, выступилъ въ походъ противъ Печенѣговъ. Онъ не нашелъ ихъ кочевьевъ въ тогдашней безбрежной южно русской степи и возвращался назадъ, въ Кіевъ. На встрѣчу ему послано было извѣстіе, что 15 іюля скончался отецъ его Владимиръ Святой. Онъ горько оплакивалъ смерть отца, горячо его любившаго, и, приближаясь къ Кіеву, „*ста на Алтѣ пришедъ*“ (Лавр. стр. 129, Ипат. стр. 92, Никон. стр. 71). Здѣсь настигли его посланные Святополкомъ убійцы (Путьша, Талець, Еловичъ и Ляшько), напали на него ночью (24-го іюля) и пронзили копьями. Борисъ еще дышалъ, когда его увертѣли въ полотно шатра, подъ которымъ онъ спалъ въ ночь убійства, и повезли, поло-

[1]) Цитаты изъ лѣтописей мы приводимъ по слѣдующимъ изданіямъ:

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изд. археограф. коммиссіи. Спб. 1872.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. археограф. комм. Спб. 1871.

3) Лѣтописный сборникъ, именуемый патріаршею или Никоновскою лѣтописью. П. С. Р. Л., Т. IX, Спб. 1862.

живши „*на кола*“, въ Кіевъ. Когда Бориса доставили сюда и Святополкъ убѣдился, что онъ еще живъ, то посланы были два Варяга прикончить его. Одинъ изъ нихъ пронзилъ ему сердце мечомъ.

2) Въ 1019 году Святополкъ пригласилъ въ помощь себѣ Печенѣговъ и шелъ къ Кіеву противъ брата своего Ярослава. Ярославъ выступилъ ему на встрѣчу „*на Алѣто*“. „*Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса*“ и послѣ молитвы двинулъ войска свои въ бой. „*И покрыша поле Летьское* (Лядьское) *обои отъ множьства вой*“. (Лавр. стр. 140, Ипат. стр. 101, Никонов. стр. 76). Сѣча кончилась пораженіемъ Святополка.

3) Въ 1068 году „*придоша иноплеменьници на Рускую землю, Половци мнози, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто*“. (Лавр. стр. 163, Ипат. стр. 118, Никон. стр. 94). Половцы одержали побѣду и русскіе князья обратились въ бѣгство.

4) Въ Лаврентіевскомъ и Ипатскомъ спискахъ лѣтописи подъ 1117 годамъ отмѣчено: „*Володимеръ Всеволодичь* (Мономахъ) *заложи церковь камену святою мученику*“ (Лавр. стр. 277, Ипат. стр. 205). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 150) сказано опредѣленнѣе: „*Владимеръ Всеволодичь заложи церковь камену на Алтѣ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба*“.

5) О смерти Владимира Мономаха лѣтопись по Лаврентіевскому списку (стр. 280, ср. Ипат. стр. 208) говоритъ такъ: „*И в лѣто 6633 отъ начала миру* (въ 1125 году) *преставися, мая мѣсяца въ 19 день, живъ отъ рожества своего лѣтъ 73 лѣта; преставися на Алтѣ у милое церкве, юже созда потщаньемъ многымъ; сынове же его и боляре несоша и Киеву, и положенъ бысть в святѣй Соѳьи, у отца своего*“. При характеристикѣ усопшаго князя, нѣсколькими строками выше, сказано было о церкви „*на Алтѣ*“ слѣдующее: „*Велику же вѣру стяжа к Богу и сродникома своима, к святыма мученикома Борису и Глѣбу: тѣмь и церковь прекрасну созда на Алтѣ* (въ Никон. сп., стр. 153: „*на Алтѣ*“), *во имя ею, идеже святаго Бориса кровь пролѣяна бысть*“.

6) Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ, князь Кіевскій, затѣялъ походъ противъ дяди своего Юрія Суздальскаго, желая поддержать Черниговскихъ князей. Выступивъ изъ Кіева, онъ переплылъ черезъ Днѣпръ, *„иде же на Лто, и оттолѣ иде къ Ньжатину, и отъ Ньжатина шедъ и ста у Русотины полкы своими“* (Ипат. стр. 243).

7) Въ другомъ походѣ Изяслава противъ Юрія, происходившемъ въ 1149 году, *„Изяславъ же ста пришедъ у Витечева, и ту приде къ нему братъ его Ростиславъ, силою многою и тако удумавша ту перебредоста Днѣпръ и оттуду поидоста в Олто, и ту приде к нима вѣсть в полудне, оже уже стрѣлци переѣхали чересъ Стряковъ къ городу* (*Переяславу*). Изяславъ и Ростиславъ двинулись далѣе къ Переяславу; *„пришедша к Переяславлю и переѣхавше Лтицю, поидоста за городъ полкы своими и стаста по Трубежю; а Гюрги стоя 3 дни у Стряковѣ“*. (Ипат. стр. 265).

8) Черезъ два года послѣ этого, въ 1151 году, Юрій сидѣлъ въ Переяславѣ. Онъ не имѣлъ ни откуда помощи, дружина его была частью избита, частью захвачена въ плѣнъ, и по неволѣ онъ долженъ былъ согласиться на миръ съ Изяславомъ. *„Приспѣвшю же празднику святою мученику* (2-го мая) *иде Гюрги на Лѣто и з дѣтми своими“*. (Лавр. стр. 318, Ипат. стр. 306). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 190) къ этому извѣстію добавлены нѣкоторыя подробности: Андрей Юрьевичъ Боголюбскій *„ото Алта иде къ Суждалю“*; *„князь же Юрьи Долгорукій ото Алта возвратися паки въ Переяславль и з дѣтми своими“*.

9) Въ 1152 году *„Вячьславъ* (Владимировичъ) *съ Изяславомъ* (Мстиславичемъ) *поидоста на Святослава Олговича к Новугороду, и на Василка Дюргевича. И якоже стаста на Лтѣ...* (Ипат. стр. 316), Изяславъ уговорилъ Вячеслава возвратиться въ Кіевъ, а самъ отправился въ дальнѣйшій походъ.

10) Въ 1154 или 1155 году было нападеніе Половцевъ на Переяславскую область. Отдѣльные списки лѣтописи излагаютъ это событіе нѣсколько различно. По Лаврентіевскому списку (стр. 326): *„Тогда же много зла створиша Половци около Пе-*

реяславля; пожгоша бо села вся, и Летьскую божницю святою Мученику зажгоша"; по Ипатскому списку (стр. 328): „*Тогда же много зла сотвориша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Лятьскую божницю, и святою мученику Бориса и Глѣба храмъ зажгоша*"; по Никоновскому списку (стр. 201): „*Того же лѣта паки пріидоша Половци, и много зла сотвориша около Переяславля, власти и села пожгоша, и монастырь Рожество пречистыа Богородици, и монастырь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, и монастырь святаго Савы и Летскую божницу, въ ней же множество богатства, все разграбиша и пожгоша, а люди въ плѣнъ поведоша*". Послѣднія два извѣстія вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній: — Слѣдуетъ-ли разумѣть подъ названіемъ „*Летской божницы*" именно ту каменную церковь, которую построилъ Владимиръ Мономахъ въ 1117 году въ честь Бориса и Глѣба, или эта церковь и „*Летская божница*"—два отдѣльныя сооруженія? Если вѣрнѣе послѣднее, то стояли-ли эти сооруженія въ одномъ мѣстѣ, или въ разныхъ? Что разумѣетъ Никоновская лѣтопись подъ именемъ „*монастыря*" святыхъ Бориса и Глѣба: ту-же ли самую Мономаховскую церковь, или-же какое-то иное, третье, сооруженіе?—По нашему мнѣнію, правдоподобнѣе всего можно объяснить эти недоумѣнія такимъ образомъ: Текстъ Лаврентіевскаго списка является найболѣе древнимъ и точнымъ. Въ XII-мъ вѣкѣ подъ словомъ „*божница*", какъ мы знаемъ изъ другихъ памятниковъ, разумѣлась вообще „*церковь*", „*templum*". Маленькая часовня (templum parvum, sacellum) называлась „*боженкой*" [1]). Такимъ образомъ со стороны значенія слова „*божница*" нѣтъ никакого препятствія считать „*Летскую божницу*" именно церковью Владимира Мономаха. Позднѣйшіе переписчики, утративъ пониманіе слова „*божница*", находили невразумительнымъ, почему прекрасная каменная церковь Владимира Мономаха могла называться „*божницей*", и, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, внесли въ текстъ лѣтописи поправку въ томъ смыслѣ,

---

[1]) См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. I, Спб. 1893, стр. 140—141.

что добавленіемъ союза „*и*“ и слова „*храмъ*“ (Ипат. сп.) представили Летскую божницу и Мономахову церковь двумя отдѣльными сооруженіями. Переписчикъ Никоновской лѣтописи пошелъ еще дальше въ произвольныхъ домыслахъ и назвалъ Мономахову церковь—монастыремъ, а „*Летской божницѣ*“ приписалъ богатство, котораго она не могла-бы имѣть, если-бы была простой часовней, а не храмомъ на чтимомъ православными мѣстѣ убіенія св. Бориса.

Дѣлая выводы изъ приведенныхъ выше извѣстій древнихъ лѣтописей о мѣстѣ, называемомъ: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, мы можемъ установить слѣдующія положенія:

1) Мѣсто, носившее это названіе, находилось гдѣ-то на лѣвомъ берегу Днѣпра между Кіевомъ и Переяславомъ; изъ того и изъ другаго города нужно было сдѣлать нѣкоторый *путь*, чтобы до него достигнуть.

2) Мѣсто это служило для Кіевскихъ князей первымъ *приваломъ*, когда они выступали изъ Кіева въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра противъ степныхъ кочевниковъ, или противъ своихъ родичей, князей Черниговскихъ, Суздальскихъ и т. д.

3) Мѣсто это нельзя отождествлять съ рѣкой Альтой, по-народному: Ильтицей, потому-что рѣчка эта въ XII-мъ вѣкѣ называлась *Лтицей;* ее переѣзжали Изяславъ и Ростиславъ, маневрируя около Переяслава въ 1149 г. противъ войска дяди своего Юрія.

4) На этомъ мѣстѣ произошло четыре историческихъ событія: а) убіеніе Бориса, б) побѣда Ярослава надъ Святополкомъ, в) побѣда Половцевъ надъ Русскими, г) смерть Владимира Мономаха.

5) Самымъ точнымъ признакомъ для опредѣленія положенія этого мѣста въ теперешнее время можетъ служить построенная Мономахомъ каменная церковь. Если-бы удалось найти остатки этой церкви или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ точное извѣстіе о ея мѣстоположеніи, то этимъ самымъ разрѣшался-бы и вопросъ о мѣстоположеніи и значеніи загадочнаго *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*.

Въ настоящее время такое извѣстіе нашлось. Оно заключается въ документѣ, находящемся въ собраніи актовъ Кіевской Археографической Коммиссіи и переданномъ намъ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи О. И. Левицкимъ, которому приносимъ за это искреннюю благодарность. Документъ этотъ—выпись изъ книгъ земскихъ воеводства Кіевскаго отъ 30 іюня 1629 года. Изъ него видно, что игуменъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря Сераніонъ Бѣльскій съ братіею—вели процессъ съ Софіею Станиславовною Даниловичъ, урожденною Жолкевскою, за земли, присвоенныя отцемъ ея, коронным канцлеромъ Станиславомъ Жолкевскимъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра изъ владѣній монастыря. Жалоба монаховъ записана такъ: „Вельможности вашое антецессоръ [1]), небожчикъ [2]) канцлеръ коронный, маючи добра [3]) свои, село Иванковъ, въ якой колвекъ посесыи [4]) за Днепромъ, о границу з добрами церковными вышъ речоного монастыра пустынского: кгрунтомъ и селисчомъ Полукняжецкимъ, отъ летъ больше ста в спокойномъ уживанью [5]) поводовъ [6]) будучимъ, также и другимъ добромъ монастырскимъ, поводовъ, селу Княжичамъ, въ той же стороне коло того селища и кгрунту Полукнязского, яко в одной державе, лежачымъ, и в певныхъ ограниченьяхъ и обрубехъ своихъ будучихъ,—прылеглые; и не зоставуючи на своемъ кгрунтѣ Иванковскомъ, але подчас през разные особы надвослуплена и наднищена помененого монастыра, испустошеня отъ Татаръ, добръ сихъ помененныхъ заднепрскихъ поседаючы, тые то кгрунты церковные впрод двох; на кгрунте церковномъ Полукняжевскомъ, *въ окопе албо въ вале Полукнязскомъ, въ которомъ и церковь спустошоная на крве, где княжати рускаго, именемъ Бориса Володимеровича, забито, змурованая и до сего часу стоитъ*, который кгрунтъ поводове од давныхъ летъ у Солътана Албеевича тол-

---

[1]) Наслѣдодатель.
[2]) Покойникъ.
[3]) Имѣнія.
[4]) Во владѣніи.
[5]) Въ пользованіи.
[6]) Истцовъ.

мача купили и въ спокойной посесыи были, збудовавшы [1]) фолварокъ, уфундовалъ, а потомъ, наступившы на воеводство Киевское, свежо прошлыхъ часовъ и тымъ способные кгрунты помененые не толко по тамъ той стороне, але и по сей стороне того валу и церкве од Киева, оседати и посягнути почавшы, *коло того валу, церкве и дворца, черезъ себе збудованое местечко осадилъ и Барышполемъ назвалъ.* А кгды поводове, фолгуючы [2]), и през убозство свое и потугою о то с нимъ до права се не вдавали; теды онъ, а по немъ вже и вы, скоро се *местечко тое Барышъполь, албо Полукнязовъсчина*, уфундовало, подданымъ его, слобожаномъ тымъ, поля, дубровы Полукнязевские, Княжицкие, поводовъ, робити, пустошити и поседати росказали, а потомъ и далей, под самые пречоные села Княжича, в кгрунты церковные вдираючысе, слободы, футоры, албо села—на некоторыхъ месцахъ поосаживали, меновите: на кгрунте Княжецкомъ, на селищу Трыбуховѣ, надъ рекою Старыцею, село Трыбуховъ назвавшы, которою слободою и тые два урочищи: Городчане и Ивановичи—посягнули; другое село, на урочищу Дудоркове, Дудорковомъ тежъ назвавшы, и къ тому Дудоркову селище Ладыжичи осягнули. И такъ, яко антецессоровъ вельможности вашое помененнхъ, такъ по немъ и вельможность ваша, на тые добра наступившы, тые вси вышъменованые селища, урочысча и кгрунты одъ добръ церковныхъ до уживаня своего неправне, кром вшелякое слушности, посажанемъ того то местечка и сюлъ осягнувшы, и до сего часу уживаете, што вельможности вашой зъ правъ и диспозыцый поводовое стороны на термине пришломъ ширей показано будет, о которое то посягнене и посажене безправное вышъменованныхъ добръ, селищъ и кгрунтовъ ку снесеню с тих слобод местечка Барышъполя и пречоныхъ сюл поддаыхъ, а уступеня одъ нихъ поводови, ку церкве Божой, поводове вельможность вашу впрод до заплаченя вины первого нестаного судови и стороне, а потомъ и до усправедливеня се самое речы,—на термин вышъозначоный позываетъ, где правне абысте стали и в том се поводомъ скутечне усправедливили".

[1]) Построивши.

[2]) Относясь снисходительно.

Изъ этой жалобы монаховъ Пустынно-Николаевскаго монастыря можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Мѣстность, на которой расположено нынѣ мѣстечко Борисполе Полтавской губ., въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка называлась *„кіруптомъ Полукняжевскимъ“*.

2) Она была куплена Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ у толмача Солтана Албеевича лѣтъ за сто до 1629 г. и цѣлое столѣтіе находилась въ спокойномъ владѣніи монастыря.

3) Среди этой мѣстности находился *окопъ* или *валъ Полукняжевскій*, внутри котораго въ 1629 г. стояла (*„и до сего часу стоитъ“*) опустошенная каменная (*„змурованая“*) церковь, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита кровь русскаго князя Бориса Владимировича. Какой *„дворецъ“* находился еще внутри окопа или вала, нельзя себѣ ясно представить.

4) Коронный канцлеръ Станиславъ Жолкевскій захватилъ эту мѣстность у монастыря и вокругъ окопа или вала (съ развалинами церкви и дворца внутри его) основалъ мѣстечко, которое назвалъ Борисполемъ, конечно, въ память убіенія на этомъ мѣстѣ кн. Бориса.

Сопоставляя эти данныя съ заключеніями, сдѣланными нами при изученіи лѣтописныхъ цитатъ, относящихся къ мѣстности *Лто, Льто, Алто, Альто, Олто*, мы необходимо должны прійти къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ изъ нашего изслѣдованія:

1) Каменная церковь, построенная Владимиромъ Мономахомъ на мѣстѣ пролитія крови св. Бориса, называвшаяся иначе *„Дѣтской божницей“*, разграбленная Половцами въ 1154 или 1155 г., достояла тѣмъ не менѣе до начала XVII вѣка, какъ видно изъ словъ жалобы Пустынно-Николаевскихъ монаховъ: *„церковь спустошоная... змурованая и до сего часу стоитъ“*. Она точно опредѣляетъ мѣстоположеніе лѣтописнаго урочища: *Лто, Льто, Алто, Альто, Олто*.

2) Этимъ именемъ обозначалось земляное укрѣпленіе или городище („окопъ“ или „валъ“ XVII в.), служившее Кіевскимъ князьямъ мѣстомъ первой стоянки въ случаѣ выступленія въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Здѣсь въ 1015 г. былъ пронъ-

зенъ Борисъ, здѣсь въ 1117 г. была построена Мономахомъ каменная церковь, здѣсь онъ умеръ въ 1125 г.[1]), сюда въ 1151 г. приходилъ на богомолье Юрій Долгорукій. Около этого землянаго укрѣпленія тянулось *поле*, называвшееся *Летскимъ*. На немъ происходили кровопролитныя битвы Ярослава съ Святополкомъ (1019 г.) и Русскихъ съ Половцами (1068 г.)

3) Земляное укрѣпленіе, носившее въ XI—XII в. названіе *Лто, Льто, Алто, Альто, Олто*, въ XVII в. называлось *Полукняжевскимъ окопомъ* или *валомъ*. Оно послужило ядромъ, около котораго сложилось основанное Станиславомъ Жолкевскимъ мѣстечко Борисполе.

4) Нынѣшнее мѣстечко *Борисполе*, какъ и древнее городище *Лто, Льто, Алто, Альто, Олто*, находится какъ разъ на срединѣ разстоянія между Кіевомъ и Переяславомъ, и по своему географическому положенію вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ признакамъ, которые мы установили выше для лѣтописнаго урочища.

Послѣ всего вышеизложеннаго возникаетъ вопросъ: Почему древнее земляное укрѣпленіе или городище называлось въ среднемъ родѣ: *Лто, Льто, Алто, Альто, Олто*?

Намъ кажется, что названіе это оно получило отъ прилегающаго обширнаго болота, изъ котораго беретъ начало рѣчка Ильтица (лѣт. Лтица). И въ настоящее время болото это захватываетъ обширное пространство на востокъ отъ м. Борисполя, по направленію къ селеніямъ Кучакову и Иванькову, и весною представляетъ почти сплошное море воды. Насколько-же оно должно было быть богаче водою семь-восемь столѣтій назадъ, когда вокругъ него стояли еще сплошной стѣной дѣвственные лѣса, въ которыхъ запасы зимняго снѣга таяли медленно, напитывая почву водой, не сбѣгавшей такъ быстро, какъ это происходитъ въ настоящее время! Въ древнемъ русскомъ языкѣ озера или болота, служившія истоками рѣкъ, иногда назывались

---

[1]) Не представляетъ-ли упоминаемый монахами *дворецъ* остатковъ того княжескаго жилища, въ которомъ умеръ Владимиръ Мономахъ?

среднимъ родомъ того названія, которое служило для рѣки въ женскомъ родѣ: такъ, напримѣръ, озеро Нево (ладожское) и р. Нева и др. Въ нашемъ случаѣ болото *Лто* давало начало р. *Лтицѣ*.

Затѣмъ остается намъ разрѣшить еще одинъ вопросъ: почему позднѣе, въ 1664-мъ году, Переяславскій протопопъ Григорій Филоновичъ Бутовичъ и стрѣлецкій голова Селиванъ Кирилловичъ Бѣлый водрузили каменный крестъ въ трехъ верстахъ отъ Переяслава на лѣвомъ берегу Ильтицы, желая почтить этимъ мѣсто пролитія крови св. Бориса, и дали поводъ позднѣйшимъ поколѣніямъ благочестивыхъ людей и ученыхъ—считать именно мѣсто, отмѣченное крестомъ, мѣстомъ, на которомъ былъ пронзенъ копьями князь Борисъ и на которомъ стояла церковь Мономаха? Мы полагаемъ, что съ ихъ стороны это былъ домыслъ, неудачный комментарій къ лѣтописному тексту. Ни Бутовичъ, ни Бѣлый не знали уже, что мѣсто пролитія крови св. Бориса точно отмѣчено остатками Мономаховой церкви, и на основаніи извѣстія лѣтописи, что убійство совершилось „на Алтѣ“, произвольно отыскали его тамъ, гдѣ поставили крестъ.

Въ 1839 году около креста построена была стараніемъ Переяславскаго архіепископа Гедеона каменная церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, къ которой ежегодно 2-го мая совершается крестный ходъ изъ Переяслава [1]).

А. Стороженко.

[1]) См. Максимовичъ, Собр. сочин., т. II, 1877, стр. 330—339, статья „Сказаніе о праздникѣ св Бориса подъ Переяславомъ“.

Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Байда.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій былъ старшимъ изъ четырехъ сыновей князя Ивана Михайловича Вишневецкаго отъ первой жены его Анастасіи Семеновны, изъ дому Олизаровъ [1]). Въ первый разъ онъ упоминается въ историческихъ источникахъ въ 1545 году, въ то время, когда королевскій комиссаръ Левъ Патѣй производилъ люстрацію Волынскаго воеводства. Изъ данныхъ этой люстраціи видно, что князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій лично явился въ Кременцѣ къ королевскому комиссару и что онъ владѣлъ въ Кременецкомъ повѣтѣ имѣніями Кушнинъ, Подгайцы, Окнинъ, Таражъ, Камаринъ, Крутневъ и Лопушно [2]). Въ 1546 г. В. судился съ княземъ Александромъ Федоровичемъ Чарторыскимъ за какой-то домъ въ г. Вильнѣ. Въ 1547 г. В. получилъ королевскій привилей на державу Вонячинскую (въ нынѣш. литинскомъ уѣздѣ подольской губ.), но, кажется, фактически никогда ею не пользовался. Въ 1548 году В. судился за причиненіе разныхъ обидъ подданнымъ королевы Бѣны. Въ послѣдующіе годы В. не упоминается въ источникахъ; вѣроятно, онъ исправлялъ въ это время королевскую службу на пограничьи отъ Татаръ, какъ объ этомъ можно заключить изъ письма короля Сигизмунда-Августа къ Радзивиллу (1553 г.), въ которомъ король выражаетъ опасѣніе, какъ-бы В. не перебѣжалъ

[1]) См. Józefa Wolffa Kniazowie litewskoruscy. Warszawa 1895. Стр. 564.

[2]) См. Źródła dziejowe, Tom VI, Warszawa 1877, стр. 92, 94.

къ Туркамъ, сдавши имъ пограничные замки, порученные его охранѣ. Напрасно нѣкоторые историки думаютъ, что В. былъ въ это время старостой Черкасскимъ и Каневскимъ; онъ никогда не занималъ этой должности, по крайней мѣрѣ по назначенію отъ короля. Опасенія короля оказались отчасти справедливыми, потому-что осенью 1553 г. В. въ самомъ дѣлѣ хотя не перебѣжалъ къ Туркамъ, но бросилъ королевскую службу, отправился на Запорожье, собралъ тамъ дружину изъ козаковъ и производилъ съ ними нападенія на турецкіе и татарскіе улусы. Черезъ полгода послѣ своего бѣгства В. попросилъ прощенія у короля, представился ему 4 марта 1554 года въ Каміонкѣ, недалеко отъ Люблина[1]), былъ прощенъ и ему было поручено устроить на островѣ Хортицѣ оборонительное укрѣпленіе противъ Крымцевъ. Онъ воспользовался примиреніемъ съ королемъ, чтобы свататься на княжнѣ Гальшкѣ Острожской и ходатайствовать о предоставленіи ему должности старосты Черкасскаго и Каневскаго, но когда оба желанія его не увѣнчались успѣхомъ, то онъ, разсерженный за свои неудачи, дѣйствительно, отправился въ Турцію и поселился въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ). Однако В. скоро сталъ снова добиваться прощенія отъ короля, просилъ отдать ему въ завѣдываніе пограничные замки и въ случаѣ отказа грозилъ потурчиться или уйти въ Москву. Не получивъ оффиціальнаго разрѣшенія, В. самовольно возвратился изъ Турціи и опять устроился на Хортицѣ, откуда по-прежнему производилъ нападенія на сосѣдніе турецкіе и татарскіе улусы. Жалобы Турокъ и Татаръ на В. дошли до короля, который по этому поводу писалъ В., хвалилъ его за военные подвиги и сооруженіе замка на Хортицѣ, но въ то же время требовалъ, чтобы онъ не водилъ козаковъ противъ Турокъ, такъ какъ съ Турціей заключенъ миръ. Въ 1556 г. В. нападалъ съ запорожцами на татарскія крѣпости Исламъ-Кермень и Восланъ-Кермень, и подступалъ къ Очакову. Въ этомъ-же году онъ продалъ нѣкоему Михаловичу два имѣнія на Волыни: Кусовку и Роготну. Можетъ быть, что онъ сбывалъ свои имѣнія, разсчитывая пе-

[1]) Нынѣ любартовскаго у. люблинской губ.

рейти на службу къ московскому царю, потому-что въ сентябрѣ того-же 1556 года московскіе послы, возвращавшіеся изъ Литвы, писали царю, что В. собирается перебраться въ Москву. Въ декабрѣ 1556 г. король въ письмѣ къ Радзивиллу выражаетъ безпокойство, какъ бы поступки В. не нарушили мира съ Турціей, и хлопочетъ, нельзя-ли согнать В. съ пограничья. Король послѣ этого вызывалъ В. къ себѣ, но В. на свиданіе съ королемъ не поѣхалъ [1]). Между тѣмъ, дѣйствительно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1556 г. В. послалъ къ Іоанну Грозному слугу своего Михайла Ясковича съ извѣщеніемъ, что онъ бросилъ службу у короля, устроилъ укрѣпленіе на Хортицкомъ островѣ противъ Конскихъ Водъ у Крымскихъ кочевищъ и желаетъ служить царю. Царь принялъ услуги В. и послалъ къ нему дѣтей боярскихъ Андрея Щепотева и Нечая Ртищева съ опасною грамотою и съ жалованьемъ. 16 октября 1556 г. возвратились въ Москву Щепотевъ и Ртищевъ съ слугами Вишневецкаго Михайломъ Ясковичемъ и княземъ Семеномъ Жижемскимъ и объявили, что В. поступилъ на царскую службу и пошелъ противъ Крымцевъ подъ Исламъ-Кермень. Экспедиція къ Исламъ-Керменю удалась: В. взялъ эту крѣпостцу, людей перебилъ, а пушки перевезъ къ себѣ на Хортицу. Въ маѣ мѣсяцѣ 1557 года В. прислалъ къ Іоанну Грозному своихъ слугъ Дениса Малаго съ товарищами и писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей 24 дня осаждалъ его на Хортицѣ, но что онъ отбилъ осаду съ большимъ урономъ для Крымцевъ. Въ октябрѣ того-же 1557 г. В. писалъ Московскому царю, что онъ оставилъ Хортицкое укрѣпленіе по недостатку кормовъ, а укрѣпился въ Каневѣ и Черкасахъ. Царь велѣлъ ему очистить Каневъ и Черкасы, какъ города, принадлежащіе королю, съ которымъ заключено перемиріе, и ѣхать въ Москву. В. послушался, пріѣхалъ въ ноябрѣ въ Москву къ царю, былъ обласканъ и получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ (въ нынѣш. Тульской губ.) съ волостями и селами, и нѣсколько подмосковныхъ селъ. В. принесъ присягу вѣрно служить царю и цѣловалъ крестъ. Въ январѣ 1558 года В. опять от-

[1]) См. Wolff, стр. 565—566.

правился на Днѣпръ съ значительнымъ московскимъ отрядомъ, чтобы воевать Крымцевъ. Подготовлена была ему помощь и со стороны Кавказа, отъ черкесскихъ (пятигорскихъ) князей. Въ маѣ 1558 года В. извѣщалъ царя о своемъ походѣ къ Перекопу и о намѣреніи провести лѣто въ Исламъ-Кермени. Ему приказано было пріѣхать въ Москву, а на Днѣпрѣ оставить московскій отрядъ. По пріѣздѣ въ Москву, одно время онъ командовалъ отрядомъ, расположеннымъ въ Тулѣ для защиты отъ Крымцевъ, но въ февралѣ 1559 г. ему было уже приказано отправиться на Донъ, построить тамъ суда и предпринять морской походъ къ Керчи. Въ апрѣлѣ В. извѣщалъ, что онъ побилъ Крымцевъ на Айдарѣ близь Азова и многихъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ. Въ сентябрѣ В. опять пріѣхалъ въ Москву съ черкесскимъ мирзой Чюрукомъ, который долженъ былъ ходатайствовать отъ имени черкесовъ, чтобы ихъ приняли въ московское подданство, окрестили и назначили къ нимъ воеводу. Въ февралѣ 1560 года В. былъ назначенъ воеводой на Кавказъ къ пятигорскимъ черкесамъ, куда и выѣхалъ съ большой свитой и духовенствомъ. Тамъ, вѣроятно, Вишневецкому не понравилось, потому—что въ скоромъ времени мы застаемъ его опять на Днѣпрѣ предводителемъ запорожцевъ въ нападеніяхъ на Крымскіе улусы [1]). Въ это время онъ началъ уже при помощи своихъ родственниковъ, другихъ князей Вишневецкихъ, подготовлять для себя возможность возвратиться въ предѣлы Литовскаго государства. 5 сентября 1561 г. выданъ былъ ему отъ короля Сигизмунда-Августа глейтовный или охранный планъ съ амнистіей и дозволеніемъ въѣхать въ предѣлы государства, а потомъ такой же листъ на пріѣздъ къ королевскому двору [2]). Тѣмъ не менѣе В. не сразу ими воспользовался. Въ ноябрѣ 1561 г. онъ пріѣхалъ снова въ Москву и остался здѣсь до апрѣля, вѣроятно, для устройства своихъ частныхъ дѣлъ передъ новою перемѣною под-

---

[1]) См. Лѣтописецъ русскій (московская лѣтопись). Приготовилъ къ изданію А. Н. Лебедевъ. Москва, 1895, стр. 63, 64, 65, 72, 79, 81, 92, 117, 119, 123, 124, 125, 127, 134, 135, 157.

[2]) См. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, Спб. 1865, стр. 155—158, документы № 142 и 144.

данства. 14 апрѣля 1562 года царь велѣлъ В. ѣхать на Днѣпръ и „недружбу дѣлати царю Крымскому и королю Литовскому". 31 іюля того же 1562 года было уже получено въ Москвѣ извѣстіе, что В. измѣнилъ царю и уѣхалъ къ польскому королю съ козацкой дружиной въ 300 человѣкъ. Съ нимъ уѣхалъ и московскій атаманъ Водопьянъ[1]). Въ декабрѣ 1562 г. на сеймѣ въ Люблинѣ В. представился королю одновременно съ другимъ знаменитымъ авантюристомъ своего времени Альбрехтомъ Ласкимъ, воеводой сѣраздскимъ. Ласкій увлекъ его къ вмѣшательству въ Волошскія дѣла. Въ Волощинѣ въ это время боролись Гераклидъ съ Томшею за господарскій столъ. Въ августѣ 1563 года В. и Ласкій отправились съ дружинами въ Волощину помагать Гераклиду. Вскорѣ В. покинулъ Ласкаго и, подъ вліяніемъ коварныхъ совѣтовъ Томши, сталъ самъ мечтать о господарскомъ столѣ. Чтобы добиться стола, онъ съ небольшой дружиной двинулся внутрь страны. Только этого и ждалъ вѣроломный Томша; онъ окружилъ В. въ глухой пущѣ, перебилъ его дружину, а его самого, закованнаго въ цѣпи, отослалъ въ Константинополь, въ распоряженіе султана. Здѣсь Вишневецкій былъ подвергнутъ мучительной казни (повѣшенъ на желѣзномъ крюкѣ за ребро[2]). Подробности этого событія описываетъ тогдашній французскій посланникъ въ Константинополѣ въ донесеніи своему правительству отъ октября 1563 г.[3]). Трагическая смерть В. произвела огромное впечатлѣніе на массу днѣпровскаго козачества, среди котораго онъ такъ долго дѣйствовалъ. Пріукрашенная многими сказочными подробностями, она послужила сюжетомъ извѣстной думы о Байдѣ[4]). Байдой (гулякой, забубен-

---

[1]) См. Лѣтоп. рус. стр. 157, 159 и 163.

[2]) Въ думѣ о Байдѣ турецкій царь говоритъ своимъ гайдукамъ: „Возьмить Байду добре въ руки, возьмить Байду, извяжите, на гакъ ребромъ зачените".

[3]) См. Wolffa, стр. 567, со ссылкой на книгу: „Hurmuzaki, Documente privitore la Istoria Romanilor, suplement 1 Vol. I, стр. 19. Bucuresci 1886". Этой ссылки мы не могли провѣрить за неимѣніемъ подъ руками румынской книги г. Гурмузаки. Тождественный разсказъ о смерти Байды Папроцкаго (въ сочин. Гербы и пр.) переведенъ въ „Кіевской Старинѣ" т. XIII (1885 г.), стр. 258—259.

[4]) См. Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ, 1874, стр. 145—159, № 40; Костомаровъ,

ной головой) называли современники Вишневецкаго за его безпокойный, непосѣдливый нравъ, и за страсть къ военнымъ походамъ. Москвичи грубо называли его собакой: „притекъ Вишневецкій ко государю нашему, какъ собака, и потекъ отъ государя нашего, какъ собака же“ [1]).

Портретъ Дмитрія Вишневецкаго, воспроизведенный фототипіей для настоящей книжки „Кіевской Старины“, принадлежитъ къ той галлереѣ семейныхъ портретовъ, которая украшала нѣкогда круглый залъ Вишневецкаго замка, а нынѣ подарена Кіевской городской думѣ недавнимъ владѣльцемъ Вишневца г. Толли и ожидаетъ учрежденія въ Кіевѣ историческаго музея, чтобы быть прилично помѣщенной. Всѣ портреты князей Вишневецкихъ—одной мѣры, одного времени и одного письма. Очевидно, всѣ они писаны были какимъ то неизвѣстнымъ по имени художникомъ по желанію и по заказу одного лица изъ рода Вишневецкихъ, вѣроятнѣе всего—Михаила Сервація, строителя замка (р. 1680, ум. 1744 г.). Можно думать, что портреты позднѣйшихъ представителей рода, какъ, напримѣръ, Іереміи В. и короля Михаила В., списаны съ подлинныхъ, нынѣ исчезнувшихъ, старыхъ портретовъ, но что портретъ Дмитрія В.—чисто фантастическій. Неужели могъ существовать портретъ Байды, писанный съ живаго лица, при условіяхъ его времени и его судьбы? Сомнительно...

А. Стороженко.

Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, отд. отт. изъ Русской Мысли, стр. 41—44. Дума о Байдѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ.

[1]) См. Сборникъ Император. Рус. Историч. Общества, томъ 71, Спб. 1892, стран. 156.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ основалась „Кіевская Старина“. Авторъ напечатанной въ январской книжкѣ «Трудовъ Кіевской духовной Академіи» статьи о П. Г. Лебединцевѣ, говоря объ участіи покойника въ основаніи «Кіевской Старины», въ концѣ добавляетъ: «мы, кажется, не ошибемся, если даже скажемъ, что именно онъ и былъ настоящимъ иниціаторомъ въ основаніи этого журнала».—Это замѣчаніе вызываетъ настоящее поясненіе—какъ это основаніе произошло на самомъ дѣлѣ.

Весною 1879 г., свидѣлись въ Кіевѣ два любителя малорусской старины (одинъ—кіевлянинъ, а другой—черниговецъ) и, разсуждая о необходимости основать здѣсь, въ Кіевѣ, историческій журналъ на манеръ *Русской Старины* или *Русскаго Архива*, затруднялись вопросомъ о лицѣ, которое могло бы взять на себя редакторство такого журнала. Перебравъ нѣсколько именъ, кіевлянинъ, наконецъ, остановился на П. Г. Лебединцевѣ. По его мнѣнію, послѣдній могъ быть желаемымъ редакторомъ *Кіевской Старины* или *Кіевскаго Архива*, какъ по своей научной извѣстности, такъ и по своему общественному положенію, дававшему ему возможность легко получить и разрѣшеніе на изданіе предполагаемаго журнала.—Чтобы не откладывать дѣла,—сказалъ кіевлянинъ черниговцу,—поѣдемъ сейчасъ къ П. Г. Лебединцеву, я васъ познакомлю, а затѣмъ и поговоримъ... Сказано—сдѣлано, хотя былъ уже поздній вечеръ.—Поѣхали, любезно были приняты и, послѣ обычныхъ фразъ, кіевлянинъ изложилъ причину—нѣсколько страннаго по порѣ дня—визита.—Дѣло хорошее, отвѣчалъ Петръ Гавриловичъ, по обыкновенію, посмѣиваясь. Затѣмъ, поговоривъ еще о подробностяхъ изданія *Старины* или *Архива*, хозяинъ отвѣтилъ гостямъ, что взять на себя веденіе журнала онъ не можетъ, будучи очень занятъ, но прибавилъ П. Г., пригодный для этого дѣла чело-

вѣкъ найтись можетъ, а кто онъ такой—объ этомъ де станетъ извѣстно тогда, когда сей человѣкъ согласится... На этомъ гости съ хозяиномъ и разстались.—Почти черезъ два года послѣ этого, въ к. 1881 г., пишущаго эти строки посѣтилъ (въ Кіевѣ) Феофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ и, послѣ первыхъ фразъ знакомства, сказалъ, что онъ пришелъ къ нему, наряду съ другими, поговорить о планѣ и программѣ предполагаемой имъ къ изданію *Кіевской Старины*. При этомъ Ф. Г. пояснилъ, что когда онъ выслужилъ въ Холмѣ срокъ, дающій право на пенсію, то написалъ Петру Гавриловичу о своемъ раздумьи—что̀ дѣлать послѣ отставки... Петръ Гавриловичъ отвѣчалъ брату, что можно заняться въ Кіевѣ какимъ нибудь дѣломъ и—при этомъ—какъ на одно изъ такихъ дѣлъ, указалъ на *изданіе Кіевской Старины*... Переселившись изъ Холма въ Кіевъ, Ф. Г. уже въ нач. 1881 г. сталъ хлопотать объ осуществленіи предложеннаго братомъ дѣла, а въ январѣ 1882 г. вышла первая книжка «Кіевской Старины».

А. Л.

Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. «Высокородному и Высокопревосходительному Господину Генералъ Аншефу, Кіевскому Генералъ-Губернатору и орденовъ Бѣлаго Орла и Святаго Александръ Невскаго кавалеру Ѳедору Матвѣевичу, Его Высокопревосходительству Воейкову

Зъ кіевского магистрата

Репортъ, о дѣйствительномъ исполненіи по присланному ордеру.

Ордеромъ Вашего Высокопревосходительства, сего февраля 4 (1767 г.) подъ № 340 отпущеннымъ, а въ магистратѣ кіевскомъ сего жъ февраля 4 чиселъ полученнымъ, велено, какіе именно названіемъ магдербургскіе правы, по которымъ всѣ суды и расправы производить должно, кіевскому магистрату и мѣщанамъ по привилѣямъ утвержденъны, справясь, подать Вашему Высокопревосходительству обстоятельный репортъ.—А понеже въ утвержденныхъ магистрату кіевскому высокомонаршими жалованными грамотами привилегіяхъ королей польскихъ Жикгимунта 1544 марта 20, Жикгимунта Августа 1545 апрѣля 24, Стефана 1576 іюля 7, Жикгимонта третого 1588 мая 10 и Владислава четвертого 1633 года февраля 28 чиселъ повелено мѣсту

Кіеву и мѣщанамъ кіевскимъ и ихъ потомкамъ и наслѣдникамъ право нѣмецкое а теотонѣцкое названное магдебургское сполна во всѣхъ пунктахъ и артикулахъ содержать; и по оного установленію обходится и исправлятся; которого права книги въ магистратѣ кіевскомъ имѣются и по онымъ судъ и расправа содержится, какъ то на полскомъ порядокъ, юсъ мунъцыпале, тамъ же и спекулумъ Саксонъ, на латинскомъ спекулумъ Саксонъ, купно и юсъ муницыпале, да подтитуломъ Венедикта Карпзовія три книги: 1-я процесъ права, 2-я юриспруденція и 3-я практика рерумъ криминаліумъ[1]), на латинскомъ и нѣмецкомъ диалектахъ напечатанъные по тѣмъ же книгамъ въ многихъ зъсылкахъ и другіе разные книги показанъны, точію оныхъ всехъ въ магистратѣ кіевскомъ нѣтъ. О чемъ всемъ Вашему Высокопревосходительству магистратъ кіевскій чрезъ сіе всепокорнѣйше репортуетъ».

Подполковникъ кіевскій войтъ Григорій Пивоваровъ.
Бурмистръ Іосифъ Гудимъ.
Писарь Іаковъ Давидовскій.
Райца Іосифъ Козелскій.

9 февраля 1767 г. № 256.

Не лишенъ интереса вопросъ, какъ пользовался кіевскій магистратъ этими правными книгами. Данныхъ по этому вопросу опубликовано пока очень мало, и донынѣ еще остается нерѣшеннымъ споръ, въ какой мѣрѣ нормы магдебургскаго права въ латинскихъ и польскихъ передѣлкахъ и обработкахъ проникли въ административную и судебную практику городскихъ магистратовъ южной Руси.

Въ случайно сохранившихся кіевскихъ магистратскихъ дѣлахъ 2-й половины прошлаго вѣка находимъ слѣдующія данныя по этому вопросу.

Яковъ Давыдовскій былъ избранъ писаремъ кіевскаго магистрата въ 1757 году; добился онъ этого почетнаго и небездоходнаго званія

---

[1]) Ср. Теличенко, Очеркъ кодификаціи малор. права („Кіев. Стар., сентябрь, 1888 г., стр. 458) и A. Halban, Zur gesch. d. deutschen Rechtes in Podolien etc. (Berl., 1896), 65 сл. У Кистяковскаго (Права, по кот. суд мал. нар. Кіевъ, 1879) о соч. Карпцова не упоминается. Въ библіотекѣ кіев. унив. есть двѣ изъ упомянутыхъ магистратомъ книгъ Bened. Carpzovius'a: Practicae novae imperialis saxonicae rerum criminalium synopsis absoluta, extr. Gl. Svevo. P. 1—m. Lipsiae, 1655 и Processus juris in foro saxonico etc. Ienae, 1657.—„Порядокъ“ и т. н. „Саксонъ“—общеизвѣстни

благодаря женитьбѣ на дочери бурмистра Михаила Александровича. Уже въ 1763 году кіевскій войтъ секундъ-маіоръ Сычевскій просилъ гр. Кирилла Разумовскаго объ удаленіи Дав—го отъ писарскаго уряда за непочтеніе къ нему, войту. При этомъ Разумовскому представлено было доношеніе яко-бы отъ кіевскихъ мѣщанъ «о непорядочествѣ» Д—го въ должности «и что онымъ писаремъ Д—мъ составляемы бываютъ по дѣламъ приговоры не въ силу ихъ правъ по единому тому, что магистратскія права напечатаны на латинскомъ діалектѣ, а тому онъ, Д—ій, неизвѣстенъ, причиною жъ до сего многіе пришли до обиды и убытковъ, ибо де хотя нѣкоторые изъ судящихъ въ магистратѣ и наводили ему тѣ права о привнесеніи оныхъ въ дѣло, но то де имъ, Д—мъ не исполнялось». Въ ноябрѣ 1763 года гетманъ Разумовскій отрѣшилъ Давидовскаго и назначилъ кіевскимъ писаремъ войскового канцеляриста Михаила Кузминскаго.

Въ это время, какъ извѣстно, шла распря между членами магистрата и войтомъ Сычевскимъ изъ-за «хищеній». Магистратъ не призналъ Кузминскаго своимъ писаремъ, не платилъ ему жалованья и, на запросъ по этому поводу генералъ губернатора Глѣбова, въ іюлѣ 1764 года, между прочимъ, отвѣчалъ: «по справкѣ въ ономъ магистратѣ... никакова выбора и опредѣленія его на здешнее писарство не было, но отъ его сіятельства насланъ онъ сюда единственно по доношеніямъ войта кіевскаго Ивана Сычевскаго да согласника его кіевскаго жителя Ѳедора Куратника, онъ же и Доброгорскій, самого легкомысленнаго человѣка и явного гражданству подступника», съ 11-ю таварищами, «крайне подлыми людьми», банкрутами, несовершеннолѣтними и пр. «Оной же Д—ій съ начала опредѣленія его прошлаго 757 году во время публичной середопостной элекціи писаремъ, ту писарскую должность исправлялъ добропорядочно», и жалобъ на него не было. «Сверхъ же того никогда ни отколь никакіе чиновники, въ томъ числѣ и писарь въ магистратъ кіевскій насланны не были, но всегда за силою многихъ высокомонаршихъ всемилостивѣйше магистрату кіевскому жалованныхъ грамотъ, королевскихъ привилегій и утвержденныхъ майдебурскихъ правъ, вси до послѣднаго урядника въ магистратѣ при боблѣчной элекціи волными голосами выбираются».

Такъ какъ гетманское распоряженіе нарушаетъ эти права, то магистратъ обжаловалъ его еще въ февралѣ 1763 года въ Сенатъ; допускать Кузминскаго къ должности и платить ему жалованье, ни магистратъ, ни мѣщане, ни купечество, ни цеховые не желаютъ,

тѣмъ болѣе, что вполнѣ довольны Давидовскимъ, а Кузминскій не прекращаетъ своего согласія и единомыслія съ войтомъ Сычевскимъ, съ которымъ магистратъ имѣетъ немалую приказную ссору». Подписали: бурмистры Вас. Балабуха, Яковъ Козельскій, Ав. Александровичъ, Косма Кулешъ и райца Ив. Силенко-Ніечай).

Сенатскимъ указомъ распоряженіе гр. Кирилла Разумовскаго отмѣнено и въ томъ же 1764 г. Давидовскій возстановленъ въ писарской должности. Два года спустя отрѣшенъ и войтъ Сычевскій, а на его мѣсто, подъ давленіемъ генералъ-губернатора Воейкова, избранъ въ войты бывш. прокуроръ кіевск. губ. канцеляріи, надв. сов. Григорій Пивоваровъ [1]).

Должно быть, вскорѣ положеніе Давидовскаго среди городскихъ партій того времени измѣнилось, потому что уже въ декабрѣ 1770 года Пивоваровъ вмѣстѣ съ бурмистромъ Космой Кулешемъ и райцею Сем. Аврицкимъ донесли Воейкову о состоявшемся опредѣленіи магистрата: Давидовскаго отрѣшить, на мѣсто же его «въ писарскую должность въ силе утвержденныхъ магистрату кіевскому жалованныхъ грамотъ и магдэбурскихъ правъ опредѣлить кто по усмотрѣнію оного магистрата способенъ явится». Вина Давидовскаго заключалась въ томъ, что во время оказавшейся на Подолѣ болѣзни («язвы») онъ въ октябрѣ 1770 г. переѣхалъ съ семействомъ въ Николаевскую Пустыньку или скитокъ за Днѣпромъ и, несмотря на двукратное требованіе магистрата, не явился къ должности, ссылаясь на караулы и кордоны, яко-бы не пропускающіе его въ Кіевъ, чѣмъ оказалъ ослушаніе и пренебреженіе къ магистрату. «Въ утвержденныхъ же оному магистрату магдебурскихъ правахъ узаконено: въ зерцалѣ саксонскомъ подъ словомъ проступокъ на страницѣ 493: въ преступленіе оскорбленія величества входятъ всѣ тѣ которіе учинкомъ или какимъ нибудь дѣломъ защищаются противъ господина общества или противъ людей оного; въ книги практики дѣлъ криминалныхъ въ части 3 въ вопросѣ 101 въ статіяхъ: 9—какъ чрезъ наказанія магистрата порядокъ сохраняетца, обращенія исправляютца, продерзорсть унимаетца и чрезъ чинимые наказанія преступленія укрощаютца, такъ напротивъ того и послабленія магистрата немалая есть къ преступленію повадка, и кто прощаетъ худымъ, вредитъ добрымъ. И тамъ же добавлено, что магистратъ таковъ, кой худымъ наказанія оставляетъ, не точію

[1]) Ср. И. Каманина „Посл. годы самоупр. Кіева по магд. праву" въ Кіевск. Стар. 1888 г., сент., стр. 606.

терпимъ быть не можетъ, но паче истребленъ быть не долженъ, дабы чрезъ ослабленіе наказаній общества цѣль не ослабѣла; 15—хотя много преступающему наказаніе не ползуетъ, ни въ исправленіе приводитъ, однакъ оного другихъ ради не должно оставлять, дабы за ненаказаныемъ одного за преступленіе худшое что другимъ того жъ гражданства обивателямъ не воспослѣдовало, ибо часто за преступленіе одного ненаказаннаго Богъ гнѣвъ посилаетъ на весь народъ, какова же полза и прибыль чрезъ наказаніе за преступленіе обществу чинитца или изъ дѣлъ чинимыхъ наказаній или изъ обстоятельствъ оныхъ доволно извѣстно», и пр.

Не выждавъ отвѣта Воейкова, магистратъ въ январѣ 1771 года назначилъ писаремъ б. лавника Николая Леонтовича, между прочимъ потому, что «онъ, какъ учившійся въ латинскихъ школахъ, умѣетъ читать и писать по польски и по латыни, а къ тому переводить съ латинского и польского на россійскій діалектъ можетъ, на коихъ діякектахъ и утвержденные магистрату кіевскому майдебурскіе права состоятъ. Л—чъ былъ приведенъ къ присягѣ, въ книгѣ «Порядокъ» на стр. 25 напечатанной.

Давидовскій тоже обратился къ Воейкову съ жалобою на это распоряженіе, доказывая, что «въ самой сущей выности по всемъ узаконеніямъ, нихто не обвыняется безъ отвѣту и безъ суда», что въ писарскую должность онъ былъ назначенъ не однимъ магистратомъ, но по общему желанію всего гражданства, почему и смѣнить его магистратъ невправѣ безъ вѣдома гражданъ и утвержденія генералъ-губернатора.

При такихъ обстоятельствахъ возникла оффиціальная полемика между магистратомъ и Воейковымъ, тянувшаяся три года и веденная съ великимъ азартомъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Противникамъ пришлось вникнуть въ «правныя» книги магистрата и толковать ихъ постановленія примѣнительно къ данному казусу.

Приведемъ нѣкоторыя болѣе характерныя выдержки изъ этой юридической полемики.

Воейковъ возбудилъ вопросъ, имѣлъ-ли магистратъ право своею властью уволить Давидовскаго. Въ апрѣлѣ 1771 г. Шиоваровъ съ 5 бурмистрами и 4 райцами пояснилъ: «по утвержденному обыкновенію и по даннымъ сему городу отъ королей полскихъ привилегіямъ, особливо по привилегіи короля Яна Казимира 1649 года апрѣля 3 и по праву книги спекулюмъ саксонъ подъ словомъ райца на листахъ 43, 44, 45 напечатанному ежегодно въ день средопостній волными

голосами по градскому правленію избираются толко чиновники: бурмистръ, райца, медовой шафаръ, лавникъ, пивной шафаръ, инстигаторъ и урядники, а выборъ магистратского писара по праву книги порядокъ въ части первой подъ словомъ вына за фалшивое писаніе на листѣ 26 напетатанному, единственно въ магистратѣ присутствующимъ войту съ чиновниками на прилежное въ повѣреніи достойнымъ того писарского званія людемъ разсмотреніе, а не на волніе голосы, препорученъ, потому что волный выборъ совсѣмъ до сего не принадлежитъ, за силу коихъ правъ всѣ магистратскіе писари собираеми и отрѣшаеми бываютъ самими въ магистратѣ кіевскомъ присудствующими чиновниками, а не на публичныхъ элекціяхъ». Такъ было и съ Давидовскимъ, который принятъ писаремъ въ 1757 году «въ респектѣ того, что онъ взялъ себѣ въ жену дочь здѣшняго бурмистра Мих. Александровича» и при публичной элекціи представленъ обществу. «Когда жъ онъ, Д—ій, минувшого 763 году ноября 25 бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ сенаторомъ графомъ и кавалеромъ Кирилломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ отъ той писарской должности былъ отрешенъ, равно и другіе магистратскіе чиновники невынно чиновъ лишены», то по сенатскому указу всѣмъ имъ въ 1764 году возвращены прежніе чины. Теперь же на его мѣсто назначенъ Леонтовичъ; возвратить это мѣсто Давидовскому нельзя да и ему самому чина искать не пристойно, «для того, что по темъ же майдебурскимъ правамъ книги спекулюмъ саксонъ въ артикулахъ права майдебурского въ глосѣ въ артикулѣ 11 на стран. 43 напечатано: таковыхъ, что жаждничатъ уряду, въ чины произволить не повелено».

Воейковъ призналъ всѣ эти доводы неубѣдительными и въ маѣ 1771 г. предложилъ магистрату «учинить Д—му неумедлительную справедливость и удовольствіе». Въ отвѣтѣ войтъ Пивоваровъ съ комп. (въ томъ числѣ бурмистры Іосифъ С. и Іосифъ Ив. Гудимы) уже съ особымъ удареніемъ ссылаются на незнаніе Д—мъ латинскаго и польскаго языковъ, «кои суть самонужнѣйшія знанія въ писарской должности». Тѣмъ не менѣе магистратъ готовъ, по непремѣнному и древнему обыкновенію, «первіе въ кандидаты, а потомъ напредъ будущыхъ публичныхъ элекціяхъ въ пристойный магистратскій чинъ его выбрать и тѣмъ безъ удовольствія не оставить».

Въ отзывѣ на этотъ рапортъ Воейкову Давидовскій между прочимъ поясняетъ: «Дабы писари магистратскіе въ должности и званіи своемъ имѣли опредѣлительное время до волѣ магистрата, того ни

по утвержденнымъ магистрату майдебурскимъ правамъ нѣтъ, ни по прежнымъ обыкновеніямъ не бывало. Магистратъ есть не партикулярнее присутствующихъ правленіе и воля его, будучи ограничена законами, не можетъ быть законоположительною, подвергать невинныхъ несчастію и играть жребіемъ человѣка по своему вкусу, ибо и по вышеозначеннымъ магдебурскимъ правамъ есть выборъ и опредѣленіе чиновъ по волѣ и согласію общества, но изверженіе составляется отъ преступленія и зависитъ отъ законовъ.

Вслѣдство того и прочіе магистратскіе чины, яко-то бурмистры и райцы, опредѣляются по выбору общества, одиножды навсегда. А хотя и очередные по году имѣютъ въ магистратѣ присутствіе и содержатся въ правленіе своего года на жалованью оного жъ магистрата, равномѣрно такъ какъ и писарь, однако чиновъ неповинно лишить магистратъ не можетъ»... «Подведенное отъ магистрата кіевскаго магдебурское право въ части первой подъ словомъ вина за фальшивое писанье по сущему разумѣнію онаго не утверждаетъ беззаконнаго самовластія присутствующихъ въ магистратѣ, ибо хотя по оному напечатано, что райцы, присяжныки и мѣщане (стало быть общество) должны беречь, чтобъ писаръ былъ достойной, но когда оной опредѣленъ и при исправности безпороченъ, то невинному изверженію никакой законъ не подвергаетъ». Общество всегда одобряло его, Д—го, «а то неоспоримо, что за усердіе мое къ цѣлости гражданской страдалъ и гонимъ и на послѣдокъ изверженъ я былъ отъ бывшаго господина гетмана» [1]).

Въ іюнѣ 1771 г. Воейковъ требуетъ отъ магистрата объясненія, которое и получается въ іюлѣ. Отвѣтъ дышетъ зловеликимъ озлобленіемъ къ Д—му, который «столь зароженъ ненасытнымъ къ писарскому званію желаніемъ» и скрываетъ свое незнаніе латинскаго и польскаго діалектовъ: «итакъ разве самой опытъ экзамѣна сіе рѣшить

[1]) Слѣды этого враждебнаго отношенія гетмана Разумовскаго находимъ и въ сен. указѣ 18 ноября 1764 г. Представляя сенату взятые изъ магистрата кор. привиллегіи и гетм. универсалы, въ числѣ 128, Разумовскій „просилъ указу, чтобъ тѣхъ кіевскихъ мѣщанъ, кои во освидѣтельствованіи магистратскихъ крепостей явное ему непослушаніе оказали и къ возмущенію народному поводъ чинили, на тамошніе уряды не опредѣлять, опредѣленнаго же отъ него въ кіевскій магистратъ писаря Козминскаго, яко къ тому способнаго человѣка, не отрѣшать, тако жъ и о дачѣ за оклеветаніе старшаго канцеляриста Туманскаго и его гетманскихъ законныхъ опредѣленій съ кіевскихъ мѣщанъ, подписавшихся на доношеніи въ прав. сенатъ, требуемой имъ чрезъ генер. войск. канцелярію сатисфакціи". Сенатъ поручилъ рѣшеніе этого спора кіев. ген.-губ. Глѣбову.

и тѣмъ его Д—го конечно изобличить можетъ». «Новая сія и отъ власты, по мнѣнію его, независящая должность подасть ему, Д—му, поводъ вздумать еще далшое нѣякоесь утвержденіе сего писарства и для потомковъ своихъ». Магистратъ, какъ судебное мѣсто, имѣетъ право перемѣщать и удалять своихъ чиновниковъ.

Толкованіе Д—го, будто въ выборѣ писаря участвуютъ мѣщане, невѣрно, потому что въ Саксоніи собиралось лавниковъ 11, а войтъ двѣнадцатый, изъ которыхъ и составляется общій судъ; вмѣсто же этого числа лавниковъ «по древному и неперемѣняемому обыкновенію, которое закономъ уже въ обычай здесь введено, собирается семь райцовъ и толикое жъ число бурмистровъ, да для словесныхъ судовъ одинъ лавникъ и одинъ инстигаторъ». Д—ій не можетъ быть писаремъ и потому, что неучъ: неучи-писаря—стыдъ магистрату и мѣщанству. Причиною гоненій и страданій было его, Д—го, притворное усердіе къ обществу: «онъ будучи почти первымъ предметомъ тогдашнего здешнему городу неблагополучія, не устыдился въ безъизвестныхъ мѣстахъ побегомъ себя скрывать, а пряміе сего общества члены, съ коихъ болшая часть престарѣлыхъ бурмистровъ и райцовъ, будучи великодушіемъ и постоянною вѣрностію къ общественнымъ целостямъ обовязанѣны, не страшась въ своей невинности предъ воображавшихся бѣдъ, великія претерпѣли притѣсненія и лишены были отъ бывшого господина гетмана чиновъ». «Здешніе мѣщане за силу высочайшихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ крѣпостей единственно отъ магистрата и общего выбору, а не отъ кого либо другаго обикновеніе получали и нынѣ получаютъ чины».

Въ августѣ того же года изъ магистрата затребованы Воейковымъ выписки изъ «майдебурскихъ правъ» относительно выборовъ писаря, послѣ чего Воейковъ нашелъ претензіи къ Д—му за незнаніе латыни и польскаго языка неосновательными: по этому «праву» точно не сказано, чтобы имѣть писаря ученаго этимъ языкамъ, а велено, чтобы былъ годный, честный, постоянный и трезвенный, и всякое судимое дѣло и записи писаны были бы вразумительнымъ *природнымъ* діалектомъ съ наставленія разумнаго судьи.

Магистратъ продолжалъ твердить свое: по силѣ «правъ», Д—ій не можетъ быть писаремъ, ибо не знаетъ ни латыни, ни природнаго, т. е. польскаго, діалекта и потому ничего не можетъ разъяснить судьямъ природнымъ, т. е. россійскимъ, языкомъ, откуда въ дѣлахъ затрудненія. У Д—го есть капиталъ для занятія промыслами, да и во время писарства онъ накупилъ у бѣдныхъ людей много лавокъ. Ради

спокойствія магистрата, надо отказать Д—му; если же нельзя, то магистратъ просилъ представить дѣло сенату. На новый запросъ Воейкова, магистратъ въ январѣ 1772 г. донесъ, что незнаніе Д—мъ лат. и польскаго языка было сносно и не вызывало затрудненій въ «правномъ переводѣ» потому, что «тогдашній реентъ Лукъяновичъ и многіе канцеляристы, весьма исправные въ переводѣ правъ, на коихъ твердо во всемъ судъ полагаться могъ, при магистратѣ находились и потому и онъ, Д—ій, чрезъ 14 лѣтъ за готовымъ оныхъ правъ переводомъ способно и писаровать могъ; но елико нынѣ тѣ въ переводѣ исправные люди измерли», а въ магистратѣ и первоприсутствующій судья (какъ замѣтилъ Воейковъ) тоже не знаетъ латинскаго и польскаго языковъ, то тѣмъ болѣе нельзя держать писаремъ Д—го. Въ своемъ собственномъ дѣлѣ магистратъ можетъ быть судьею (ст. ст. 67, 69 и 71 «практыки дѣлъ криминалныхъ»), ибо въ семъ случаѣ судья болѣе исполнителемъ, нежели судьею состоитъ». Ежели ради спокойствія магистрата удаленъ по высочайшему повелѣнію войтъ Сычевскій, то кольми паче такъ слѣдуетъ поступить съ Д—мъ.

Въ іюлѣ 1772 г. Воейковъ, ссылаясь на выборъ Д—го городскимъ головою [1]), категорически потребовалъ отъ магистрата допустить его къ писарской должности. Магистратъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Д—ій не домогался мѣста за судейскимъ столомъ, а что касается жалованья съ акциденціею, то долженъ пользоваться въ размѣрѣ, назначенномъ было Леонтовичу, «ибо и бурмистрамъ съ райцами да и силе жалованныхъ грамотъ (чего о писарѣ нигдѣ не изображено) денежного производится толко: по шестьдесятъ рублевъ чрезъ шесть въ седмой годъ, т. е. въ ихъ правленіе, а шесть лѣтъ какъ въ разные употребляютца комисіи, такъ и въ магистратѣ присудствіе почасту имѣютъ безъ жалованья».

Удивленія достойно, писалъ Воейковъ магистрату въ августѣ того же года, какимъ образомъ оной магистратъ устремилъ негодованіе свое на писаря Якова Давыдовскаго, избраннаго нынѣ городскимъ головою», и сравнилъ его съ Леонтовичемъ, въ отмѣну своихъ прежнихъ постановленій. Пивоваровъ объявилъ Д—му: «ищи въ сенатѣ, а безъ того къ прежнему своему мѣсту допущенъ не будешь».

На новое приказаніе Воейкова магистратъ въ сентябрѣ между прочимъ пишетъ: «послѣдовавшее в. в. повелѣніе признавая сей ма-

[1]) Объ этомъ почетномъ званіи см. манифестъ Екатерины II 14 дек. 1766 г.— обрядъ выбора жителямъ городскимъ для присылки депутатовъ къ сочиненію проекта новаго уложенія.

гистратъ въ несносную себѣ тягость и обиду, принужденнымъ себя нашелъ наконецъ открыть что таковымъ в. в—ства повелѣніемъ есть магистратъ вовся недоволенъ», почему проситъ представить всю переписку въ сенатъ, куда и будетъ въ свое время подана апелляція.

«Я не могу себѣ вообразить, видя оного магистрата неисполненіе по силѣ четырехъ моихъ ордеровъ о писарѣ магистрата Давидовскомъ (пишетъ Воейковъ маг—ту въ маѣ 1773 г.) и что оной магистратъ подалъ отъ 17 сентября прошлаго 1772 года предосудительной себѣ и оскорбительной мнѣ репортъ, отзываясь себѣ отважно» и пр. Представлять дѣло въ сенатъ нѣтъ нужды,—оно ясно и незачѣмъ требовать указа на указъ. Требованіе: допустить Д—го безъ всякихъ отговорокъ, иначе «принужденъ буду поступить по правамъ».

Отвѣтъ въ іюнѣ 1773 г.: магистратъ все сдѣлалъ, что могъ, не смотря на чинимую тѣмъ магистрату «прискорбность», но Д—ій самъ презрѣлъ все это съ крайнимъ презрѣніемъ. Другихъ средствъ нѣтъ, чтобы его «удовольствовать».

Въ октябрѣ новый ордеръ: допустить безъ отговорокъ, подъ угрозою штрафа. Въ ноябрѣ отвѣтъ: никакъ невозможно, ибо Пивоваровъ и райцы Дмитровичъ, Д. Александровичъ, шафаръ мед. Вас. Копыстенскій и писарь Леонтьевичъ выѣхали въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ Пивоваровъ поручилъ писарскую должность реенту Данилу Слесарскому. До возвращенія пивоварова принять Давидовскаго «вовся не смѣемъ».

Въ ноябрѣ 1773 г. новый и послѣдній, имѣющійся въ дѣлѣ, ордеръ Воейкова: отговорка эта несогласна «съ правомъ магдебурскимъ, напечатаннымъ въ книгѣ порядокъ въ части 1 на страницахъ начавъ съ 11 по 19, гдѣ точно узаконено: войтъ на судѣ не находитъ сентенціи, ниже выданную опровергаетъ, а имѣетъ выдать оную такъ, какъ ему присяжники объявятъ; да спекулюмъ саксоникумъ въ книгѣ 3 въ артикулѣ 30 и въ правѣ гражданскомъ въ артикулѣ 14 въ толкованіи также написано» и т. д. Потому В. требуетъ исполнить требованія его безъ отговорокъ, въ противномъ случаѣ «въ оштрафованіи онаго магистрата поступлено будетъ по точной силѣ магдебурскихъ правъ!».

Вскорѣ послѣ того Воейковъ послалъ въ сенатъ рапортъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ этого дѣла. Объ этомъ просилъ и Давыдовскій, измученный волокитою. Намъ не извѣстно, получилъ-ли онъ полное удовлетвореніе. Въ 1781 году встрѣчаемъ его въ званіи бур-

гомистра и городского головы (Закревскій, Опис. Кіева, изданіе 1868 г., I, 95).

Замѣтимъ въ заключеніе, что матеріалы для «ордеровъ» по части «магдебурскихъ» цитатъ канцелярія Воейкова требовала и получала отъ того же магистрата, въ переводѣ Леонтовича, но ссылки этихъ ордеровъ на «права» обыкновенно весьма неудачны и обнаруживаютъ, конечно, еще большее незнакомство съ этими таинственными правами, нежели у кіевскихъ магистратскихъ юристовъ.

Сообщ. **Н. М.**

Измѣненія текста „Энеиды" И. П. Котляревскаго. Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1897-й годъ г. Сумцовъ помѣстилъ замѣтку: «*Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго*». Въ ней онъ рекомендуетъ относиться съ большой осторожностью къ самому тексту «Энеиды», въ особенности въ новыхъ изданіяхъ, такъ какъ «повидимому, были допущены значительныя измѣненія текста, передѣлки и пропуски». Сравнивъ затѣмъ текстъ первой пѣсни «Энеиды» по изданіямъ 1842 и 1878 гг. и найдя рядъ разночтеній, г. Сумцовъ считаетъ измѣненія изданія 1878 г. за поддѣлку и говоритъ: «Фальсификація смѣлая и часто умѣлая, но кое-гдѣ неудачная. Замѣтна узкая тенденція, претендующая сдѣлать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ. Къ чему, напр., штаны замѣнены галанцами? Замѣна неудачная. Галанци носили панскіе козачки (изъ голландскаго сукна. (fein holländisch, откуда фалендышъ)» и т. д.

Однако дѣло представляется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, если мы сравнимъ указанныя г-номъ Сумцовымъ варіаціи изданія 1878 года съ текстомъ перваго изданія «Энеиды» 1798 года[1]). Тогда ока-

---

[1]) Вотъ полное заглавіе его: а) на оберткѣ: „Малорусская Енеида въ трехъ частяхъ. Съ пріобщеніемъ значенія Малороссійскихъ словъ какъ содержащихся въ оной, такъ и весьма многихъ другихъ. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года"). б) на выходномъ листѣ: „Енеида на малорусскій языкъ переиціованная И. Котляревскимъ. Часть I. Съ дозволенія Санктпетербургской цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года. (Этотъ выходной листъ повторяется при каждой изъ трехъ частей). За этимъ слѣдуетъ на отдѣльномъ листкѣ посвященіе: „Любителямъ малороссійскаго слова усерднѣйше посвящается". Нумерація страницъ въ первыхъ двухъ частяхъ начинается съ начала текста: 1-я ч.—32 страницы, 2-я ч.—

зывается что *изъ 21-го*, приведеннаго г-номъ Сумцовымъ случая фальсификаціи—*въ 20 случаяхъ* текстъ изданія 1878 года дословно повторяетъ текстъ перваго изданія [1]), и лишь въ одномъ случаѣ въ первомъ изданіи находится текстъ изданія 1842-го года, хотя и съ перестановкой словъ (Загнать въ тристя его къ чортамъ).

Такимъ образомъ, если уже говорить о фальсификаціи, то въ ней можно обвинить развѣ изданіе 1842-го года, а изданіе 1878-го года слѣдуетъ признать реставрирующимъ первоначальный текстъ. Мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ сказать ничего подобнаго. По всей вѣроятности, Котляревскій самъ исправлялъ и передѣлывалъ текстъ Энеиды для новыхъ изданій, отчего и появились разночтенія. Мы не имѣли возможности сравнить текстъ всѣхъ изданій Энеиды, вышедшихъ при жизни автора; но уже въ первомъ изданіи мы находимъ въ концѣ книги (передъ словаремъ) «Перемѣны»—самого автора, очевидно. Перемѣнъ двѣ; въ одномъ случаѣ измѣненъ стихъ, а въ другомъ передѣлка касается цѣлаго куплета (одного изъ приводимыхъ г-номъ Сумцовымъ): на стр. 6-й книги стоитъ тотъ текстъ, который г. Сумцовъ выписалъ изъ изд. 1878 г. («Нептунъ дочувсь въ скляныхъ будынкахъ» и т. д.), а въ перемѣнахъ указано эти четыре строки читать такъ:

Нептунъ же давній бувъ храпикъ
Почувъ Енеевъ голосокъ;
Рощухавши іого що клика,
Пивкомъ для іого кусокъ

(Опять не такъ, какъ въ изданіи 1842 года.) Несомнѣнно, что только сравненіе текста всѣхъ изданій «Энеиды», вышедшихъ при жизни автора, и текста изданія 1842 года (для этого изданія Котляревскій передалъ издателю рукопись, по крайней мѣрѣ, 5-ой и 6-й части поэмы) дастъ возможность рѣшить, погрѣшилъ ли кто либо изъ позднѣйшихъ издателей противъ Котляревскаго самовольнымъ измѣненіемъ его текста, а до тѣхъ поръ, высказанное г. Сумцовымъ обвиненіе въ фальсификаціи и «узкой тенденціи, претендующей сдѣ-

---

38, 3-я ч.—72 стр. (считая и выходной листъ), „Погрѣшности", „Перемѣны" и „Собраніе малороссійскихъ словъ"—24 страницы. Форматъ книги—небольшая узкая восьмушка. Цѣна—1 руб. 60 коп.

[1]) Хотя въ одномъ примѣрѣ (стр. 31 изд. 1878 года) текстъ изд. 1878 г. разнится отъ текста перваго изданія пропускомъ стиха „Іого воли придбали й кони", но судя потому, что въ примѣрѣ г. Сумцова нѣтъ стиха, риѳмующагося со стихомъ „стоявъ въ Дидони у загони",—это вѣроятно просто корректурный недосмотръ.

лать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ» приходится обратить, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго,... на самого же Котляревскаго.

Б. Гринченко.

Черниговъ, 1897. I. 16 (28).

Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ.

Прочиталъ я въ № 84 «Полт. Губ. Вѣд.» за прошлый годъ передовую статью, въ которой между прочимъ упоминается о проектѣ, взамѣнъ памятника И. П. Котляревскому, устройства зданія его имени, гдѣ помѣстились бы нѣкоторыя просвѣтительныя учрежденія культурнаго центра старой Малороссіи, родной Полтавы. Соглашаясь въ принципѣ съ этой мыслію, редакція спѣшитъ оговориться, съ приведеніемъ солидныхъ и вполнѣ основательныхъ причинъ, что постройка такого зданія вмѣсто памятника К-му неудобна, а высказывается мелькомъ за совмѣстность сооруженія и зданія, и памятника, мотивируя этотъ компромиссъ успѣшнымъ ходомъ подписки, давшей за годъ около 6 тыс. руб. Намъ же, напротивъ, кажется, что только лишь остатокъ отъ затратъ на постройку достойнаго имени поэта памятника можно обратить *на завязку фонда*, имѣющаго цѣлью просвѣтительныя задачи города. Да и въ самомъ дѣлѣ, ставить на видной городской площади что-то въ родѣ верстового столба, стоимостью въ тысячу—двѣ руб., въ честь поэта, а на остальныя деньги, при громадной цѣнѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ Полтавѣ, устраивать—*нѣкій шпиталь* имени поэта и виднаго по своему времени общественнаго дѣятеля,—что за идея?... Такого сорта экономія обнаруживаетъ въ добрыхъ моихъ землякахъ слабую черту, подмѣченную еще покойнымъ Ив. Петровичемъ и высказанную имъ устами одного изъ персонажей «Наталки Полтавки»: «обробиты усе, тее-то якъ ёго, *хитро, мудро и недорогимъ коштомъ*»... Если бы на памятникъ К—му собрано было по крайней мѣрѣ съ полсотни тысячъ или болѣе, тогда, пожалуй, позволительно было бы нѣсколько раскинуться и на полезныя городу учрежденія, а дробить для этого послѣднія крохи немыслимо! Ну что же подѣлаешь, если въ нашихъ нарочито хліборобныхъ палестинахъ не оказывается и по-днесь меценатовъ! Остается, конечно, ждать у моря погоды. Въ виду этого, для постановки хорошаго памятника К—му, не мѣшало бы, для большей интенсивности въ сборѣ пожертвованій, издать возможно-дешевое и корректурно выдер-

жанное собраніе его сочиненій и широко распространить это изданіе въ публикѣ, а также—и объявить конкурсъ (если только уже не поздно) на научно обработанное изданіе его «Энеиды» къ наступающему столѣтію этого литературнаго документа.

Хотя «ничто не вѣчно подъ луной», но благодарные потомки, чествуя *не абы-какихъ*, истыхъ сыновъ земли своей, мнѣ кажется, обязаны увѣковѣчить эти дорогія имена возможно-лучше, изящнѣе, прочнѣе, а не на половину...

В. Гаврышъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Съ ноября 1896 года по 1 марта 1897 года въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1). *собраны въ Звенигородкѣ*—В. П. Цымбалъ *3 р.*; А. Балдовскій, Варфоломеевъ, В. Домонтовичъ, А. М. Зеленевскій, Ив. Ильинъ, Г. А. Иванецъ, И. Кловацкій, В. Капленко, М. А. Кальченко, свящ. В. Коломойцевъ, Н. Я. Крашановскій, Л. О. Ловинскій, Мартыновъ, Новиковъ, А. Н. Подкосовъ, Подгородецкій, Е. С. Петровскій, А. Радецкій, Ив Рыбчинскій, свящ. Н. Сементовскій, П. Савченко, О. О. Скарскій, А. Сочава, И. Тренертъ, Г. М. Шепель, Е. П. Шепель, И. Б., N—*по 1 руб.*; В. М. Тарасенко—*60 коп.*; А. Бернацкій, Губаренко, Е. Крымскій, Кирсановъ, Ланской, Мартыненко, поруч. Мойсеенко, И. Х. Парфенъ, Рубенко, Г. М. Тарасенко, Хойнацкій, А. Янковскій—*по 50 к.*; В. А. Кубицкій—*40 к.*; №—*32 к.*; Любчанскій, Цвѣтковъ, Юшкевичъ—*по 30 к.*, Модлинскій, три неизвѣстныхъ—*по 25 к.*; Н. Кинскій, Шляхетко, №—*по 20 к.*; Бруевичъ—*18 к.*,—*всего 41 руб.* 2) *Отъ отдѣльныхъ лицъ*: М. К. Васильевъ—*5 р.*, Е. Ф. Дорошевскій—*1 р.*, а всего—*47 р.*, что съ прежними *620 р. 2 к.* (см. 1896 г. № 11) составитъ *667 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Новости польской исторической литературы.

Въ послѣднее время въ польской исторической литературѣ появилось нѣсколько книгъ, на которыя мы желаемъ обратить вниманіе читателей «Кіевской Старины».

1) *Źródła dziejowe, tom XXII. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom XI. Ziemie ruskie. Ukraina (Kijów – Bracław). Dział III. Opisane przez Aleksandra Jabłonowskiego. Warszawa 1897.* Стр. 736 + LIX. Книга эта представляетъ кропотливый и добросовѣстный сводъ всѣхъ свѣдѣній, какими мы располагаемъ въ настоящее время по географіи, статистикѣ и исторіи Украины въ XVI вѣкѣ (подъ «Украиной» авторъ разумѣетъ территорію нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, черниговской и полтавской). Изслѣдованіе ведется исключительно по источникамъ первой руки, преимущественно по архивнымъ матеріаламъ, обнародованнымъ въ предшествующихъ томахъ изданія: «Źródła dziejowe», предпринятаго по иниціативѣ покойнаго профессора Адольфа Павинскаго. Сочиненіе г. Яблоновскаго такъ монументально и такъ важно для занимающихся южно-русской исторіей, что обязываетъ спеціалистовъ къ подробному и обстоятельному разбору, который «Кіевская Старина» надѣется предложить своимъ читателямъ въ ближайшемъ будущемъ.

2) *Słownik rzeczy starożytnych opracował G (loger) Kraków 1896.* Стр. 498. Этотъ трудъ представляетъ собою словарь польскихъ «древностей» въ томъ смыслѣ этого послѣдняго слова, какой придаютъ ему составители словарей классическихъ «древностей» (Alterthümer, antiquités) Любкеръ, Ричъ, Дарамберъ и Сальо и мн. др. Въ алфавитномъ порядкѣ расположены въ немъ небольшія статьи, объ-

ясняющія старинные предметы и термины стараго быта: государственнаго, военнаго, юридическаго, экономическаго, семейнаго, домашняго и т. д. Статейки составлены съ знаніемъ дѣла, но безъ всякихъ ссылокъ на источники или пособія по данному вопросу. Такъ какъ многіе предметы и термины (напр. бандура, бобровые гоны, булава, бунчукъ, буздыханъ, цехы, чоповое, чиншъ, драбъ, дукатъ, гродъ, городничій, ясырь и т. д.) были равно въ употребленіи въ Старой Малороссіи, какъ и въ Старой Польшѣ, то словарь Глогера пригоденъ для справокъ и занимающимся исторіей Малороссіи. Особыхъ погрѣшностей въ толкованіи словъ или фактическихъ ошибокъ мы не замѣтили. Отмѣтимъ только, что подъ словомъ «бунчукъ» (стр. 50) авторъ повторяетъ легендарное сказаніе о посылкѣ Стефаномъ Баторіемъ бунчука запорожскому гетману Богдану въ знакъ признанія королемъ его власти съ привилегіей, въ коей король яко-бы объяснялъ, что этотъ клейнотъ запорожцы заслужили въ сраженіяхъ съ Татарами трудами своего гетмана и пролитіемъ козацкой крови. Въ изслѣдованіи г. Яблоновскаго «Ukraina» (стр. 424—427) мы имѣемъ хотя менѣе поэтическое, но за то болѣе сгласное съ историческими фактами изложеніе государственной дѣятельности Стефана Баторія по отношенію къ запорожскому козачеству.

3) *Bibliografia historyi polskiej. Zebrali ułożył dr. Ludwik Finkel. Część II, zeszyt II. W Krakowie 1896. Стр. 689—848.* Разборъ недостатковъ общаго плана этой книги сдѣланъ былъ профессоромъ Н. Н. Любовичемъ на страницахъ «Кіевской Старины» (1893 г. т. 43, стр. 173—176) при появленіи перваго ея тома. Выходъ въ свѣтъ перваго выпуска II-го тома также былъ отмѣченъ въ «Кіевской Старинѣ (1896 г., т. 52, отд. II, стр. 108—110). Въ настоящее время сообщаемъ о выходѣ второго выпуска того-же тома. Въ немъ оконченъ отдѣлъ: «Вѣра и церковь» и начатъ отдѣлъ: «Право и Экономія». Приводимъ списокъ подраздѣленій.—II. Вѣра и церковь. 2. Эпоха христіанская. Б. Исторія церкви въ Польшѣ:... з) орденъ іезуитовъ; и) братства, шпитали и благотворительныя учрежденія; і) проповѣдничество, церковное пѣніе, церковное искуство, чудотворныя иконы, увѣнчанія иконъ; к) римско-католическая церковь послѣ политическаго паденія Польши (1796—1815)

В. Исторія русской церкви—православной и уніатской: а) учебники по исторіи русской церкви, житія святыхъ; б) принятіе рус-

скими христіанства; в) исторія русской церкви до Брестской уніи; г) Брестская унія и русская церковь въ XVII и XVIII вв.; д) церковное право, его источники и литература, организація духовныхъ судовъ, должности, имущественныя права церкви; е) митрополіи и эпархіи; ж) монастыри;—базиліане и базиліанки; з) церковныя братства; и) церковныя книги, литургія, проповѣдничество, церковное искусство, пѣніе, мистеріи, календарь; і) русская церковь послѣ политическаго паденія Польши (1796—1815).

Г. Исторія армянской церкви въ Польшѣ.

Д. Секты католической церкви: а) исторія сектъ вообще, энциклопедіи сектанства; б) религіозныя секты до XVI; в) секты XVI вѣка; реформація вообще и въ Польшѣ въ частности; католическая реакція; права диссидентовъ въ Польшѣ; г) аугсбургское исповѣданіе; дгельветическое и реформатское исповѣданія;—Янъ Ласскій; е) чешскіе братья и новокрещенцы или анабаптисты; ж) аріанство, соцініанство и унитаризмъ; з) исторія религіозныхъ споровъ въ эпоху реформаціоннаго движенія; и) янсенизмъ, масонство; і) секты въ русской церкви.

Е. Еврейская вѣра.

Ш. Право и экономія. 1. Польское право. А. Вступительныя свѣдѣнія: а) библіографія и энциклопедія права и политическихъ наукъ; б) наука польскаго права и ея изслѣдователи.

Б. Исторія польскаго права: а) учебники, охватывающіе цѣлость или часть исторіи права: славянскаго, польскаго, мѣстно-провинціальнаго; б) обычное право; в) литература по исторіи права.

В. Польское государственное право: а) очерки польскихъ государственныхъ учрежденій; б) организація государства, границы его, отношенія къ сосѣднимъ государствамъ; в) ленныя владѣнія и провинціи (Литва, Русь, Пруссія, Поморье, Инфлянты, Курляндія, Волощина); г) верховная власть, престолонаслѣдіе, междуцарствія и элекціи, прерогативы короля; д) законодательство, конституціи и кодификаціи, сеймы и сеймики, конфедераціи и рокоши; е) администрація, должности, управленіе, полиція, цензура; ж) финансы; общія сочиненія, польская финансовая исторія, счетоводство, королевщины и староства, подати, монета, банкъ; з) войско;—общія сочиненія, польское войско, роды войскъ и вооруженія, крѣпости, флотъ, военныя школы, гетманство, военные законы; сочиненія, относящіяся къ польскому войску; и) суды: вѣчевые, гродскіе и земскіе; трибуналъ; каптуровые, сеймовые и ассесорскіе суды; судоустройство городское и

патримоніальное; і) общественный строй: сословія, шляхта, ординаціи, титулы; к) крестьяне,—поселенія, права иностранцевъ (напр волошское право), повинности, положенія крестьянъ по провинціямъ, колонизація, рыболовное и бортное право; л) города;—исторія городовъ, городскія учрежденія, магдебургское право.

4) *Z dziejów i literatury. Pomniejsze pisma Antoniego Małeckiego. 1896.* Въ этомъ сборникѣ статей почтеннаго филолога и историка Антонія Малецкаго есть одна, интересная и для южно-русскаго читателя; это— «Klasztory w Polsce w obrębie wieków średnich» (Монастыри въ Польшѣ въ средневѣковую эпоху) на стр. 276—370. Въ ней читатель найдетъ обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о появленіи и первоначальной исторіи въ Польшѣ католическихъ монашескихъ орденовъ: бенедиктинскаго, латеранскаго, цистерскаго, премонстранскаго или норбертанскаго, доминиканскаго, францисканскаго, кармелитскаго, бернардинскаго и др., которые позднѣе столь много содѣйствовали образованію той ненависти, какая отличала отношенія поляковъ и южноруссовъ въ эпоху козацкихъ войнъ.

5) *Michał Rolle. Z przeszłości. Okręg Rowski, starostwo Barskie (do r. 1774). Lwów 1896.* Стр. 232. Михаилъ Ролле пошелъ по стопамъ своего отца Іосифа Ролле, извѣстнаго подъ псевдонимомъ «доктора Антонія», и занимается разработкой вопросовъ по исторіи Южной Руси, пользуясь всегда научнымъ методомъ и источниками первой руки, что даетъ его трудамъ вѣсъ и значеніе. Польская точка зрѣнія, на которую онъ иногда становится, рѣдко бываетъ вѣрною по отношенію къ событіямъ южно-русской исторіи, но подборъ фактовъ не теряетъ отъ этого важности и интереса. Книга «о Ровскомъ округѣ и Барскомъ староствѣ» состоитъ изъ двухъ частей; въ первой части – 6 главъ, во второй—11. Вотъ ихъ заглавія: Округъ Ровскій и его первый мнимый староста; Ровскіе старосты; татарскіе набѣги; общая характеристика предѣловъ ровскаго округа; заселеніе округа въ теченіе XV столѣтія; хлопоты о колонизаціи Ровскихъ предѣловъ въ теченіе XVI вѣка; Барское староство во владѣніи Боны; старосты, назначенные ею; Старжеховскій и Претвичъ; заботы королевы Боны о колонизаціи Барскаго староства; староство подъ управленіемъ Яна и Мартина Гербуровъ; Николай изъ Бучача Творовскій, староста Барскій; заслуги по отношенію къ старосту Станислава Гольскаго; гетманъ Жолкевскій въ Барѣ; положеніе староства во время производства люстраціи 1615 г.; войтовства; Барскіе старосты съ 1620 по 1659 г.; остальное сорокалѣтіе

XVII столѣтія; судьбы Барскихъ предѣловъ въ теченіе XVIII вѣка. Для непосвященныхъ читателей замѣтимъ, что Ровъ—древнее имя нынѣшняго Бара и что Баромъ онъ названъ въ 1538 г. въ угоду королевѣ Бонѣ по имени итальянскаго города Бари (гдѣ почиваютъ мощи святителя Николая), составлявшаго родовое владѣніе дома Сфорца. Книгой г. Грушевскаго «Барское староство» (Кіевъ 1894) г. Ролле не пользовался, такъ какъ она сдѣлалась ему извѣстной, когда его собственное изслѣдованіе было окончено печатаніемъ.

А. С.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. *Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельника. (Подъ редакціею В. Антоновича). Кіевъ, 1896 г. (Стр. II+438+ два рисунка).*

Первый выпускъ этого въ высшей степени полезнаго изданія вышелъ еще въ 1890 г. Изданные нынѣ мемуары, дневники и документы обнимаютъ время съ 1564 по 1649 г. Въ послѣдующихъ двухъ выпускахъ предполагается дать записки, относящіяся ко времени Хмельницины и руины, и такимъ образомъ закончить серію началомъ XVIII вѣка.

Часть матеріаловъ, помѣщенныхъ въ подлинникѣ или переводахъ въ настоящемъ выпускѣ, была опубликована ранѣе въ разныхъ изданіяхъ какъ самой переводчицей, такъ и другими лицами, но соединеніе ихъ въ одной книгѣ, съ передачей новыхъ цѣнныхъ записокъ, было совершенно необходимо для цѣльности картины эпохи. Каждый мемуаръ снабженъ предисловіемъ, гдѣ характеризуется мемуаристъ, указаны его другіе труды, время и мѣсто ихъ изданія или же мѣсто храненія рукописей. Нѣкоторыя подробности, не представляющія интереса, опущены въ переводѣ, но эти пропуски указываются въ самомъ текстѣ. Въ результатѣ читатель, интересующійся эпохою, располагаетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ, живыхъ свидѣтельствъ не только объ историческихъ событіяхъ, но и объ умственныхъ и моральныхъ настроеніяхъ и наклонностяхъ дѣятелей того времени, знакомится, такъ сказать, съ психологіею эпохи.

Въ книгѣ помѣщены дневникъ новгородскаго подсудка Ѳедора Евлашевскаго (1564—1604), дневникъ похода противъ запорожскихъ козаковъ 1625 г., дневникъ С. Окольскаго (1637—1638) и дневникъ

Богуслава Машкевича (1643—1649); исторія хотинской войны 1621 года Якова Собескаго: описаніе Украины инженера Боплана (1630—1648); особая статья о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка 1628 года, съ приложеніемъ трехъ современныхъ документовъ (два письма запорожцевъ къ Ст. Хмѣлецкому и докладъ послѣдняго о крымскомъ походѣ козаковъ); наконецъ, два современныхъ описанія о захватѣ русскими невольниками турецкой галеры въ 1642 году—эпизодъ, нашедшій отраженіе въ народной думѣ о гетманѣ Самойлѣ Кошкѣ.

Излишне было бы распространяться о значеніи этихъ источниковъ первой руки для исторіографіи нашего края. Съ нѣкоторыми изъ нихъ уже знакомы читатели «Кіевской Старины». Такъ, дневникъ Евлашевскаго напечатанъ г-жею Мельникъ въ нашемъ журналѣ въ 1886 г.; дневникъ похода 1625 г.— г. Николайчикомъ въ 1889 г.; статья г-жи Мельникъ о походѣ Дорошенка—въ 1896 г.; переводъ итальянскаго сказанія о бунтѣ невольниковъ 1642 г.—въ 1883 г.; затѣмъ, если не считать устряловскаго перевода Боплана 1832 года, (библіогр. рѣдкость), всѣ прочіе матеріалы настоящаго выпуска появляются на русскомъ языкѣ впервые.

Необходимость систематическаго изданія мемуаровъ для исторіи Южной Руси чувствуется на каждомъ шагу. Почти полная недоступность ихъ для любителей серьезнаго историческаго чтенія немало способствуетъ сохраненію и укорененію ошибочныхъ представленій о событіяхъ и дѣятеляхъ нашего историческаго прошлаго и даже созданію ложныхъ построеній, основанныхъ на неполномъ знакомствѣ съ фактическими данными. Въ исторіи Южной Руси остается еще много вопросовъ, недостаточно выясненныхъ, требующихъ детальнаго и упорнаго изученія. Дѣло этого изученія значительно облегчается изданіями, подобными настоящему. Чтеніе мемуаровъ доставитъ серьезное умственное наслажденіе читателю, любящему исторію своей родины. Оно дастъ ему возможность критически провѣрять свои обычныя понятія по тому или другому вопросу или облегчитъ самостоятельное сужденіе о нашихъ предкахъ, ихъ недругахъ и союзникахъ, о тяжкихъ кризисахъ и кровавой борьбѣ за существованіе, которую пришлось переживать южно-русскому народу въ эту замѣчательную эпоху исторической его жизни.

Усвоенный редакціею «Мемуаровъ» методъ изданія представляется намъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ и удачнымъ. Благодаря историческому и библіографическому комментаріямъ, читающій не рискуетъ потеряться въ грудѣ сыраго матеріала и имѣетъ передъ

собою живую, образную исторію края, правда, эпизодическую, но тѣмъ не менѣе цѣльную для важнѣйшихъ моментовъ и полную захватывающаго интереса. Переводъ сдѣланъ языкомъ живымъ и точнымъ, комментарій отличается обстоятельностью и рѣдкимъ знаніемъ дѣла. Остается лишь пожелать въ интересахъ читателей, чтобы это прекрасное изданіе было благополучно доведено до конца.

Н. М.

Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Д. И. Эварницкаго. *(Русск. Мысль, янв. 1897 г., 99—115).*

Статья съ приведеннымъ заглавіемъ составляетъ «пробную лекцію», читанную авторомъ въ московскомъ университетѣ въ октябрѣ 1896 г. Познакомившись съ этой лекціей, мы нашли въ ней отрывочный пересказъ главнымъ образомъ трехъ моментовъ: участія Запорожья въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками въ 1648 г., измѣны запорожцевъ въ 1709 г. и уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. При этомъ въ лекціи встрѣчаются такія мѣста, которыхъ нельзя не отмѣтить. Напр., начало *Запорожья* г. Э—ій относитъ къ XV в., но фактовъ для такого заключенія, какъ извѣстно, нѣтъ.— Противополагая запорожскимъ козакамъ, уже въ XVI в., козаковъ *городовыхъ*, г. Э—ій называетъ послѣднихъ *украинскими*, но извѣстно, что это терминъ позднѣйшій и притомъ очень неопредѣленный... Говоря объ устройствѣ «украинскихъ или городовыхъ козаковъ» Стефаномъ Баторіемъ, г. Э—ій сообщаетъ, что король далъ послѣднимъ «центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ, смежной (?) землей, Терехтемировъ» и «разрѣшилъ имѣть собственный *въ городѣ Батуринѣ судебный трибуналъ*»... Добавленіе здѣсь свѣдѣнія о батуринскомъ судебномъ трибуналѣ въ к. XVI в.—не знаемъ, какъ и объяснить... Неужели же г. Э—ій въ своихъ изслѣдованіяхъ и до сихъ поръ пользуется «Исторіей Русовъ»? Вѣдь отсюда идетъ басня о батуринскомъ трибуналѣ въ то время, когда и о самомъ Батуринѣ еще помину не было.—Говоря о томъ, что запорожскіе козаки и послѣ отдѣленія отъ «украинскихъ», въ теченіе всего XVI и большей части XVII в., дѣйствовали вмѣстѣ и за одно съ ними, г. Э—ій добавляетъ, что «такъ они (вмѣстѣ) подвизались на островѣ Хортицѣ съ кн. Дмитріемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 г.» А между тѣмъ, немного выше, говорится, что «начало отдѣленія запо-

рожскихъ отъ украинскихъ козаковъ положилъ Баторій не раньше 1576 г., т. е., значитъ, при Вишневецкомъ предполагаемаго раздѣленія еще не было... Вообще, г. Э—ій заботится о разрѣшеніи не разрѣшимаго вопроса объ «отдѣленіи низовыхъ отъ городовыхъ козаковъ»... При этомъ г. Э—ій смотритъ на «украинскихъ или городовыхъ» козаковъ до Хмельницкаго, какъ на какое-то точно регламентированное войско, при чемъ войско это лекторъ видитъ напр. сражающимся во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ противъ поляковъ отъ к. XVI и до Остряницы и Гуни включительно, говоритъ, что во всѣхъ этихъ возстаніяхъ запорожскіе и «украинскіе» козаки дѣйствовали совмѣстно... Но воевали въ это время съ поляками—не тѣ и не другіе, а воевалъ народъ, въ которомъ сливались и запорожцы, и «рестровые», выходившіе въ козачество изъ этого же народа. Послѣ подробнаго, преимущественно топографическаго, описанія желтоводскаго сраженія, г. Э—ій повторяетъ уже и прежде имъ сказанное (Ист. Запор. козак., II.), что «исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, *ихъ силамъ, ихъ искусству строить укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сѣчи, ихъ мужеству и стойкости*»... Мы имѣли уже случай говорить, что эта тирада фактами не подтверждена и представляетъ одно измышленіе автора...

Очень странны тѣ страницы лекціи, гдѣ г. Э—ій, говоря о событіяхъ 1708—709 г., дѣлаетъ оцѣнку личности Мазепы, какъ политическаго дѣятеля, и затѣмъ старается доказать, что если бы не Мазепа и не Гордѣенко, то запорожцы не измѣнили бы царю. Вотъ что говорится о Мазепѣ: «онъ стремился ввести въ Малороссіи *панщину*; онъ хотѣлъ создать на Украйнѣ *мѣстное* (помѣстное?) *дворянское сословіе;* онъ *поощрялъ переходъ козаковъ въ крестьянское сословіе*, но запрещалъ переходъ посполитыхъ въ козаки. *Простой народъ скоро разгадалъ истинныя стремленія Мазепы и отвратился отъ него всей душой, такъ что въ концѣ концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало произноситься каждымъ простолюдиномъ изъ малороссіянъ...*» Указывая на эти черты дѣятельности Мазепы и отношеніе къ нему народа, авторъ доказательствъ не приводитъ и не объясняетъ, когда именно народъ прозрѣлъ «истинныя стремленія» Мазепы, до 1708 года или—только уже послѣ?...

Желая хоть сколько-нибудь извинить запорожцевъ въ ихъ измѣнѣ царю въ 1709 г., г. Э—ій говоритъ напр., что «*запорожцы долго боролись сами съ собой*», прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ

открытая война съ русскимъ царемъ... Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится—въ какихъ фактахъ лекторъ усмотрѣлъ это «бореніе»...

Очень странно изложеніе причинъ уничтоженія Запорожья. Такъ, сначала, «ближайшею изъ причинъ уничтоженія Запорожья» г. Э—ій называетъ поселеніе, по рѣчкамъ Ингулу и Бахмуту, сербовъ, при императрицѣ Елизаветѣ, и возникновеніе враждебныхъ со стороны запорожцевъ отношеній къ этимъ поселенцамъ, но тутъ же добавляетъ, что «главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что *весь строй запорожскаго войска съ его широко демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи...*» Императрица видѣла, говоритъ лекторъ, что въ Россіи существуетъ община, которая, хотя и признаетъ себя зависимой отъ русскаго правительства, но самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно казнитъ и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ (это—во второй то половинѣ XVIII вѣка?), самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками (?) центральной Россіи и, ко всему этому, *заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ уже началомъ настоящаго государства*» и т. д. Указавъ эти причины, г. Э—ій ни слова не говоритъ о томъ, что въ XVIII в. историческая роль Запорожья уже была сыграна и что въ это время члены этой «общины съ почти независимымъ народоправленіемъ»—занимались тѣмъ, что «шатаясь по степямъ, татарамъ и польскимъ обывателямъ обиды творили...» (Зап. Одесск. Общ. Истор., т. XIV, «Матеріалы» А. А. Андріевскаго).

Въ заключеніи лекціи находимъ не какой либо выводъ лектора объ историческомъ значеніи Запорожья, а свѣдѣніе о томъ, что въ 1887 году онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь и нашелъ тамъ надгробную плиту послѣдняго кошеваго атамана Калнишевскаго съ длинною надписью, полнымъ текстомъ которой и заканчивается лекція...

Все сказанное можетъ служить указаніемъ на весьма неполное знакомство г. Эварницкаго съ исторіей Запорожья.

А. Л.

В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. *(Посвящается Спб. Слав. Благотв. Обществу). Петроградъ, 1897. (Стр. 15).*

Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ издана отдѣльною брошюрою рѣчь г. Др., произнесенная въ торжественномъ собраніи названнаго общества 8 декабря 1896 года и, непонятно почему, ему же посвященная. Авторъ скорбитъ по поводу бѣдственнаго положенія галицкихъ русиновъ, упрекаетъ галицкую шляхту въ пренебреженіи къ экономическимъ нуждамъ и національнымъ стремленіямъ галичанъ, почему-то ссылается на извѣстное миролюбіе и могущество Россіи и въ концѣ концовъ высказываетъ убѣжденіе, что предосудительныя дѣйствія польскихъ заправилъ въ Галичинѣ доказываютъ неискренность и злонамѣренность нашихъ пресловутыхъ толковъ о «примиреніи».

Съ грустью должно сознаться, что постичь смыслъ разсужденій автора весьма и весьма нелегко. Въ высшей степени похвально его сочувствіе галичанамъ,—положеніе галицкаго простонародья, крестьянъ, дѣйствительно ужасно, какъ объ этомъ извѣстно всему міру. Но интересно бы знать, какая связь существуетъ между русскимъ внутреннимъ вопросомъ о «примиреніи» и галицкими національными стремленіями, а именно этого-то вопроса и не можетъ разъяснить авторъ рѣчи. Сколько извѣстно, Галичина составляетъ часть австро-венгерской монархіи. Пусть толки о «примиреніи»—лишь коварная интрига, пріютившаяся въ редакціяхъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, но при чемъ здѣсь галицкіе русины? Несомнѣнно, тутъ скрывается какая-то недомолвка, столь свойственная, впрочемъ, всѣмъ торжественнымъ рѣчамъ, затрогивающимъ вопросы скользкіе и щекотливые. Разгадку этого ребуса, думаемъ, слѣдуетъ искать въ историческихъ Rückblick'ахъ краснорѣчиваго автора, который утверждаетъ, будто-бы Погодинъ «далъ галичанамъ толчокъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступить на поприще исторической науки» (стр. 8), а затѣмъ явились другіе русскіе ученые, завязались сношенія и возстановилась старая историческая связь «между русскимъ народомъ Подкарпатья и Россіей». Такимъ образомъ выходитъ, что намъ остается лишь пожать плоды этой ученой связи нашего отечества съ галицкимъ почти поголовно безграмотнымъ «народомъ», посѣянной Погодинымъ и др. русскими учеными.

Эта историческая конструкція изъ области высокой политики столь замѣчательна сама по себѣ, что, именно, ради нея мы сочли долгомъ отмѣтить рѣчь г. Др. въ библіографическомъ отдѣлѣ, какъ библіографическую и логическую рѣдкость. Сожалѣемъ, что ораторъ выражается немного неясно и что его разсужденія похожи на дѣтскій лепетъ, но къ оправданію автора должна служить тяжесть нравственной отвѣтственности, которая могла бы упасть на него за возбужденіе международныхъ недоразумѣній въ Славянскомъ Благотв. Обществѣ. Въ видѣ справки напомнимъ лишь оратору, что междуплеменныя связи для своего процвѣтанія требуютъ взаимности, но ея на дѣлѣ нѣтъ, ибо галицкія изданія недоступны для русскаго «народа», который поэтому и вынужденъ руководствоваться вольными пересказами. При этомъ условіи, самыя краснорѣчивыя торжественныя рѣчи ни къ чему не ведутъ.

Н. М.

Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. *Спб. 1896. 8°. Стр. 338+132=470.*

Изданный недавно въ Петербургѣ «Дворянскій Адресъ-Календарь»—новинка въ нашей литературѣ; это—первый опытъ адресъ-календаря дворянъ всѣхъ губерній.

Въ началѣ книги помѣщенъ списокъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, членовъ дворянскихъ опекъ и депутатовъ дворянскихъ собраній; секретари депутатскихъ собраній не поименованы.

Вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ законоположенія о дворянствѣ (Сводъ Законовъ, т. IX); текстъ напечатанъ по изданію 1876 года съ дополненіями по продолженіямъ 1890, 1891 и 1893 гг.; далѣе помѣщены разъясненія къ законоположеніямъ по рѣшеніямъ правительствующаго сената, составленныя А. М. Нюренбергомъ. Собственно, Адресъ-Календарь представляетъ списки дворянъ по губерніямъ въ алфавитномъ порядкѣ. Къ нему приложено 14 фототипическихъ портретовъ губернскихъ предводителей: графа Платера, Виноградскаго, графа Каннеста, Касаткина, Леонтьева, Муромцева, Оленина, Сомова, Фромандера, Теренина, князя Церетелли и князя Челокаева. По

черниговской губерніи помѣщено 574 дворянскихъ фамилій, изъ коихъ приходится на уѣзды:

Черниговскій	38
Борзенскій	32
Глуховскій	39
Городницкій	32
Козелецкій	57
Конотопскій	61
Кролевецкій	29
Мглинскій	27
Новгородъ-Сѣверскій	85
Новозыбковскій	18
Нѣжинскій	36
Остерскій	35
Сосницкій	31
Стародубскій	36
Суражскій	18
	574

По Полтавской губерніи списки даны только по тремъ уѣздамъ, при чемъ показано:

Въ Миргородскомъ у.	46 фамилій.
» Переяславскомъ »	80 »
» Пирятинскомъ »	85 »
	211

По харьковской губерніи списки полнѣе; приходится на уѣздъ:

Харьковскій	32
Ахтырскій	16
Богодуховскій	70
Валковскій	20
Волчанскій	30
Зміевскій	23
Изюмскій	152
Купянскій	29
Лебединскій	62
Старобѣльскій	29
Сумскій	30
	493

Нѣкоторыя губерніи доставили крайне неполныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего Адресъ-Календарь не имѣетъ того значенія, какое онъ могъ-бы имѣть, если-бы матеріалъ былъ собранъ по губерніямъ болѣе равномѣрно; но во всякомъ случаѣ, какъ первый опытъ дворянской справочной книги,—онъ очень полезенъ. Въ предисловіи издатель обѣщаетъ издать въ будущемъ отдѣльною книгою—свѣдѣнія о разнаго рода дворянскихъ учрежденіяхъ, и такія родословныя дворянскихъ родовъ, которыя до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны.

Обзоръ журналовъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г.

1. *Къ исторіи тарпана въ Россіи Ф. П. Кеппена.* № 1, 96—171. О существованіи и родинѣ дикой лошади.—О дикихъ лошадяхъ въ Россіи и въ особенности, о южнорусскомъ тарпанѣ.—Тарпанъ, какъ особый типъ дикой лошади.—Къ вопросу о прирученіи лошади, преимущественно по отношенію къ Россіи.—Заключеніе.

2. *Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Ф. И. Леонтовича.* № 1, 341—383. № 2, 1—42. № 3, 201—241. № 7, 96—125. № 10, 173—203 и № 12, 153—192. (Статья не кончена). «Детальное разсмотрѣніе по источникамъ различныхъ наименованій крестьянскихъ дворовъ и общіе вопросы: о южномъ типѣ, личномъ составѣ дворовъ, экономическомъ строѣ и разрядахъ крестьянъ, съ указаніемъ на дальнѣйшую ихъ судьбу въ пору введенія въ господарскихъ и панскихъ маетностяхъ польско-нѣмецкаго волочнаго хозяйства».

3. *М. Марковскій. Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII вѣка.* Рецензія *И. Житецкаго.* № 2, 451—463.—«Въ итогѣ отъ историко-литературнаго изслѣдованія г. М. получается: рядъ недоказанныхъ, предвзятыхъ заявленій, неизвѣстно почему желательныхъ автору, неполная и весьма часто невѣрная характеристика Радивиловскаго и его дѣятельности, противорѣчія въ каждомъ вопросѣ, который затрагиваетъ авторъ, или сомнительныя, брошенныя вскользь положенія».

4. *П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка.* Рецензія *М. В. Довнаръ-Запольскаго.* № 4, 322—337. «Первые главы работы (о странѣ, первобытн. населеніи, географ. обзоръ) не представляютъ ничего новаго сравнительно съ

тѣмъ, что уже есть въ литературѣ... Главы, содержащія обзоръ политической жизни страны, представляютъ небезполезный сводъ того, что уже сдѣлано въ наукѣ, но страдаютъ и крупными недостатками».

5. *Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи Д. Н. Анучина.* № 6, 223—269. № 7, 67—95. Статья написана по поводу статьи Ф. И. Кеппена: «Къ исторіи тарпана въ Россіи». (См. № 1 настоящаго обзора) и заключаетъ въ себѣ возраженія противъ «тезисовъ» г. Кеппена.

6. *Отголоски Галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. В. Ф. Миллера.* № 6, 280—326. «Указанные отголоски обнимаютъ самый цвѣтущій періодъ галицко-волынской земли XII и XIII вѣка... Естественно, что этотъ періодъ Галицко-волынской исторіи, богатый замѣчательными личностями и военными событіями, долженъ былъ отразиться въ сказаніяхъ и пѣсняхъ дружинной и боярской среды, и лучшимъ доказательствомъ этого дружиннаго пѣсеннаго преданія, помимо отголосковъ въ современныхъ былинахъ, служатъ всѣмъ извѣстныя мѣста въ галицко-волынской лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоровѣ».

7. *Д. П. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII столѣтіи.* (Въ Сборникѣ Харьк. Истор.-Филол. Общ. Томъ 8. Харьковъ. 1896. Стр. 63—244). Рецензія. *М. Довнаръ-Запольскаго.* № 10, 402—409. «Предметъ сочиненія—судоустройство, установившееся съ 1763 г. и дѣйствовавшее до введенія губернскихъ учрежденій въ 1782 г. Въ началѣ авторъ даетъ небольш. очеркъ судебныхъ порядковъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи со времени статей Б. Хмельницкаго до реформы 1763—764 гг. Затѣмъ описывается самая реформа, устройство и практика судебныхъ учрежденій, возстановленныхъ «по силѣ правъ малороссійскихъ», наконецъ—характеристика нравственной физіономіи тогдашняго суда; статья г. Миллера написана на основаніи архивнаго матеріала.

8. *Пребываніе въ Москвѣ Іоанникія Галятовскаго. В. О. Эйнгорна.* № 11, 82—96. Столкновеніе съ Мефодіемъ, еписк. мстисл., и отъѣздъ заграницу. Возвращеніе въ Малороссію и поставленіе елецкимъ архимандритомъ. Посылка въ Москву своихъ сочиненій. Поѣздка въ Москву въ 1670 г. Произнесеніе тамъ проповѣдей. Царскіе дары Галятовскому и его монастырю.

9. *Акты литовской метрики. Томъ первый. Выпускъ первый. 1413—1498 гг. Собраны Ф. И. Леонтовичемъ Варшава. 1896.* Рецензія *М. В. Довнаръ-Запольскаго. № 12, 341—351.* «Акты изданы по варшавской копіи метрики, въ которой и русскіе акты переписаны латинскимъ алфавитомъ». «Чтобы составить себѣ представленіе о достоинствахъ разбираемаго

сборника (говоритъ рецензентъ), я сличилъ прежде всего грамоты, переизданныя г. Леонтовичемъ, и съ ихъ прежними изданіями, и съ текстомъ метрики литовской, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Это сравненіе привело меня къ убѣжденію, что соотвѣтственныя граматы въ Актахъ Западной Россіи, Архивѣ Южной и Западн. Россіи, у Дзялынскаго и даже въ старомъ изданіи Гербурта напечатаны вполнѣ удовлетворительно, безъ грубыхъ пропусковъ и ошибокъ; въ изданіи же г. Леонтовича буквально всѣ грамоты напечатаны съ грубыми искаженіями текста, пропусками и проч. Далѣе я сравнилъ рядъ документовъ, впервые напечатанныхъ въ разбираемомъ изданіи, съ соотвѣтственными мѣстами текста Московской метрики; и это сравненіе дало, къ сожалѣнію, тѣ же результаты. Засимъ рецензентъ приводитъ въ контекстѣ болѣе двухъ страницъ (347—350)—искаженій и пропусковъ, помимо «массы грубыхъ опечатокъ». Искаженія противъ подлинника, напр., таковы: вм. Gnavosio—Generoso вм. Slanka—Stanxo, вм. puattuor—quorum, вм. videlicet—iniversitas и проч.

10. *Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи. Ф. Мищенка.* № 12, 103—124.

11. *О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи. Э. фонъ-Штерна.* № 12, 129—159.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для г.г. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ Ш), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужиц ую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся

по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виринуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) По тановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногородныхъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель **Я. Гуревичъ**

3—3

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія.

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за-границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоголія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокканскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко.—Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами.—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулішера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Генрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая харнктеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулішера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—

Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Л дова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала «*Восходъ*» и газеты «*Недѣльная Хроника Восхода*» 10 р., на полгода 6 р., ва 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной пл ты допуска тся только для лицъ, и дписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р , къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ гл вной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площ дь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Др вностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, е ли они этого пож лаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хроику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Линдау.*

3—3

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ **4** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . **1** р.
главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особ енности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ

отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой глазированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—3

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVI, 1897 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** 1—31, 188—220 . . . . . 351—374

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** 32—91, 221—274 . . . . 396—451

III. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ. III. Александръ Михайловичъ Марковичъ. **Ал. Лазаревскаго.** 92—111 . . . . . 275—310

IV. НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА. **Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . 112—124

V. СВОДЪ ДАННЫХЪ О ЯНѢ ОРЫШЕВСКОМЪ, ЗАПОРОЖСКОМЪ ГЕТМАНѢ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ. **А. Стороженка.** . . . . . 125—145

VI. ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. **А. Л.** . . . . . 145—150

VII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый.** 151—175 . . . . . 452—475

VIII. КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. . . . 176—187

IX. КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ. Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г. **Н. Бѣляшевскаго.** . . . 311—328

СТР.

X. ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ. (Некрологъ). **В. Науменка.** . . . . . 329—344
XI. И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 345—346
XII. ВИДЪ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ, АКВАРЕЛЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА (1846 г.). (Къ рисунку). . . . . 347—350
XIII. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. К.** . . . . . 375—395
XIV. НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО . . 476—501
XV. ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА. **В. Г—ка.** . . . . . 502—508
XVI. КЪ ИСТОРІИ МѢСТЕЧКА БОРИСПОЛЯ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Стороженка.** . . . . . 509—518
XVII. КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ВИШНЕВЕЦКІЙ, ПО НАРОДНОМУ ПРОЗВИЩУ БАЙДА (Къ портрету) **А. Стороженка.** 519—524

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. б) Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи въ Лебединѣ. в) Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго. **Н. Ѳ. Сумцова** г) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Сообщилъ **О. Л.** д) Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату 25 февраля. 1821 г. Сообщилъ. **Н. М.** е) Рубанъ Василій Григорьевичъ **А. Л.** ж) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г **А. Лазаревскаго.** з) Чаша Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** и) Черниговская губернская ученая архивная коммиссія і) Общество изслѣдователей Волыни. **Н. Бѣляшевскаго.** и) Мелочи изъ жизни Шевченка. к) Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. Сообщилъ **Н. М.** л) Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Сообщилъ **Н. М.** м) Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. **Ор. Левицкаго.** н) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. **А. Л.** о) Документъ изъ эпохи «панованья Войска

стр.

Запорожскаго» въ Малороссіи. Собщилъ **О. Л.** п) Какъ основалась «Кіевская Старина». **А. Л.** р) Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. Сообщ. **Н. М.** с) Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго. **Б. Гринченка.** т) Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. **В. Гавриша.** у) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 31—43 . . . . . 63—77

II. БИБЛІОГРАФІЯ а) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. **В. Науменка.** б) Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. **Н. М.** в) Записки наукового товариства імени Шевченка. Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIII. **Н. М** г) Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). **И. Каманина.** д) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. **И. Каманина.** е) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 9-й. **И. Каманина.** ж) Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes. Vingt-puatre gravures hors texte. Paris, 1896. **Н. М.** з) Б. С. Давидовичъ. Судьба православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). **К. Х—ча.** и) Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. і) Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podoliene Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. **Н. М.** к) 1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ. Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организація и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. **Н. М.** л) Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. **Н. М.** м) Новости польской исторической

стр.

литературы. А. С. н) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ. (Подъ редакціею В. Антоновича). Н. М. о) Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества Д. И. Эварницкаго. А. Л. п) В. С. Драгоміредкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Н. М. р) Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. с) Обзоръ журналовъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г. 21—30, 44—62 . . . . . 79—92

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка.

1) Портретъ Князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго.

2) Малороссійская свадьба (1—16).

ОБЪЯВЛЕНІЯ 1—26, 1—18. . . . . 1—6

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Неоконченная повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII вѣка.

Александра Михайловича Марковича.

Неоконченная повѣсть А. М. Марковича, (найденная въ его бумагахъ), какъ видно, основана—какъ на тщательномъ изученіи дневника его дѣда Якова Андреевича Марковича, такъ и на разсказахъ тѣхъ стариковъ, переживавшихъ вторую половину XVIII в., которыхъ авторъ долженъ былъ лично знать въ своей молодости. Хотя задуманная Марковичемъ повѣсть, осталась не оконченною, но, по своимъ бытовымъ подробностямъ, она имѣетъ значеніе историческаго мемуара, почему редакція и нашла полезнымъ напечатать этотъ отрывокъ. Судя по бумагѣ, повѣсть писана въ двадцатыхъ годахъ. Объ авторѣ повѣсти см. „Кіевск. Стар.“ 1897, январь и февраль.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

ГЛАВА I.

Лѣтъ 30-ть тому назадъ жилъ еще 80-ти лѣтній бунчуковый товарищъ Горбачевскій, и старики помнятъ еще его веселый нравъ и любопытные разсказы о давно минувшихъ происшествіяхъ. Онъ родился и умеръ въ Глуховѣ, служилъ въ малороссійской войсковой и гражданской службахъ и давно уже жилъ въ отставкѣ. Единственнымъ удовольствіемъ его въ сіе послѣднее время были воспоминанія о прежней славѣ Глухова и достопамятностяхъ той эпохи, и никакія великія происшествія нашего времени его столько не занимали, какъ тѣ, которыя въ глазахъ его проходили въ прежней гетманской резиденціи. Всѣ событія со времени императрицы Елисаветы Петровны сохранились живо въ его памяти: зналъ онъ многое, что и до того времени случилось, ибо отецъ его въ числѣ прочаго, впрочемъ не слишкомъ богатаго наслѣдства, оставилъ ему и нѣкоторой запасъ для разсказовъ еще изъ временъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола. Но панъ Горбачевскій любилъ преимущественно разсказывать то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Нельзя сказать, чтобы повѣствованія, въ наслѣдство ему доставшіяся, были менѣе любопытны, какъ тѣ которыя могъ онъ назвать своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. И я можетъ быть при досугѣ, сообщу оныя моимъ читателямъ; но на сей разъ приступаю къ разказу одного изъ происшествій, которое преимущественно любилъ разсказывать покойный панъ Горбачевскій, потому можетъ быть, что онъ самъ игралъ въ ономъ роль. Роль сія конечно была не важна и происшествіе сіе могло и совершиться, и расказано быть— безъ воспоминанія о его имени, но меня могли бы упрекнуть неблагодарностью, если бы я умолчалъ о томъ, что панъ Горбачевскій считалъ такъ важнымъ въ отношеніи себя и что при всякомъ повтореніи повѣсти, не упущалъ съ важностію сообщить своимъ слушателямъ. Какъ посл[illegible] читатель увидитъ, я не отниму у него принадлежащаго ему въ сей драмѣ мѣста. Мы сравнили выше разсказы пана

Горбачевскаго съ имѣніемъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ. Да не подумаютъ читатели, что мы сіе сдѣлали или желая пошутить надъ покойнымъ добрымъ паномъ Горбачевскимъ или показать свое остроуміе. Нѣтъ! Панъ Горбачевскій дѣйствительно щиталъ всѣ достопамятныя произшествія своею собственностію. Онъ овладѣвалъ ими со всѣмъ деспотизмомъ азіатскаго владѣльца и не позволялъ никому нарушать права своего владѣнія. Правда, онъ имѣлъ и многіе документы на сіе право: записки, копіи съ любопытныхъ всякаго рода бумагъ, акты и прочіе документы (чѣмъ мы въ семъ воспользовались), которые иногда останавливали дерзновенныхъ вступать въ его предѣлы. И никогда, должно сказать, смѣльчаки сіи не оставались безъ отмщенія. Имъ обыкновенно возмездіемъ было или сатирическая замѣтка или малороссійская пословица, или колкое словцо, которое всегда бывало довольно чувствительно. Но послѣ, однако, къ всему этому привыкли и безпрекословно признали пана Горбачевскаго въ полномъ правѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. И если иногда другіе позволяли себѣ при немъ вспомнить и разказывать минувшія бы́ли, то сіе дѣлали проказники, которые хотѣли заставить пана Горбачевскаго пуститься на поприще слова.

Съ кончиною императрицы Анны, Малороссія начала отдыхать отъ всякаго рода тягостей, которыми она была обременена. Но не утвердившееся правленіе и перемѣны въ ономъ держали еще всѣхъ въ неизвѣстности. Съ восшествіемъ императрицы Елисаветы Петровны Малороссія такъ сказать воскресла. Всѣ знали добрыя и милостивыя свойства императрицы и всѣ надежды въ душѣ малороссіянъ ожили. Уже не боялись ни фельдмаршала Миниха, котораго проѣздъ бывалъ такъ страшенъ, ни министерской канцеляріи, ни—слова и дѣла государева. Военные сержанты и капралы, правда, все были еще страшны, но они нѣсколько присмирѣли; а малороссіяне нѣсколько пріосанились. Надобно сказать, что мои земляки не столько боялись офицеровъ рускихъ, сколько нижнихъ чиновъ; вѣроятно отъ того, что первые были въ поступкахъ своихъ благороднѣе и въ требованіяхъ умѣреннѣе. Правда, иногда и московскій панъ (такъ называли офицеровъ) бывалъ тяжелъ, но все таки капраловъ боялись больше.— Вездѣ говорили о будущихъ перемѣнахъ; ожидали что великороссійскіе члены въ коллегіи будутъ уничтожены, что гетманъ будетъ избранъ и пр. и пр. Это обыкновенныя слѣдствія новаго правленія. Конечно, большая часть народа или сама не знаетъ чего хочетъ или ничего не желаетъ, и судя по пословицѣ *что панъ, то батько*, кажется

малороссіяне равнодушны, какъ ни называется ихъ начальникъ и какія права онъ ни имѣетъ; однако перемѣны въ правленіи были такъ тяжелы и такъ утѣснительны и не сообразны съ духомъ народа, что для этого одного желать могли гетманства. Теперь, можетъ быть, не очень бы порадовались назначенію выбора гетмана, и не послали бы депутаціи просить о семъ государя; но тогда съ избраніемъ гетмана уничтожался настоящій порядокъ правленія и этого было довольно; надобно правду сказать, что всегда и вездѣ о подобныхъ перемѣнахъ заботятся люди въ государствахъ высшаго класса, иные изъ чистыхъ видовъ, ожидая улучшенія состоянія страны, большая же часть по личнымъ отношеніямъ: иной ищетъ собственнаго возвышенія, другой счастливаго оборота въ своихъ дѣлахъ, третій паденія непріятелей. Больше всего возродило надежды малороссіянъ возвышеніе Разумовскаго, о которомъ узнали почти въ тоже время, какъ получили извѣстіе о восшествіи императрицы на прародительскій престолъ. Еще это былъ первый примѣръ возвышенія малороссіянина при россійскомъ дворѣ; народъ же, на особыхъ правахъ присоединенный къ государству, всегда радуется могуществу своего земляка при особѣ государя. Сколько онъ надѣется имѣть въ немъ предстателя, столько же и поставляетъ ему въ обязанность заботиться о благосостояніи земляковъ своихъ. Отчасти сей образъ мыслей основателенъ, ибо въ подобномъ случаѣ когда въ составъ государства вошелъ народъ на особыхъ правахъ состоящихъ, то безъ всякаго сомнѣнія много пріобрѣтетъ завистниковъ изъ тѣхъ, которые сими правами не пользуются. Къ сожалѣнію, природа человѣка такова, что если онъ и ничего не теряетъ черезъ то, что другому лучше, но онъ не менѣе отъ того досадуетъ и неперестаетъ желать, чтобы другой потерялъ, хоть самъ чрезъ то ничего не пріобрѣтаетъ. Въ доказательство тому служитъ существовавшая долгое время народная непріязнь между дѣтьми одной матери Россіи, великороссіянами и малороссіянами, не смотря на то, что исторія сихъ послѣднихъ не представляетъ ни одного примѣра вражды или непріязни противъ своихъ единовѣрцевъ и одноземцевъ. Непріятели Малороссіи только и помнятъ измѣну гетмана Мазепы; но сія измѣна человѣка, во первыхъ не природнаго малороссіянина, именно не удалось ему по причинѣ оказанной вѣрности войска и народа. И если въ теченіи можетъ быть ста лѣтъ земляки пана Горбачевскаго не показывали довѣрія и боялись москалей, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что русскіе ихъ не любили Теперь, благодареніе Богу, все сіе давно уже миновалось. Всѣ мы, и

великороссіяне и малороссіяне, русскіе, дѣти единаго отца и любимъ другъ друга, сколько люди способны любить другъ друга. Если мы оправдываемъ въ одномъ отношеніи требованія малороссіянъ, которыя они простираютъ къ возведеннымъ судьбою на степень могущества и славы землякамъ своимъ, то въ другомъ не можемъ не сознаться, что сіи требованія простираются иногда за предѣлы умѣренности и безпристрастности. Малороссіяне поставляютъ таковымъ вельможамъ въ обязанность не только быть защитниками всего края вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, такъ какъ родственники возвысившагося человѣка требуютъ отъ него исключительныхъ себѣ мѣстъ и наградъ, забывая, что благоразумный вельможа долженъ токмо смотрѣть на достоинства человѣка и на ту пользу, которую употребленный на службу можетъ приносить обществу. Отъ сего сохранились доселѣ пріязнь къ однимъ и ненависть къ другимъ вельможамъ изъ малороссіянъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастныхъ; а поелику тѣхъ изъ нихъ, которые заслужили первую гораздо меньше, нежели послѣднихъ, то не отъ того ли возродилось въ Малороссіи невыгодное мнѣніе на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые возвысились. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится ко временамъ минувшимъ. Теперь малороссіяне радуются возвышенію не земляка своего, но человѣка достойнаго и интересы ихъ одни со всею Россіею. Но оставляю дальнѣйшее разсужденіе объ одномъ изъ такихъ предметовъ, о которомъ мнѣнія людей будутъ всегда различны, приступаю къ разсказу происшествія, желаю читателямъ моимъ столь удовольствія при чтеніи, сколько доброй панъ Горбачевскій доставлялъ утѣшенія своимъ слушателямъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы желаніе мое исполнилось, ибо хотя я соблюдилъ (sic) весьма строго вѣрность историческую, и не позволилъ себѣ прибавить ни одного обстоятельства сверхъ того, что точный и правдивый п. Горбачевскій намъ оставилъ, однако тотъ оригинальный разсказъ, та національная веселость, особенный образъ изъясненій, движенія комическія п. Горбачевскаго, что доставляло слушателямъ столько удовольствія, все это къ сожалѣнію погибло для читателей. Мы постараемся однако сколько возможно замѣнить сей недостатокъ историческими мѣстными извѣстіями и замѣчаніями, которыя не нужны были для тогдашняго времени, ибо всѣмъ были извѣстны, но которыя нужно сообщить нашимъ читателямъ.

Городъ Глуховъ не то значилъ прежде, что онъ значитъ въ наше время. Теперь проѣдешь иногда черезъ городъ и не увидишь на улицѣ

живой души; а прежде, какъ старики разсказывали, не разминешься бывало съ берлинами, колясками и тарадайками; кареты были еще рѣдки, однако знатнѣйшіе люди имѣли оныя. Множество пановъ жило въ городѣ по должности, другіе же и безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ хоть не имѣли постояннаго пребыванія, но живя въ сосѣдствѣ, пріѣзжали весело проводить время въ малороссійской резиденціи; къ сему надобно прибавить великороссійскихъ чиновниковъ, военныхъ; такъ что все это составляло общество многолюдное и разнообразное. Бывали часто обѣды, банкеты, которые продолжались...(?) цѣлый день, на которыхъ не жалѣли ни водки, ни венгерскаго вина. Вечеромъ бывали собранія для игры, въ которой участвовали и дамы, равно и въ банкетахъ играли въ пикетъ, въ памфилъ, въ ломберъ. Танцовали рѣдко, ибо дѣвицы выѣзжали токмо на свадьбы; но со времени гетмана Разумовскаго начали давать балы и дѣлали собранія менѣе утомительныя. Къ гетману съѣзжались на обѣды, потомъ разъѣзжались, а вечеромъ снова собирались на балъ. Въ это время завелся въ Глуховѣ и французскій театръ. Декабря 19, 1751-го года открыли представленіе комедіей *La foire de Hizin*. Панъ Горбачевскій сказывалъ, что, какъ слыхалъ онъ отъ одного старика, Глуховъ въ древности Васильковымъ назывался и что, до раззоренія, однихъ церквей въ ономъ было 70[1]). Послѣ же разоренія, когда начали селиться въ немъ люди, они прозвали новый городъ Глуховымъ—отъ глуши. Извѣстно по исторіи, что Глуховъ былъ разоренъ Батыемъ, который чрезъ него возвращался. Извѣстно также, что во время моровой язвы въ немъ не осталось ни одного человѣка живого. Глуховъ здѣлался резиденціей и правленія со времени избранія Скоропадскаго. Послѣ измѣны Мазепы, Батуринъ, прежнее мѣсто пребываніе гетмановъ, былъ взятъ приступомъ и разоренъ. Глуховъ, какъ и теперь, раздѣлялся собственно на городъ и на предмѣстія—Верягинъ, Бѣлополовка Усовка и Красная-Горка, названная вѣроятно по красотѣ своихъ видовъ. Улицы были не прямы и дома строили, какъ и гдѣ хотѣлъ. Но когда въ 1748 году, въ маѣ, послѣ пожарей, пять дней возобновлявшихся, почти весь городъ выгорѣлъ, то указомъ сената 1748 года, 23 числа іюня и сентября 16, повелѣно—разширять улицы въ городѣ и строить порядочно. Въ городѣ были; домъ малороссійской коллегіи, домъ гетмана, близъ церкви Анастасіевской, монастырь дѣвичій, значительнѣйшія церкви, канцелярскій курень, торговые ряды, базаръ, который назывался въ Малороссіи *мѣсто*, домы казенные и нѣкото-

[1]) Это свѣдѣніе взято изъ дневника Як. Марковича.—*Ред.*

рыхъ частныхъ людей. Въ городѣ было четверо воротъ: кіевскіе, московскіе, путивльскіе и бѣлополовскіе. Впрочемъ, по тѣснотѣ мѣста, богатые люди начали послѣ строить домы на предмѣстіяхъ. Гетманъ Скоропадскій имѣлъ домъ на Бѣлополовкѣ, который назывался *напастовнику*, т. е. на огородѣ. Гетманъ Апостолъ тоже выстроилъ на семъ предмѣстіи домъ, но не долго въ ономъ пожилъ. Въ день коронаціи императрицы, 28-го апр. 1733 г., ясновельможный далъ огромный банкетъ, на которомъ самъ больше всѣхъ гостей подгулялъ и тутъ же занемогъ; отъ сего болѣе не вставалъ. Другіе вельможные паны имѣли домы на Бѣлополовкѣ и на Веригинѣ, гдѣ былъ и министерскій дворъ. Тутъ построили послѣ новый домъ, въ которомъ жилъ гетманъ Разумовскій. Еще и теперь есть остатки прудовъ и садовъ гетманскаго жилища. Глуховъ имѣетъ довольно хорошее мѣстоположеніе. Городъ собственно называемый, предмѣстіе къ селу Сваркову и Красная-Горка, какъ уже и сіе названіе показываетъ, поселены на возвышеніи, а прочія предмѣстія—на низменностяхъ. Городъ соединяется съ Веригинскимъ предмѣстіемъ посредствомъ широкой плотины: при въѣздѣ на оную воздвигнуты великолѣпныя каменныя кіевскія ворота. Плотина сія теперь не очень пріятна для проѣзжающихъ, но прежде всегда содержалась въ порядкѣ и въ старыя времена высыпалась пескомъ и служила мѣстомъ гулянья для всего города. На правой сторонѣ оной—обширной и красивой прудъ, въ которой вдался отъ стороны Веригина низменный мысъ. На семъ мѣстѣ фельдмаршалъ Румянцовъ-Задунайскій построилъ было для себя дворецъ, выкопалъ пруды и разсадилъ садъ. Нѣкоторые старые козаки помнятъ еще и теперь, что они довольно потрудились строивши, какъ они говорятъ, домъ на болотѣ. Подобныя работы были одною изъ причинъ, заставлявшихъ козаковъ переходить въ посполитые, то есть въ состояніе собственно земледѣльческое. На главной улицѣ города, между воротъ московскихъ и кіевскихъ, построенно было великолѣпное каменное зданіе въ три этажа, украшенное многими статуями (правда не весьма красивыми). Тутъ помѣщались: малороссійская коллегія, генеральный судъ и другія присутственныя мѣста. Въ полдень, когда оканчивались занятія по присутствіямъ, выходила на балконъ войсковая музыка и раздавались громкіе звуки литавръ и трубъ. Все приходило въ движеніе: чиновники и канцелярскіе служители и множество зрителей на улицѣ, все это смѣшивалось и говоръ заглушалъ иногда самую музыку. Всѣ расходились потомъ обѣдать.

Въ 178... году [1]) отъ пожара, который истребилъ большую часть города, сгорѣло и сіе огромное зданіе, остатки онаго долгое время представляли великолѣпныя руины. Къ 180... сдѣлали изъ онаго три корпуса для присутствій, которые черезъ нѣсколько лѣтъ обратились въ безобразныя развалины; немногія же оставшіеся статуи попали къ охотникамъ: еще и теперь видна одна въ впадинѣ постоялого двора на большой дорогѣ. Такъ преходитъ слава міра сего!—Гдѣ теперь гаубтъ-вахта, которая вѣроятно скоро умножитъ число городскихъ развалинъ, былъ канцелярскій курень, тоесть домъ, гдѣ помѣщались канцелярскіе служители. Тогда въ Глуховѣ служили молодые люди и всѣхъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Домъ сей былъ жилищемъ веселостей и позволительныхъ шалостей рѣзвой молодежи. Однако эта молодежь знала и свое дѣло, многіе молодые люди учились основательно (особливо для того времени) въ кіевской академіи и не перемѣняли ежегодно потомъ мѣста своей службы. Еще иногда и теперь слышимъ, что если говорятъ про какого знающаго дѣльца, то во первыхъ упоминаютъ, что онъ служилъ въ малороссійской коллегіи и съ патріотическою гордостью разсказываютъ, что когда одинъ губернаторъ изъ великороссіянъ отзывался о малороссійской коллегіи невыгодно въ присутствіи фельдмаршала Задунайскаго, то графъ сказалъ: знаете-ли, батюшка, что тамъ есть канцеляристы умнѣе насъ! Въ малороссійской коллегіи началъ службу Безбородко, Трощинскій и другіе люди, которые въ послѣдствіи преходили важныя государственныя должности. Но приступимъ къ повѣствованію.

ГЛАВА II.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки,
Топтаны стежечки подъ оконечки
Малорос. пѣсня.

Въ верстахъ 15 отъ города, жилъ отставной ея царскаго пресвѣтлаго величества малороссійскаго войска полковникъ [2])... Онъ служилъ долго, былъ въ походахъ противъ турокъ при императрицѣ Аннѣ и наконецъ 55-ти лѣтъ вышелъ въ отставку. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ потерялъ жену. Семейство его состояло изъ одной дочери. Надежда, такъ звали ее, была 18-ти лѣтняя прекрасная,

[1]) Пожаръ этотъ случился въ 1784 г.

[2]) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи.

свѣжая, румяная дѣвушка. Черные волосы возвеличивали бѣлизну ея лица и блестящій румянецъ на щекахъ. Теперь, можетъ быть, красавицу съ такимъ живымъ румянцемъ нашли бы слишкомъ деревенскою; но въ старыя времена здоровье почитали въ дѣвицахъ первою красотою; и женихи, и родственники ихъ заботились, чтобы избираемая ими въ семейство свое дѣвушка была совершенно здорова. Тогда не знали бы что дѣлать съ спазмами и нервическими припадками, при которыхъ, какъ мужья утверждаютъ, часто не одна больная страждаетъ. Надобно однако сказать, что молодые люди, сохраняя въ то время свою молодость и здоровье весьма строго, имѣли болѣе права и основательныхъ причинъ, нежели нынѣшніе, такъ много заботиться о здоровьи тѣхъ, коихъ избирали себѣ въ подруги. Весьма часто случалось, что женихъ вступалъ въ бракъ такъ же невиннымъ, какъ и любезныя ихъ невѣсты. Третье лице, составлявшее семейство полковника, была тоже молодая дѣвица, однихъ почти лѣтъ съ Надеждой. Она была съ-родни полковнику и оставшись въ дѣтскихъ лѣтахъ сиротою, бѣдною и безпріютною, взята была въ домъ полковника, двоюроднаго своего дяди Софія была прелестная дѣвица. Она не имѣла блестящей наружности Надежды, ни ея веселости, была нѣсколько блѣдна и томна. Голубыя ея глаза являли нѣжность ея сердца и доброту души. Полковникъ называлъ ее овечкою. Хоть таковымъ названіемъ не хотѣлъ онъ ее совершенно обидѣть, однако показывалъ симъ, что недоволенъ ея тихостію, молчаливостію и томностію Онъ часто говорилъ, что изъ нея не будетъ доброй хозяйки, ибо хозяйка должна быть бойчѣе, подвижнѣе и проворнѣе. Въ старину болѣе всего заботились, чтобы дѣвица, особенно бѣдная, подавала надежду о себѣ, что будетъ въ своемъ домѣ хорошею хозяйкою, и потому заранѣе препоручали имъ разныя обязанности хозяйственныя и смотрѣніе въ домѣ родительскомъ. Такъ и въ домѣ полковника дочь его имѣла на рукахъ своихъ все женское хозяйство; но она, такъ сказать, была почетная хозяйка. Труднѣйшія же и существенныя части домоводства были дѣломъ Софіи. Полковникъ часто ей твердилъ, что ненадобно даромъ хлѣба есть; нельзя сказать, что бы онъ сіе дѣлалъ изъ жестокости или желая ее оскорбить, но тогда менѣе были отчетливы и въ словахъ, и въ поступкахъ. Напротивъ, онъ бы считалъ себя виноватымъ, если бы ее баловалъ и пріучилъ къ праздности. Какъ бы то ни было, Софія большую часть дня проводила въ хозяйскихъ трудахъ; всѣ амбары и кладовыя находились въ ея владѣніи: огромная связка ключей всегда была у ней или въ

рукахъ или подъ полою ея кофты; ночью же они почевали они подъ ея подушкой. Самыя дорогія вещи были подъ смотрѣніемъ Надежды, напримѣръ, серебро, гардеробъ ея покойной матери, сахаръ, водки и закуски; однако Надежда или будучи занята съ гостями или лѣнясь сама пти, не рѣдко дѣлала довѣренность Софіи поуправиться и въ своемъ департаментѣ. Когда нужно было имъ вывѣсить, при хорошей погодѣ, бархатные и аксамитные кунтуши, шубы, стеганыя одѣяла ея матери, или же къ какому празднику вынуть изъ кладовой серебро или налить въ графинчики изъ сулѣй [1]) водки, то обыкновенно поручаемы ей были ключи, которые по окончаніи порученія возвращались Надеждѣ обратно. Надежда во время сихъ операцій навѣдывалась въ кладовую, и даже безъ оныхъ почти ежедневно бывала тамъ, большею частію послѣ обѣда, ибо въ это время она всегда запасалась тамъ павидломъ, т. е. медовымъ варенъемъ, на полдникъ, для котораго обыкновенно, при шествіи ея въ кладовую, слѣдовала за нею служанка съ *тальркою* [2]) и ложкою. Дворъ полковника состоялъ изъ значительнаго числа служителей обоего пола. Тогда въ панскихъ дворахъ не было такъ много дворовыхъ, какъ то бывало въ послѣдующее время, ибо, какъ извѣстно, въ эпоху нами описываемую, помѣщики не имѣли крѣпостныхъ людей; поселяне, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтать свою землю и назывались не крестьянами, но подданными. Однако полковникъ,—по примѣру прочихъ знатныхъ пановъ, имѣлъ значительную дворню: домоправителя, повѣреннаго, комнатныхъ служителей, изъ которыхъ холостые назывались молодиками и хлопцами, кучеровъ, машталѣровъ, охотниковъ, трубачей, которые въ торжественные и веселые дни составляли музыку, бояръ, то есть верховыхъ, которые, во время поѣздокъ полковника, скакали впереди и проч. Сверхъ того, при дворѣ полковника находился домовой священникъ и дьячекъ, ибо въ то время богатые паны имѣли въ селахъ особыя домовыя или придворныя церкви, для которыхъ содержали священно и церковнослужителей изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Въ то время малороссійскіе паны были очень набожны. Въ нѣкоторыхъ домахъ придворный дьячекъ ежедневно приходилъ въ комнаты читать заутреню, часы и вечерню, и часто сопровождалъ пана въ его поѣздкахъ, во время которыхъ сіе обыкновеніе не па-

---

[1]) Большія бутыли.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

рушалось. Дворовые служителя, особенно повѣренный и писарь, присоединялись къ дьячку, попеременно съ нимъ читали и громогласно пѣли священныя пѣсни. Священники, особенно духовники, весьма были уважаемы; духовные дѣти безпрекословно повиновались налагаемой на нихъ эпитеміи. Правду сказать, что духовники налагали оныя съ снисхожденіемъ и уваженіемъ, и эпитеміи почти всегда заключались въ чтеніи псалтыри или молитвъ опредѣленныхъ. Дворовые люди лучшіе имѣли какъ и всегда и вездѣ, преимущество предъ другими; но въ то время они пользовались почестію, которая послѣ вышла изъ обычая. Въ свѣтлый праздникъ тѣ изъ людей сихъ, которые поведеніемъ своимъ и заслугами пріобрѣли уваженіе, пользовались правомъ обѣдать за однимъ столомъ съ панами. Домъ полковника въ деревнѣ былъ въ числѣ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ. Тогда по большей части строили дома деревянные, которые имѣли немного выгодъ и не защищали довольно отъ холода, что мы и теперь къ удивленію видимъ, хоть по климату нашему и должно было бы ожидать большей о семъ заботы. Въ домахъ обыкновенно бывало много холодныхъ сѣней. Комнаты имѣли названія отличныя отъ теперешнихъ. Гостиная называлась парадною, или середнею; посему, большею частью, она была въ срединѣ другихъ комнатъ; буфетъ—крейденцомъ, дѣтская... (?) [1]), была зала, боковыя и проч. Предъ главнымъ входомъ обкновенно было большое крыльцо и крыши всегда высокія, и часто въ два яруса. У полковника домъ украшенъ былъ, какъ не у многихъ изъ тогдашнихъ пановъ. Въ гостиной были заграничные шелковые обои, которые называли плахтами, зала была выштукатурена и потолокъ украшенъ былъ узорчатыми фигурами лѣпной работы, полы были хоть не паркетные, но штучные. Двери изъ сѣней въ различныя комнаты были одноштучныя, выкрашенныя темнозеленою краскою, на которыхъ нарисованы были различныя эмблемы, почерпнутыя большею частію изъ книги изданной при Петрѣ I въ... году подъ заглавіемъ [2])... Не далеко отъ дому полковника была огромная каменная кладовая, со сводами, крытая желѣзомъ. Эта кладовая служила главнымъ украшеніемъ двора, ибо паны поставляли свое честолюбіе въ томъ, чтобы имѣть огром-

[1]) Трудно прочесть; мож. быть—*мамкиною.*

[2]) Можно предполагать, что Марковичъ имѣлъ здѣсь въ виду, изданную въ 1705 г. книгу: „Символы и Емблемата," состоящую изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, эмблемъ и символическихъ изображеній, которыхъ всѣхъ числомъ 840. См. Пекарскій, „Наука и Литература при Петрѣ В." II, 142. *Ред.*

ныя кладовыя. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій и погребовъ и была въ два яруса, изъ коихъ на второмъ находилась комната, въ которой часто лѣтомъ полковникъ гулялъ съ пріятелями. Погребъ былъ тутъ же, слѣдовательно недалеко было ходить за венгерскимъ, фортиньякомъ и разными наливками, которыя нѣкоторые гости предпочитали самымъ лучшимъ винамъ. Близъ дому былъ садъ регулярной и цвѣтникъ. Аллеи въ ономъ, какъ и въ болѣшей части прочихъ садовъ, обсажены были липами, а въ куртинахъ были плодовитыя деревья. У полковника была и оранжерея, хотя не весьма богатая, но и та служила предметомъ удивленія и доказательствомъ богатства пана, ибо подобныя заведенія были еще очень рѣдки.

Въ домѣ полковника жилъ съ давнихъ лѣтъ п. Бандура-Галошкевичъ, хотя изъ бѣдной, но старинной фамиліи шляхтичъ. Предки его, по преданіямъ, сохраняемымъ съ большимъ стараніемъ п. Бандурой, назывались прежде Галошкевичами, но одинъ изъ нихъ мастерски игралъ на бандурѣ и гетманъ Мазепа любилъ забавляться его музыкой. Ясновельможный пожаловалъ его войсковымъ товарищемъ, и въ одну изъ веселыхъ минутъ сказалъ, что для сохраненія въ «потомные часы» памяти о его мастерствѣ, онъ придаетъ къ прежней фамиліи его *пришідомокъ* Бандура. Съ тѣхъ поръ все потомство славнаго музыканта сохраняло съ благоговѣніемъ сіе прозваніе. Нѣкоторые люди, вѣроятно, по непріязни, утверждали, что п. Бандура произвольно перемѣнилъ свою фамилію, и что предки его назывались не Галошкевичами, а Галушкевичами; но сіе п. Бандура считалъ всегда великою себѣ обидою и никога не прощалъ, если кто и неумышленно превращалъ его прозваніе. Къ несчастію сходство сей фамиліи съ названіемъ весьма употребительнаго въ Малороссіи кушанья, затрудняло весьма многихъ и невольно заставляло многихъ ошибаться въ произношеніи. Дворовымъ людямъ полковника это обстоятельство было настоящимъ камнемъ преткновенія: они охотно бы желали называть взыскательнаго полковника п. Бандурой, но п. Галошкевичъ весьма не любилъ, чтобы отдавали преимущество новѣйшей фамиліи предъ древнѣйшею. Требованія его на сей счетъ сдѣлались особенно настоятельны съ тѣхъ поръ, какъ п. асаулъ генеральный, который учился въ кіевской академіи и зналъ латинскій и французскій языки, сообщилъ п. Бандурѣ Галошкевичу свои догадки о томъ, что фамилія его по всѣмъ соображеніямъ происходитъ отъ галловъ и совѣтовалъ ему писать оную чрезъ латинское G, что п. Галошкевичъ принялъ весьма основательнымъ и охотно послѣдовалъ совѣту п. асаула ге-

неральнаго, котораго учености онъ съ того времени еще болѣе довѣрять началъ.

П. Бандура-Галошкевичъ—былъ *все* въ домѣ полковника, а наиболѣе его собесѣдникомъ. Онъ имѣлъ неограниченную въ домѣ власть и всѣ ему безпрекословно повиновались. Онъ участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ забавахъ п. полковника. Во всѣхъ важныхъ и малыхъ дѣлахъ спрашивалось его мнѣніе. Всѣ закупки на ярмаркахъ и въ городѣ совершались Галошкевичемъ. Домоправитель, войтъ [1]) и другія должностныя (лица?) не предпринимали ничего безъ его совѣта и голосъ его всегда былъ уважаемъ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней ожидали возвращенія п. полковника изъ города, куда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхмлъ. По сему случаю п. Галошкевичъ всталъ раньше обыкновеннаго, т. е. прежде восхожденія солнца. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ, отправился онъ въ людскія, мастерскія, на кухню и конюшню, вездѣ разнесъ съ собою пробужденіе, сопровождаемое то ласкою, то угрозами, смотря съ кѣмъ имѣлъ онъ дѣло. На другой половинѣ дома происходили подобныя явленія, хоть главное дѣйствующее лице было другое. Послѣ п. Галошкевича безспорно значительнѣйшая особа въ домѣ была ключница. Трудно даже рѣшить, кто изъ нихъ былъ важнѣе. Прежде называли ее Дарьей; но когда п. полковникъ назначилъ ее въ ключницы, то изъ почтенія къ новому званію начали величать ее Одаріей Семеновной. Не смотря на то, что панночки сами смотрѣли отчасти за хозяйстомъ и имѣли ключи, можно сказать, что Одарія Семеновна была настоящая хозяйка въ домѣ. Панночки ничего не смѣли сдѣлать, не испоривъ прежде ея совѣтовъ или лучше сказать приказаній. Безъ ея опытности и напоминананій онѣ часто не знали бы что дѣлать, и если дочь и племянница заслуживали иногда гонку отъ п. полковника, то это всегда было послѣдствіемъ того, когда онѣ, по молодости, уклонялись отъ пути, предназначеннаго опытною домоводкой. Сверхъ того, Одарія Семеновна смотрѣла за ними еще съ самой колыбели, а это одно могло сдѣлать, что онѣ имѣли бы къ ней невольное почтеніе, если бы она и не заслуживала онаго своею къ нимъ привязанностію и ласковымъ угожденіемъ ихъ прихотямъ, когда она, разумѣется, была къ тому расположена. Одарія Семеновна встала немного позже п. Голошкевича и, какъ опытная домоправительница, не менѣе показала въ сей день усердія и заботливости, ожидая п. полковника. Все утро

[1]) Позднѣе—„приказчикъ", распоряжавшійся работами крестьянъ.

она, какъ говорится, не присѣдала, и языкъ ея, который можно сказать былъ неутомимъ, не болѣе оставался въ покоѣ, какъ и ея ноги. Она уже нѣсколько разъ обходила и кухню, и пекарню, и кладовую. Во время сихъ заботъ, переходовъ и обильныхъ разсказовъ, съ перерывами, она была (безпокоима?) частыми требованіями служителей, особенно поварчуковъ, которые присылали къ ней за столовой провизіей. Надобно сказать, что бережливая домовка имѣла правило никогда не отпускать за однимъ разомъ столько провизіи на кухню, сколько отъ ней требовали, хоть бы требованія сіи были весьма умѣрены. Это дѣлала она изъ расчетливости экономической, соображая весьма справедливо, хотя и не сознаваясь въ томъ, что повара и полковника скорѣе готовы будутъ сдѣлать возможное изъ не возможнаго, нежели обратиться къ ней съ новыми требованіями провизіи, такъ боялись они грому и крику, которыми обыкновенно Одарія Семеновна поражала служителей кухни. Не успѣла она узнать причину прихода поварчука, какъ обильныя рѣчи, подобно лавѣ, лились на бѣдную его голову. Хоть она послѣ принималась за ключи, но симъ не прекращался шумный ея разговоръ, крикъ ея раздавался и на дворѣ и на кухнѣ, куда она за поварчукомъ слѣдовала, когда тотъ получилъ отъ нея нужное, бѣгомъ уходилъ, опасаясь, чтобы она, не довольствуясь тѣмъ, что дала полную волю своему языку, не дала оной и рукамъ. И когда Одарія Семеновна уходила изъ кухни, то подобно, какъ на театрѣ изумленному зрителю мнится еще слышать разъяренную Клитемнестру, хотя она уже скрылась за сцену, такъ пораженнымъ служителямъ кухни казалось, что грозная ключница все еще мещетъ на нихъ громъ и молнію и тогда, какъ неутомимая домодовка уже на другомъ концѣ двора избрала мѣсто дѣйствія. Во время сихъ утреннихъ прогулокъ часто случалось, что и. Галошкевичъ встрѣчался съ трудолюбивою ключницею. При этомъ случаѣ они обыкновенно останавливались и сообщали другъ другу всѣ важныя происшествія и распоряженія, каждый по своему вѣдомству. Нельзя сказать однако, чтобы встрѣчи его всегда были дружественныя. Что касается до и. Галошкевича, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, невольно всѣми въ домѣ полковника принятое, что безъ трудолюбивой Одаріи Семеновны не могъ бы существовать домъ и слыша часто отъ самаго и. полковника, что онъ, оставшись безъ жены, существенно ей обязанъ за порядокъ и сбереженіе своего имущества, и. Галошкевичъ считалъ необходимостію жить въ добромъ ладу съ экономкою и заслуживать ея дружбу. Но Одарія Семеновна, которая никогда не покорялась совершенно

никакимъ политическимъ видамъ, весьма не жаловала п. Голошкевича. Впрочемъ, уважая волю своего пана, она никогда не позволяла себѣ ни сдѣлать, ни сказать ему всего того, чѣмъ бы она иногда желала его попотчивать, и это принужденіе, котораго она во всякомъ случаѣ была великій врагъ, едва ли не побудительнѣйшею причиною было той пріязни, которую она питала къ п. Галошкевичу. П. Бандура былъ не безъ ума и не безъ хитрости; и въ отношеніи къ Одарін Семеновнѣ онъ употребилъ всѣ расчеты и искусство стараго дипломатика, чтобы разгадать ея характеръ и узнать слабую онаго сторону; но въ теченіи многихъ лѣтъ всѣ старанія его оставались напрасными. Какъ часто, думалъ онъ, видя свой успѣхъ сегодня, что наконецъ достигъ своей цѣли, но на завтра разрушились всѣ его надежды. Что удавалось и годилось вчера, то сегодня не служило ему ни къ какой пользѣ, а часто имѣло для него и невыгодныя послѣдствія. Все зависѣло отъ внутренняго распоряженія трудолюбивой домодовки и отъ ея произвола. Самыя лестныя для нее слова, самыя явственныя знаки уваженія иногда худо принимались; въ другой разъ и съ меньшими пособіями удавалось смягчить ея гнѣвъ или заслужить ея привѣтливость. Когда Одарія Семеновна была въ ладахъ съ п. Галошкевичемъ, то она, хоть неохотно и съ трудомъ, но производила его прозваніе отъ галловъ; въ противномъ случаѣ давала оному другой корень. Часто одного этого затрудненія въ произношеніи достаточно было, чтобы вывести ее изъ терпѣнія, и хотя, п. Голошкевичъ одной ей не показывалъ негодованія своего за сіе оскорбленіе, однако Одарія Семеновна обыкновенно, подъ видомъ извиненія, прерывала разговоръ сими или подобными словами: воля ваша п. Галошкевичъ, я понѣмецки не училась и позаморски васъ называть не умѣю! Прошу не погнѣваться, п. Галошкевичъ, а мнѣ право кажется, что вы напрасно трудите христіанскій міръ, заставляя его называть васъ не по нашему! И развѣ стыдно вамъ называться п. Галушкевичемъ? Развѣ наши галушки такая вещь, что и называть стыдно? Вы сами видите, что иногда и вельможные паны и панія ихъ кушаютъ. И послѣ этого, казалось бы, не кстати вамъ симъ обижаться! Прибудетъ ли вамъ чести отъ того, что вы происходили отъ какихъ то нехристовъ? Воля ваша п. Галушкевичъ, я сему не вѣрю. Идѣдъ, и прадѣдъ вашъ, благодаря Бога были христіане, и за моремъ никогда, можетъ быть, по нашему не бывали, такъ зачѣмъ вамъ гоняться за нѣмецкими прозвищами?—П. Галошкевичъ выслушивалъ это иногда съ терпѣніемъ, а иногда и съ усмѣшкою. Онъ старался увѣ-